РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга 19

Эр1 769
Эр1 769
М-48
ч. I

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ

ТРАГЕДІЯ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ч. I

БѢЛГРАДЪ

1930

19780-1.

Erwerbs-B. Nr. 19780134

С. П. МЕЛЬГУНОВЪ

S. P. Melgunov.

ЭР1
769

Tragedija Admirala Kolčaka

Трагедія Адмирала Колчака

Изъ исторіи гражданской войны на Волгѣ,
Уралѣ и въ Сибири.

(Tragödie des Admirals Kolltschak)

ЧАСТЬ I.

Vostočnyj front graždanskoj vojny

Восточный фронтъ гражданской войны.

Deutsche Heeresbücherei Berlin

БѢЛГРАДЪ
1930.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
834381
Ф 20861

„РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ“ — Бѣлградъ, Битольская, 25.

Отъ автора.

„Дѣло не въ законахъ, а въ людяхъ“..
А. В. Колчакъ.

Свою книгу я назвалъ „Трагедіей адмирала Колчака“, хотя, въ сущности, о личной трагедіи „верховнаго правителя“ въ Сибири буду говорить мало. А. В. Колчака я не зналъ и никогда не видѣлъ. Его обликъ рисуется мнѣ только съ чужихъ словъ и изъ замѣчательнаго историческаго документа, если не вышедшаго изъ подъ его пера, то непосредственно имъ созданнаго. Я имѣю ввиду показанія Колчака во время допроса слѣдственной комиссіей „революціоннаго правительства“ въ Иркутскѣ въ 1920 г. Достаточно прочесть этотъ литературный памятникъ, чтобы проникнуться величайшей симпатіей къ фигурѣ сибирскаго „диктатора“, трагическія черты котораго отмѣчаютъ и противники. (Напр., Б. Павлу въ „Чехосл. Дн.“ № 269).

Да, въ жизни этого человѣка была, дѣйствительно, драма. И заключалась она не только въ томъ, что свои личные интересы онъ, какъ и многіе въ годы гражданской войны, принесъ въ жертву общественному долгу. Наука влекла его къ себѣ въ юности. Отважный путешественникъ и изслѣдователь-гидрологъ, мечтавшій открыть южный полюсъ и совершившій въ 1903 г. смѣлое путешествіе на крайній сѣверъ въ поискахъ экспедиціи бар. Толя, — онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто посвятилъ себя возрожденію русскаго флота послѣ японской войны. Пришла затѣмъ европейская война. Съ энтузіазмомъ Кол-

чакъ погрузился въ атмосферу военныхъ дѣйствій, считая побѣду Германіи величайшимъ зломъ для Россіи.

Въ войну клиномъ вошла революція. Тогда имя Колчака прогремѣло въ Россіи въ связи съ командованіемъ черноморскимъ флотомъ. Мѣсяцы тяжелой эпопеи гражданской войны, и „истинный патріотъ", по выраженію проф. Перса въ статьѣ „Sl. Rev." (28, VIII), оставленный всѣми, гибнетъ въ большевицкомъ застѣнкѣ.

Это — драма. Но не ей посвящаются послѣдующія страницы. Я буду говорить о трагедіи всей Россіи, о трагедіи всего того движенія, которое превратило въ глазахъ однихъ Колчака въ національнаго героя, а для другихъ связало его имя съ неудачной „антрепризой".

Общественная трагедія здѣсь переплетается съ трагедіей личной. Человѣка, чувствовавшаго, по собственнымъ словамъ въ интимномъ письмѣ къ другу, „отвращеніе" къ политикѣ, жизнь заставила быть политикомъ. Человѣка, видѣвшаго въ политической власти „крестъ", жизнь заставила быть „диктаторомъ". Рыцаря подвига, безукоризненной моральной чистоты, брезгливо сторонившагося отъ интригъ, бурно ненавидѣвшаго произволъ (характеристика бар. Будберга) — политическіе противники сдѣлали какъ бы символомъ политической интриги и политическаго насилія, искусственно и несправедливо концентрируя около личности россійскаго „верховнаго правителя" все то темное и мрачное, что выступало такъ часто вопреки волѣ вождей на фонѣ борьбы, свѣтлой и героической, за возстановленіе Россіи. Идеалистъ, судорожно искавшій лучшихъ путей, дѣлался отвѣтственнымъ за грѣхи другихъ. Колчакъ, узнавъ о разстрѣлѣ заключенныхъ въ тюрьму членовъ Учр. Собр., въ смутные декабрьскіе дни въ Омскѣ, бился въ „истерикѣ"*) — разсказываетъ с.-р. Колосовъ; „этотъ диктаторъ обладалъ вообще темпераментомъ истерической женщины". Но неужели Колосовъ, а за нимъ Зензиновъ, повторившій эти слова, не понимаютъ, сколь неумѣстна въ данномъ случаѣ ихъ иронія? Она лишь

*) Колчакъ былъ тяжело боленъ. Съ нимъ сдѣлался обморокъ.

служитъ личнымъ оправданіемъ того, съ образомъ котораго пытаются связать темныя страницы освободительной отъ большевицкаго насилія борьбы. Въ немъ, Колчакѣ, была „подлинная человѣчность" — замѣтилъ писатель Ауслендеръ, дававшій въ Сибири общую характеристику россійскаго „диктатора".

Колчакъ былъ диктаторомъ sugeneris, диктаторомъ „конституціоннымъ", диктаторомъ, звавшимъ всѣхъ, кто любитъ Россію, къ ней на помощь*). Допустимъ, что этотъ диктаторъ, засвидѣтельствовавшій всей своей жизнью безстрашіе и рѣшимость, человѣкъ, который переоцѣнивалъ, какъ видно изъ взятаго нами эпиграфа, роль личности въ событіяхъ, былъ человѣкомъ слабымъ, безвольнымъ, легко поддававшимся чужому вліянію. Могъ ли онъ, однако, встать внѣ условій, въ которыхъ должна была протекать его работа? могъ ли онъ преодолѣть препоны, съ которыми встрѣчалась его „миссія" возсозданія Россіи? Моя книга, пріуроченная къ десятилѣтію со дня гибели А. В. Колчака, пытается отвѣтить на эти вопросы. Онъ въ значительной степени имѣлъ право сказать въ іюнѣ 19 г. делегаціи отъ омскаго „Экономическаго совѣщанія": „Мы рабы положенія".

* * *

Я знаю, что найдутся читатели, которые заранѣе откажутъ мнѣ въ объективномъ сужденіи. Мое политическое credo должно было заставить меня отнестись отрицательно, если не къ личности, то къ дѣятельности диктатора. Того требуетъ освященная годами демократическая традиція. Если я за ученымъ, безстрашнымъ изслѣдователемъ полярныхъ странъ, однимъ изъ возсоздателей морской мощи Россіи послѣ пораженія, проникновеннымъ солдатомъ русской арміи, одухотвореннымъ какой-то почти метафизической, ирраціональной, идеей „очищенія" человѣчества черезъ войну, почти мистически познающимъ гегелевскую (и

*) Вс. Ивановъ (омскій журналистъ). Въ гражданской войнѣ. Харбинъ. 1921, стр. 3.

отчасти соловьевскую) концепцію „счастья радости“ и „единоспасительности“ войны — если я отрицаю за нимъ квалификацію „авантюриста“, то этимъ уже нарушаю начала объективности, установленныя скованной ложными догматами мысли. Отдавая должное, мнѣ думается, я проявляю лишь здоровое чувство подлинной исторической объективности. Демократическимъ талмудистамъ я могъ бы отвѣтить словами Герцена: „обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ“. Тактика части русской демократіи, по моему мнѣнію, погубила дѣло Колчака..... и свое. Демократія въ Сибири проиграла не оттого, что попала „между молотомъ интервенціи и наковальней совѣтской власти“...

Моя работа не будетъ апофеозомъ Колчака. Я не буду его рисовать національнымъ вождемъ, я не назову его „русскимъ Вашингтономъ“, какъ сдѣлалъ это, быть можетъ, опрометчиво руководитель сибирской кооперації, старый демократъ народникъ-революціонеръ А. В. Сазоновъ*). Можетъ быть, на мѣстѣ Колчака могли бы быть другіе, лучшіе, но ихъ не было. Въ исторической обстановкѣ того времени судьба во всякомъ случаѣ выдвинула именно его. Онъ былъ чище и идейнѣе другихъ (Будбергъ). Пламенный темпераментъ, прямота и непосредственность, чарующая однихъ, создавала и враговъ.

Колчакъ погибъ, и даже показанія его для потомства оказались прерванными на самомъ важномъ мѣстѣ. Смерть его лежитъ на совѣсти его политическихъ противниковъ — и не только ихъ однихъ. Я говорю не о большевикахъ. Большевики для меня не политическіе противники. Подъ кровавыми ударами этихъ палачей гибли лучшіе люди. Населеленіе осознало, по крайней мѣрѣ, этотъ итогъ гражданской войны. Недаромъ нѣсколько лѣтъ назадъ даже совѣтская печать передавала сообщеніе о паломничествѣ, которое наблюдается въ Иркутскѣ на сокрытую могилу „верховнаго правителя“. Населеніе увѣрено, что могила эта вблизи насыпи у тюремнаго рва точно опознана...

*) Я не знаю, впрочемъ, были ли эти слова въ дѣйствительности произнесены.

Въ руки большевиковъ Колчакъ попалъ не въ честномъ бою. Онъ разстрѣлянъ былъ не какъ военноплѣнный. Онъ былъ въ значительной степени преданъ — я не боюсь употребить это слово — тѣми, кто шелъ съ нимъ, такъ или иначе совмѣстно въ дѣлѣ, которому служилъ Колчакъ. Пусть велики будутъ ошибки верховнаго правителя! Допустимъ, что именно эти ошибки привели къ крушенію государственнаго режима, имъ возглавляемаго. Но нельзя найти объективнаго оправданія для дѣйствій междусоюзническаго командованія въ дни, когда Колчакъ былъ переданъ новой иркутской власти и безъ протеста заключенъ въ тюрьму, надъ которой развѣвался демократическій флагъ. Законъ общественной и политической морали, гражданская и военная честь были нарушены совершившимся фактомъ — фактомъ, пожалуй, небывалымъ въ исторіи. Слишкомъ мягки слова проф. Перса въ указанной статьѣ: „До конца Колчакъ оставался вѣрнымъ русскому народу и союзникамъ. Были ли они вѣрны ему?“

* * *

Правъ П. Б. Струве, написавшій однажды въ „Дневникѣ политика“ („Возр.“ № 252), что личность Колчака заслоняется его судьбой — его трагическимъ концомъ. Гибель Колчака — пусть даже не будетъ „субъективно виновныхъ“ въ его концѣ — будетъ всегда ощущаться, какъ жгучее обвиненіе въ нелѣпомъ предательствѣ. Такимъ скорбнымъ укоромъ войдетъ она и въ историческое сознаніе потомковъ...

Колчакъ былъ взятъ „въ плѣнъ“ (слова В. М. Зензинова). Этотъ „плѣнъ“ носилъ слишкомъ своеобразный характеръ. Такъ въ плѣнъ не отдаются. Такъ въ плѣнъ не берутъ. Безъ волненія не могу я читать разсказа о послѣднихъ дняхъ Колчака. И мнѣ остается лишь удивляться узости тѣхъ представителей „революціонной демократіи“, которые и послѣ смерти сибирскаго „диктатора“ пытаются все еще сосчитаться со своимъ политическимъ противникомъ. Впрочемъ, пожалуй, и удивляться не приходится — для многихъ изъ нихъ это только тактика самооправданія.

Какъ бы незначительна ни была личность „печальнаго диктатора“ (парижское „Pour la Russie“), чувство элементарной политической морали и справедливости не можетъ набросить пелены забвенія на позорную страницу иркутскаго судилища.

Колчака судилъ „революціонный судъ“. Подсудимый во всѣхъ отношеніяхъ оказался выше своихъ судей. И съ чувствомъ какой то глубокой обиды и поруганной личной чести перелистываешь страницы допроса адм. Колчака. Зачѣмъ его не судили только одни большевики? Зачѣмъ на эту позорную страницу занесены, помимо коммунистовъ, и имена представителей партій соц.-рев. и соц.-дем.? Зачѣмъ въ этой комедіи суда, въ этомъ недостойномъ зрѣлищѣ въ роли статистовъ, впрочемъ, не пассивныхъ, выдвинуты демократы? Этого пятна не смоетъ никакая „объективная исторія. Такія вещи дѣйствительно „не изглаживаются изъ исторической памяти“.

* * *

Для того, чтобы уяснить себѣ роль Колчака и ту обстановку, при которой протекала правительственная дѣятельность „верховнаго правителя“, совершенно неизбѣжно обратиться къ періоду, предшествовавшему диктатурѣ. „Колчаковщина“ находилась въ полной зависимости отъ тѣхъ явленій, которыя сложились задогло еще до появленія на авансценѣ адм. Колчака. Это вовсе не значитъ, что Колчакъ слѣпо слѣдовалъ по путямъ, построеннымъ его предшественниками. Но ему приходилось дѣйствовать и проявлять инициативу въ опредѣленной атмосферѣ, созданной общественными переживаніями того времени. Послѣднія всѣ вытекали изъ революціи, и не отъ воли отдѣльныхъ людей подчасъ зависѣло ихъ измѣненіе.

Я отсылаю читателя къ своей книгѣ „Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны“. Тамъ я старался показать общественную психологію послѣ октябрьскаго переворота; изобразить позицію отдѣльныхъ политическихъ группъ: начертать разбродъ въ средѣ революціонной демократіи—ея неумѣніе оцѣнить въ должной степени обще-

національное бѣдствіе и подчинить свои партійные интересы общенаціональнымъ цѣлямъ. Лишь меньшинство въ этой демократіи пыталось добиться необходимаго для противодѣйствія большевикамъ единства. Оно разбивалось о догматическую косность переживаній другихъ политическихъ вождей. Все это скорѣе предвѣщало неудачу противобольшевицкаго движенія. Сибирь и при Колчакѣ и до Колчака испытала на себѣ всю тяжесть проклятія, висѣвшаго надъ Россіей. „Корень зла въ томъ, — сказалъ Колчакъ 13 ноября, въ бытность военнымъ министромъ Директоріи, д-ру Павлу въ Омскѣ — что русскіе никакъ не могутъ утвердиться на національномъ принципѣ, ставя интересы партійные выше интересовъ своего народа. Въ этомъ отношеніи виноваты одинаково оба крыла: и лѣвое и правое. Всякая политическая борьба до тѣхъ поръ, пока она не стоитъ на національной почвѣ и на программѣ освобожденія Россіи — вредна". („Чехосл. Дн." № 228).

Дѣйствительно, не многіе сумѣли твердо стоять на этомъ „національномъ принципѣ" въ годы гражданской войны. Немногіе среди соціалистовъ могли бы подписаться подъ словамн эс-эра Д. С. Розенблюма на листѣ автографовъ Уфим. Гос. Совѣщанія; „Въ настоящее время я прежде всего русскій, а потомъ соціалистъ". Или подъ словами соц.-дем. П. П. Маслова (извѣстнаго экономиста): для того, чтобы „совершить великое дѣло спасенія Россіи", нужно „забыть и пожертвовать не только своими личными интересами, но и интересами отдѣльныхъ группъ"... (Кр. Ар. XXXI, 202—3).

Я начну свой разсказъ съ момента, когда на горизонтѣ Россіи стала вырисовываться возможность возстановленія восточнаго фронта противъ Германіи при содѣйствіи союзническихъ силъ. Только вникнувъ въ политику колебаній международной дипломатіи, въ раздражавшее русскую общественность балансированіе между признаніемъ и отрицаніемъ большевизма, можно понять тотъ суровый (faraucheиent) „націонализмъ", за который упрекаютъ Колчака иностранные наблюдатели тогдашней сибирской жизни: „Колчакъ не понималъ,—говоритъ членъ французской во-

енной миссіи проф. Легра — что иностранцы необходимы для побѣды надъ большевиками" (M. Sl. 1928, II, 186).

Въ сознаніи русскихъ, боровшихся съ большевиками, противогерманскій фронтъ одновременно былъ и противобольшевицкимъ. И въ Сибири на первыхъ порахъ и на Волгѣ онъ былъ облеченъ въ демократическое одѣяніе. Онъ шелъ подъ флагомъ защиты разогнаннаго большевиками Учредительнаго Собранія 1917 г. Обстановка существенно отличалась отъ того, что исторія гражданской войны раскрываетъ на югѣ. Изученіе восточной эпопеи поэтому можетъ представить особый интересъ, но я буду ее разсматривать только со стороны подготовки ноябрьскаго омскаго переворота, приведшаго къ врученію власти адм. Колчаку. Въ „предверіи диктатуры" важно отмѣтить тѣ черты эпохи, которыя создали и питали эти явленія, столь несправедливо окрещенныя противниками имѣнемъ Колчака — между тѣмъ они сами должны признать, что „колчаковщина" появилась „задолго до Колчака". Колчакъ въ ней неповиненъ и поэтому слѣдовало бы этотъ терминъ похоронить въ исторіи. Мало того, читатель увидитъ, что демократическая власть — власть преимущественно партійная соц-революціонеровъ въ Самарѣ, на практикѣ ничѣмъ не отличалась отъ власти „реакціонныхъ генераловъ".

* * *

Вся эта эпоха не нашла еще себѣ изслѣдователя*). По многимъ вопросамъ нѣтъ еще необходимаго даже документальнаго матеріала. Приходится итти иногда ощупью и разбираться въ смутныхъ контроверсахъ, которыми полны мемуары дѣйствовавшихъ лицъ. Исторія самарскаго коми-

*) Цѣнная двухтомная книга Г. К. Гинса—единственный пока обзоръ дѣятельности сибирскаго „колчаковскаго" правительства — носитъ все же характръ мемуаровъ, написанныхъ тогда, когда достаточно документальнаго матеріала въ распоряженіи автора быть не могло. На нее мнѣ часто приходится ссылаться. Изслѣдованіе А. И. Деникина касается „восточнаго фронта" и Сибири лишь попутно. Авторъ также часто долженъ былъ судить по информаціи, полученной отъ другихъ. Въ работѣ П. Н. Милюкова періодъ этотъ изложенъ суммарно и тенденціозно въ силу игнорированія фактовъ. (См. мою критику, названную Милюковымъ въ отвѣтъ „макулатурой").

тета У. С. (Комуч.), Сибирскаго правительства, Директоріи и эпохи Колчака — все это требуетъ детальнаго, подчасъ архивнаго изслѣдованія.

Моя задача могла быть только очень скромна — я хотѣлъ сдѣлать какъ бы сводку появившагося уже матеріала. Я пытался использовать всю литературу, изданную за рубежомъ (отчасти иностранную), и воспользоваться главнѣйшимъ, что появилось въ совѣтской Россіи (въ общей сложности мною использовано болѣе 100 книгъ). И заранѣе приходится мириться съ множествомъ „неточностей", быть можетъ, и немаловажныхъ, которыя кропотливый критикъ можетъ отмѣтить въ моемъ трудѣ*).

Въ исторіи гражданской войны пока въ значительной степени, къ сожалѣнію, приходится заниматься еще анализомъ отдѣльныхъ фактовъ. По многимъ вопросамъ, какъ мы увидимъ, возможны лишь предположительные отвѣты: такъ обстоитъ, напр., дѣло съ омскимъ переворотомъ 18 ноября. Ясна обстановка „заговора", силы, которыя дѣйствуютъ, но далеко не отчетлива еще самая организація переворота.

Мои „неточности" будутъ отчасти вытекать изъ того обстоятельства, что меня лично не было на мѣстѣ дѣйствія, мною описываемаго. Я долженъ выступать исключительно, какъ историкъ, быто-писатель, а не мемуаристъ, т. е. владѣя мертвымъ, а не живымъ воспріятіемъ. Правда, я пытался отчасти привлечь и непосредственныхъ свидѣтелей путемъ бесѣдъ и выясненія спорныхъ вопросовъ которыми изобилуетъ описываемая эпоха. Но живыя свидѣтельства сами по себѣ и тенденціозны и противорѣчивы. Я пытался восполнить личныя наблюденія чтеніемъ тогдаш-

*) Въ отвѣтъ на мою критику работы П. Н. Милюкова „Россія на переломѣ", послѣдній бросилъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я не умѣю разбираться въ матеріалѣ, который меня подавляетъ. Но въ дѣйствительности столь авторитетный историкъ, какимъ является Милюковъ, лучше другихъ знаетъ, что легче всего разобраться въ матеріалѣ, когда его не знаешь или когда сознательно его игнорируешь. Самому Милюкову только потому и легко было устанавливать схемы, что онъ въ своей работѣ игнорировалъ даже тотъ матеріалъ, который могъ ему быть доступенъ. Отсюда и проистекали безчисленныя ошибки автора даже въ изложеніи фактовъ.

нихъ сибирскихъ газетъ, хотя бы ихъ неполныхъ комплектовъ. Повседневная печать при всѣхъ условіяхъ такъ или иначе отражаетъ обыденную жизнь. Въ газетахъ найдется матеріалъ, котораго нѣтъ у мемуаристовъ и который не отражается въ оффиціальныхъ документахъ эпохи, къ тому же опубликованныхъ въ совѣтской исторіографіи довольно случайно и неполно.

Если у меня нѣтъ преимуществъ, которыми располагаетъ мемуаристъ; если мое отдаленное пребываніе отъ мѣста дѣйствія, при отсутствіи достаточно разработанныхъ документальныхъ данныхъ, ставитъ меня въ невыгодное положеніе, въ качествѣ историка того времени, то имѣются нѣкоторыя преимущества и на моей сторонѣ. Я чуждъ непосредственной заинтересованности мемуаристовъ, такъ часто стремящихся въ изложеніи къ политическому самооправданію. Событія преломляются въ моемъ сознаніи не подъ угломъ зрѣнія дѣйствующихъ лицъ — я все же на сибирскія событія смотрю со стороны. Возможно, я не всегда вѣрно улавливаю мотивы. Документъ сухо передаетъ фактъ, не давая ему поясненія и не изображая психологическихъ основъ мотивовъ дѣйствующихъ лицъ. Но одно уже установленіе факта при современномъ состояніи матеріала мнѣ представляется явленіемъ положительнымъ. Отдѣленіе легендъ отъ происшедшаго, вылущиваніе зерна изъ наросшей уже оболочки дѣлаетъ, какъ мнѣ кажется мою работу небезполезной и для современниковъ и для будущаго историка этой эпохи.

Пелена искаженій густо уже покрыла событія недавняго еще времени. Я долженъ буду опровергать эти искаженія. Въ силу этого работа моя часто, очень часто, будетъ носить полемическій характеръ. Въ силу спорности, я вынужденъ былъ подчасъ непропорціонально много мѣста удѣлять отдѣльнымъ контроверсамъ. Я все таки пытался посильно установить не только фактическую основу. Но въ своихъ обобщеніяхъ и выводахъ я не стремился къ фиктивному объективизму, скрывая собственные взгляды и настроенія.

Исторія должна исправить — говоритъ Струве —

огромную, непереносимую и жуткую въ своей непонятности неправду". Я не могу, конечно, претендовать на выполненіе такихъ большихъ заданій. Но я остро ощущаю то, о чемъ говоритъ Струве. Образъ Колчака неотступно стоитъ, какъ „какая-то неотомщенная тѣнь". Моя книга — лишь маленькая дань погибшему за дѣло любви къ родинѣ человѣку со стороны, если не политическаго противника, то во всякомъ случаѣ инако политически мыслящаго. Колчакъ погибъ „за чужіе грѣхи . Какъ характерно, мы встрѣтимъ эти слова не только у Гинса, но и у чешскаоо обозрѣвателя „сибирской драмы" Бог. Прикрыла (1929).

Колчакъ былъ увлеченъ мечтой о возстановленіи великой Россіи. По словамъ автора извѣстнаго сибирскаго „Дневника", бар. Будберга, Колчакъ „непоколебимо" былъ убѣжденъ, что, если не ему, то тѣмъ, кто его замѣнитъ, „удастся вернуть Россіи все ея величіе и славу". Мечта, искренняго, но, быть можетъ „наивнаго идеалиста" не осуществилась. Россія все еще въ небытіи... Въ чемъ причина? Думаю, что до нѣкоторой степени отвѣтъ найдется и въ фактахъ, которые пройдутъ на слѣдующихъ страницахъ.

* * *

Автору никогда не нужно давать оружія критикѣ. Моя книга написана нѣсколько спѣшно, но мнѣ хотѣлось ее выпустить къ десятилѣтію гибели адм. Колчака. Мнѣ думается, что многое изъ разсказаннаго здѣсь не было въ свое время извѣстно противникамъ „верховнаго правителя". Закулисная сторона должна разъяснить психологію эпохи и реабилитировать память „верховнаго правителя", по крайней мѣрѣ среди тѣхъ его противниковъ, которые смогутъ дѣйствительно отне тись объективно.

Мнѣ нѣтъ надобности, выпуская книгу въ эмиграціи, описывать ненормальныя условіи зарубежной работы — и прежде всего отсутствіе подъ рукой подчасъ необходимыхъ книгъ и матеріаловъ. Съ тѣмъ большей благодарностью я долженъ вспомнить полученное мной разрѣшеніе работать въ пражскомъ „Русскомъ Заграничномъ Архивѣ" и содѣйствіе, оказанное со стороны всѣхъ работниковъ

Архива. Только здѣсь, въ этомъ богатомъ уже хранилищѣ газетъ эпохи гражданской войны, я могъ, между прочимъ, хотя бы частично познакомиться съ нужной мнѣ періодической печатью.

Особо я долженъ отмѣтить информацію, полученную мною отъ ген. М. А. Иностранцева и С. С. Старынкевича. Рядъ указаній и матеріаловъ мною получено отъ М. В. Бернацкаго, Н. К. Гинса, Н. Н. Головина, А. Ф. Изюмова, В. М. Краснова, Б. И. Николаевскаго, А. А. Никольскаго, Т. И. Полнера, Л. И. Пушковой, Н. П. Ягудки и Б. И. Элькина. Моя работа, главнымъ образомъ въ третьей ея части, не могла бы быть выполнена безъ горячаго содѣйствія В. С. Озерецковскаго.

Парижъ. 1 октября 1929.

ЧАСТЬ I.

Восточный фронтъ гражданской войны

ГЛАВА I.

Союзники.

1. ПРОТИВОГЕРМАНСКІЙ ФРОНТЪ.

Французскій генералъ Жаненъ, бывшій въ Сибири и командовавшій тамъ въ періодъ колчаковскаго правительства союзническими отрядами, въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Le Monde Slave" (24, XII, 228), упрекаетъ русскихъ въ ксенофобіи, которой они восполняютъ отсутствіе подлиннаго патріотизма. Врядъ ли, однако, эта характерная черта быта отдаленной уже отъ насъ вѣками Московіи можетъ быть отмѣчена въ Россіи эпохи міровой войны. Русская исторія послѣднихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ скорѣе нѣчто совершенно противоположное. Русскому народу и русской интеллигенціи, пожалуй, можно послать другой упрекъ — въ излишнемъ довѣріи къ политическому идеализму, которымъ будто бы руководствуется міръ въ своихъ международныхъ отношеніяхъ.

Реалистическій, не оторванный отъ жизни патріотизмъ, къ сожалѣнію, почти всегда бываетъ синонимомъ національнаго эгоизма. Онъ властно диктуетъ оппортунизмъ въ политикѣ, какъ тому чрезвычайно образно поучаютъ воспоминанія о міровой войнѣ одного изъ творцовъ независимости и перваго президента освобожденной отъ австрійскаго ига Чехо-Словакіи. Защита національныхъ интересовъ въ современной коньюнктурѣ людскихъ отношеній требуетъ прежде всего національнаго себялюбія и умѣнья использо-

вать въ своихъ національныхъ интересахъ складывающуюся международную обстановку. Вотъ въ сущности девизъ, которымъ руководились въ своей дѣятельности проф. Массарикъ и его единомышленники. Своей цѣли они достигли. Русскіе въ этомъ отношеніи всегда облекались въ какой-то донкихотскій панцырь вѣрности трансцендентальному долгу, мало считаясь съ конкретными условіями своей національной дѣйствительности. Надо думать, что жизнь своимъ суровымъ урокомъ теперь научила и русскихъ присущему всѣмъ народамъ національному эгоизму.

Исторія союзнической „интервенціи“ въ Россіи въ годы гражданской войны еще не написана. Во всякомъ случаѣ, она неспособна возбудить энтузіазмъ русскихъ патріотовъ, но, можетъ быть, объяснитъ, почему глубокое разочарованіе охватило многихъ изъ тѣхъ, кто вѣрилъ въ то время въ спасительность для Россіи международнаго вмѣшательства демократіи: „все болѣе и болѣе выясняется — писалъ въ своемъ докладѣ А. И. Деникину въ концѣ октября изъ Сибири ген. Степановъ — что союзники вступили въ предѣлы Россіи не ради спасенія ея, а вѣрнѣе ради своихъ собственныхъ интересовъ“. („Очерки“, III, 108)*). Нынѣ объективно, пожалуй, можно сказать, что спасеніе Россіи заключалось въ своевременномъ выходѣ изъ войны въ періодъ еще Временнаго Правительства. Страна въ революціонную бурю должна была думать только о себѣ. Нѣсколько искусственно взвинченный страхъ передъ нѣмецкимъ имперіализмомъ, вѣра въ творческую роль латинской культуры—носительницы мірового прогрессивнаго начала въ противовѣсъ германскому реакціонному**), не была оправдана послѣдующими событіями. Развалъ Россіи былъ

---

*) Тотъ же выводъ дѣлаетъ въ воспоминаніяхъ и полк. Уордъ, командовавшій въ Сибири англійскимъ батальономъ: „Если бы мы обсудили вопросъ о союзной интервенціи прежде, чѣмъ вмѣшаться, я могъ бы представить много доводовъ за то, чтобы намъ остаться въ сторонѣ. Но... союзники стали вмѣшиваться для собственныхъ цѣлей“. (171).

**) Точка зрѣнія, которую развивали во время войны Крапоткинъ, Чайковскій и другіе ихъ современники, жившіе въ значительной степени концепціями, почерпнутыми изъ прошлаго. См. мою книгу о Чайковскомъ, гл. II.

результатомъ только войны. Только она вскормила и дала первенство большевизму. Судьба и въ послѣдній моментъ язвительно улыбнулась Россіи: побѣда Антанты надъ Германіей въ создавшихся условіяхъ обрекла Русскую Державу на временное, по крайней мѣрѣ, умираніе. И вполнѣ понятнымъ становится то „волненіе", которое испыталъ въ въ Омскѣ, по словамъ Гинса, временный предсѣдатель Директоріи Н. Д. Авксентьевъ при извѣстіи о капитуляціи Германіи. „Я вполнѣ понимаю",—замѣчаетъ Гинсъ:—„Продержись Германія нѣсколько больше, союзная помощь Россіи вылилась бы въ иныя формы". (I. 296)...

Въ книгѣ, посвященной дѣятельности Н. В. Чайковскаго въ годы революціи и гражданской войны, я останавливался уже болѣе или менѣе подробно на характеристикѣ общественныхъ настроеній въ связи съ образованіемъ двухъ политическихъ центровъ—„Союза Возрожденія" и „Національнаго Центра", гдѣ съ наибольшей послѣдовательностью и отчетливостью проводилось непризнаніе Брестъ-Литовскаго мира и идея осуществленія такъ называемаго восточнаго противогерманскаго фронта. Въ сознаніи политическихъ дѣятелей, примыкавшихъ къ указаннымъ организаціямъ, этотъ противогерманскій фронтъ становится одновременно и антибольшевицкимъ. Вѣрнѣе, удареніе дѣлалось на послѣднемъ.

Здѣсь не было „лицемѣрія", какъ неудачно назвалъ Авксентьевъ въ позднѣйшемъ письмѣ (1919 г.) изъ Парижа партійнымъ товарищамъ на югъ, политику „интервенціонистовъ" (письмо напечатано было въ „Прол. Рев". № 1). Продолженіе войны своими слабыми силами, конечно, не мыслилось, какъ нѣчто ударное въ отношеніи Германіи. Возрожденіе общей съ союзниками борьбы могло бы ослабить захватъ Германіей Россіи и ея попытку черпать преимущественно продовольственную помощь въ странѣ, все же необычайно обильной натуральными благами. Восточный фронтъ былъ какъ бы моральной помощью въ общемъ дѣлѣ со стороны тѣхъ, кто не измѣнялъ принятымъ обязательствамъ и не считалъ съ своей стороны ликвидированными и обязательства союзниковъ въ отношеніи Рос-

сіи. *) Такимъ образомъ, не одни только идеалистическіе мотивы двигали сознаніемъ тѣхъ, кто пытался создать противоядіе противъ Брестскаго мира, — были мотивы и вполнѣ реалистическіе. Главнымъ образомъ, сознаніе, что выходъ Россіи изъ войны долженъ невыгодно отразиться на ея интересахъ въ моментъ заключенія мирнаго договора: Россія не будетъ имѣть голоса на мирномъ конгрессѣ. Руководило то же самое чувство, которое въ свое время было и у чешскихъ патріотовъ. Мы могли бы до нѣкоторой степени повторить слова, сказанныя представителемъ московскихъ чеховъ 15 августа 1914: „Чехія должна быть добыта чешскимъ войскомъ — для того, чтобы на мирной конференціи мы могли выступить съ требованіемъ самостоятельности, обосновывая наши требованія нашимъ участіемъ въ вооруженныхъ дѣйствіяхъ. Въ этомъ задача нашихъ добровольцевъ **).

П. Н. Милюковъ (въ „Россіи на переломѣ“) возобновленіе восточнаго фронта, о чемъ, какъ мы знаемъ, реально думалъ и ген. Корниловъ, съ военной точки зрѣнія представляется фантастическимъ предпріятіемъ. Конечно, все зависѣло отъ того, насколько активны въ этомъ отношеніи будутъ союзники. Сами по себѣ русскія силы были слишкомъ маломощны для осуществленія столь сложной задачи. „Восточный фронтъ“ не означалъ непремѣнно отдаленную Сибирь (эту презумцію дѣлаетъ Милюковъ) — онъ долженъ былъ возникнуть тамъ, гдѣ обстоятельства складывались наиболѣе благопріятно. Къ лѣту 1918 г., когда у союзниковъ уже намѣчался болѣе или менѣе реальный планъ „интервенціи“, условія дѣйствительно благопріятствовали во многихъ отношеніяхъ Сибири. Но союзныя власти къ этому рѣшенію шли медленно и съ колебаніями. Туго

*) Мнѣнія толпы рѣдко бываютъ вдумчивыми. За границей часто послѣ внѣшняго „предательства“ „имя Россіи становилось анаѳемой“. (Изъ письма Набокова Вологодскому 22 мая 19 г.— у Субботовскаго, (30).

**) Вл. Лазаревскій. „Россія и чехословацкое возрожденіе“. Парижъ. Стр. 25. Адм. Колчакъ въ своихъ показаніяхъ о времени, предшествующемъ перемирію съ Германіей, говоритъ: „Я... въ первое время надѣялся, что въ случаѣ, если намъ удастся достигнуть извѣстныхъ успѣховъ на фронтѣ, то мы будемъ приглашены на мирную конференцію, гдѣ мы получимъ право голоса для обсужденія вопроса о мирѣ“ (Допросъ 188)

внѣдрялось въ ихъ сознаніе извѣстное единство въ данный моментъ нѣмецко-большевицкой проблемы, что уже достаточно отчетливо отливалось въ представленіи большинства русскихъ политиковъ. Въ оцѣнкѣ этой слитности было, конечно, значительное преувеличеніе. Но такъ въ то время воспринималась дѣйствительность. Я отошлю читателя къ тому дневнику современника—„Нѣмцы въ Москвѣ въ 1918 г.“, который былъ мною напечатанъ въ № 1 заграничнаго „Голоса Минувшаго“ (1926). Я сопроводилъ его статьей подъ заголовкомъ: „Пріоткрывающаяся завѣса“. Здѣсь, между прочимъ, впервые была опубликована конфиденціальная нота мин. ин. дѣлъ Ф. Гинце, 27 авг. 18 г., адресованная Іоффе, которая подтверждала и ставила нѣкоторые дополнительные пункты къ брестскому миру. Напомню, что § 5 ноты гласилъ: „Германское правительство ожидаетъ, что Россія примѣнитъ всѣ средства, которыми она располагаетъ, чтобы немедленно подавить возстаніе ген. Алексѣева и чехословаковъ. Съ другой стороны и Германія выступитъ всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи силами противъ ген. Алексѣева“ *). Французскій журналъ „Revue d'histoire de la guerre mondiale“ перепечаталъ этотъ документъ, осторожно оговорившись, что редакція не принимаетъ отвѣтственности за подлинность... И что-же? Очень скоро гамбургскій журналъ иностранной политики “Europeische Gespräche“ напечаталъ ноту Гинце уже по нѣмецкимъ источникамъ. Такимъ образомъ, отпали споры объ ея апокрифичности**). Загадокъ и тайнъ еще много въ этой сумеречной эпохѣ. Завѣса до сихъ поръ еще не раскрылась. Но, поскольку въ нашемъ распоряженіи имѣются матеріалы, мы имѣемъ право говорить объ извѣстномъ единствѣ германо-большевицкой проблемы передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ того времени.

Подобнымъ единствомъ объясняется та легкость, съ

---

*) 23 іюля Чичеринъ этого требовалъ отъ замѣстителя Мирбаха Гельфериха (Деникинъ III, 115).

**) Раньше выдержки изъ этой ноты были напечатаны у Деникина въ III т. „Очерковъ“. Авторъ получилъ сообщеніе о ней въ сентябрѣ 18 г. изъ Москвы.

которой въ демократическихъ кругахъ была принята идея „интервенціи". По традиціонному воспріятію догмъ политическаго катехизиса, она должна была претить демократическому сознанію. Но этого не было. Интервенцію готовы были привѣтствовать не только „цензовые" элементы*). „Русская демократія съ безбоязненной радостью можетъ встрѣтить... эшелоны иностранныхъ войскъ", писала, выражая въ значительной степени общее мнѣніе противобольшевицкой демократіи въ Сибири, челябинская „Власть Народа", редактируемая извѣстнымъ соц-дем. Е. Маевскимъ, по поводу обязательствъ, которыя принимало на себя позднѣйшее августовское обращеніе Великобританіи къ русскому народу. Это была не „интервенція" въ точномъ смыслѣ слова, не вмѣшательство во внутреннія дѣла чужой державы. Въ теоріи это была кооперація силъ, при чемъ для одной стороны выдвигалась проблема противогерманскаго фронта, для другой — противобольшевицкаго**). Для успѣха въ русскомъ общественномъ мнѣніи идеи международнаго вмѣшательства противосовѣтскій фронтъ долженъ быть поставленъ ясно и отчетливо. Наша борьба съ большевизмомъ „не должна быть завуалирована" — это подчеркиваетъ членъ военной миссіи, маіоръ Пишонъ, въ докладѣ, представленномъ послѣ поѣздки въ Сибирь, 4 апрѣля 18 г. французскому посланнику въ Пекинѣ (55). При такихъ условіяхъ интервенція не вызоветъ противодѣйствія. Другими словами „свои" ближайшіе, непосредственные „интересы" союзниковъ не должны были грубо превалировать надъ интересами другихъ. Отъ дипломатіи требовалась нѣкоторая прозорливость.

---

*) „Въ іюнѣ весь Харбинъ былъ полонъ воплями о необходимости для спасенія Россіи призвать союзникозъ". (Изъ доклада ген. Степанова А. И. Деникину.)

Демократическое совѣщаніе 20 іюня по вопросу о „помощи, которая должна быть оказана" союзниками, постанавливаетъ: союзники коллективно должны гарантировать территоріальную неприкосновенность и суверенныя права Россійскаго Государства и невмѣшательство во внутреніе политическіе вопросы. Харбинскіе эс-эры, съ своей стороны, декларируютъ необходимость союзнической помощи для возсозданія фронта противъ Германіи (Гутманъ „Рос. и больш" I, 310—11)

**) Надо сказать, что въ нѣкоторыхъ антибольшевицкихъ кругахъ, преимущественно въ эс-эровскихъ, какъ мы это неоднократно увидимъ,

2. ПОЛИТИКА КОЛЕБАНІЙ.

Въ борьбѣ, которая шла въ руководящихъ политическихъ кругахъ Запада по вопросу о тактикѣ въ отношеніи Россіи съ момента захвата власти большевиками, первенствующее значеніе имѣла проблема подчиненія совѣтской власти германскимъ императивамъ. Плохо освѣдомленные о положеніи дѣлъ, мало разбирающіеся въ сложной коньюнктурѣ русскихъ отношеній, иностранные политики шли по извилистымъ тропамъ. П. Н. Милюковъ такъ характеризуетъ позицію союзниковъ: ....„до заключенія Брестскаго мира союзники пробовали использовать даже и большевиковъ противъ Германіи. Послѣ Бреста эта надежда отпала. Тогда на очередь сталъ — въ апрѣлѣ и въ маѣ — новый планъ союзниковъ для достиженія той же цѣли, т. е. для удержанія возможно большаго количества германскихъ солдатъ на восточномъ фронтѣ. Это былъ планъ возсозданія новаго „восточнаго фронта“ гдѣ-нибудь внутри Россіи... Россія при этомъ являлась не цѣлью, а лишь средствомъ, и притомъ средствомъ временнымъ, даже кратковременнымъ. Этимъ объясняется внутренняя несерьезность, почти авантюризмъ союзническихъ плановъ, явная невыполнимость дававшихся ими обѣщаній, легкость нару-

---

любили иногда больше, чѣмъ надо было, подчеркивать связь интервенціи съ противогерманскимъ фронтомъ. Вѣроятно, эту черту и назвалъ Н. Д. Авксентьевъ „лицемѣріемъ“. Тутъ приходится видѣть своего рода самооправданіе передъ догматическимъ воспріятіемъ демократическихъ традицій. Впослѣдствіе подобная точка зрѣнія дѣйствительно ставила въ ложное и противорѣчивое положеніе тѣхъ представителей лѣвой демократіи, которые слишкомъ мало довѣряли актуальнымъ внутренне-русскимъ силамъ и склонны были дѣлать ставку спасенія Россіи почти исключительно на помощь извнѣ. Характерно, что тѣ изъ нихъ, которые возражали противъ интервенціи, отнюдь не возражали по существу. Напр., Якушевъ въ очеркѣ „Дальневосточное самоуправленіе въ борьбѣ за власть“ приводитъ рѣчь большевизанствующаго эсъ-эра Медвѣдева на чрезвычайномъ приморскомъ областномъ земскомъ собраніи во Владивостокѣ. Онъ говорилъ: „не страшно, конечно, само по себѣ занятіе иностранцами нашего края, если бы они пришли сюда, дѣйствительно только для того, чтобы навести у насъ порядокъ... но вѣдь мы знаемъ, что однимъ этимъ они не удовлетворятся: они вѣдь преслѣдуютъ свои интересы, а эти интересы... совпадаютъ съ интересами нѣкоторой части нашего общества, которая настроена противъ совѣтовъ и ихъ власти“... („Местное Самоуправленіе“. Труды Об-ва въ Чехосл. Прага 1926, т. III,196).

шенія этихъ обѣщаній и вообще пренебрежительное отношеніе къ недавнему союзнику, переставшему быть полезнымъ. Отношеніе это впервые глубоко возмутило противъ союзниковъ русское общественное мнѣніе безъ различія партій". (18).

Будучи правъ въ оцѣнкѣ союзнической тактики и впечатлѣнія отъ нея въ русскихъ общественныхъ кругахъ, Милюковъ далеко неточно излагаетъ переломъ въ политикѣ союзниковъ. Колебанія продолжались вплоть до лѣта 18 г. Отсюда противорѣчивые шаги, лишавшіе какой-либо устойчивости междусоюзническую тактику: послѣ Брестскаго мира неоффиціальные переговоры съ большевиками пошли даже одно время усиленнымъ темпомъ. Одинъ изъ большевицкихъ историковъ, М. Левидовъ, продѣлалъ чрезвычайно важную работу для исторіи перваго подготовительнаго періода интервенціи. („Къ исторіи союзной интервенціи"). Онъ изслѣдовалъ не только оффиціальные документы*) и имѣющіяся уже воспоминанія, но и газеты того времени — всего 42 органа. Въ результатѣ получилась довольно яркая картина тѣхъ этаповъ, по которымъ проходила оффиціальная и неоффиціальная мысль о военной интервенціи въ Россіи или, вѣрнѣе, о помощи русскимъ для возсозданія восточнаго фронта**). Пользуясь данными, приведенными въ книгѣ Левидова, и отчасти ихъ дополняя, намѣтимъ въ самыхъ короткихъ чертахъ эти „этапы" интервенціонной политики Англіи, Франціи, Америки и Японіи.

* * *

Первый этапъ — это время, непосредственно примыкающее къ большевицкому перевороту. Если органъ англійскихъ „милитаристическихъ" круговъ — „Глобъ" высказываетъ наканунѣ переворота удивленіе тому, что со-

*) Англійскіе „парламентскіе отчеты"; документы о „русско-американскихъ отношеніяхъ" и др.

**) Выводы Левидова намъ не нужны — слишкомъ казенный характеръ они носятъ. Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что книга Левидова выдѣляется своей серьезностью и отчасти тономъ среди совѣтской литературы. Приходится пожалѣть, что до сихъ поръ не появилось продолженіе работы.

юзники безпомощно наблюдаютъ „какъ Россія сама себѣ перерѣзываетъ горло"; если „Морнингъ-Постъ" по полученіи извѣстій о переворотѣ занимаетъ опредѣленную противобольшевицкую позицію и пишетъ: „послѣдователи Ленина — будетъ ли долгимъ или нѣтъ ихъ существованіе — являются опредѣленными врагами Антанты и открытыми друзьями Германіи. Никакихъ дѣлъ поэтому съ ними быть не можетъ. Передъ союзниками лишь одна задача: установить какими нибудь средствами связь съ русскимъ народомъ и съ тѣми его элементами, которые остаются вѣрными союзникамъ"; если возникаетъ уже мысль о возможности вмѣшательства Японіи*) — англійское правительство скорѣе стремится сохранить нейтралитетъ въ русскихъ дѣлахъ: Россію надо предоставить на время самой себѣ.

Французское правительство сразу приняло тактику бойкота въ отношеніи совѣтскаго правительства. 12/25 ноября шефъ военной миссіи въ Россіи ген. Лавернъ довелъ до свѣдѣнія ген. Духонина полученную имъ телеграмму, которая гласила, что „Франція не признаетъ власти Совѣта Нар. Ком." („Наканунѣ перемирія". Кр. Арх. XXIII, 215).

Оффиціальная Америка довольно упорно молчала о Россіи, склоняясь въ лицѣ Вильсона скорѣе къ признанію совѣтской власти. Поэтому американскіе представители въ Россіи — глава военной миссіи ген. Джедсонъ и глава Краснаго Креста Томпсонъ держатъ себя не только „относительно лояльно", но и завязываютъ сношенія съ совѣтскимъ правительствомъ въ цѣляхъ „разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній". Въ январѣ и въ Англіи (Л. Джорджъ) намѣчается склонность къ признанію совѣтской власти для того, чтобы помѣшать брестскому миру... Левидовъ даетъ соотвѣтствующей главѣ наименованіе „весна въ январѣ". Ни-

*) Въ декабрѣ, какъ извѣстно, произошла первая высадка японцевъ во Владивостокѣ въ цѣляхъ охраненія военнаго снаряженія Союзниковъ. Повидимому высадка была совершена по собственной иниціативѣ, но она не была случайной и изолированной, какъ говоритъ Левидовъ. Показательно, что подготовка внѣдренія японцевъ началось гораздо раньше. У Субботовскаго (136) приведена, напр., телеграмма комиссара Врем. Прав. Русанова отъ 17 іюня 1917 г. о томъ, что во Владивостокъ непрерывно прибываютъ изъ Кореи подъ видомъ рабочихъ и лицъ разныхъ профессій японскіе жандармскіе чины и агенты секретной полиціи.

когда волна интервенціонистскихъ плановъ „не была на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ въ январѣ и въ половинѣ февраля 1918 г.“

На пользу сближенія съ совѣтскимъ правительствомъ работаютъ три союзныхъ представителя: англійскій консулъ Локкартъ, членъ французской военной миссіи кап. Садуль и представитель американскаго Краснаго Креста Робинсъ. Садуль сумѣлъ повліять и на французскаго посла Нуланса, котораго большевицкій исторіографъ называетъ подлиннымъ отцомъ интервенціи. Подъ вліяніемъ Робинса, сносившагося съ Троцкимъ, американскій посолъ Френсисъ неформально увѣдомилъ „большевицкихъ лидеровъ“, что въ случаѣ, если перемиріе будетъ окончено и Россія будетъ продолжать войну, онъ рекомендуетъ своему правительству формальное признаніе фактической власти правительства народныхъ комиссаровъ и „всю возможную поддержку и помощь“.

Разговоры были въ пустую. Миръ всетаки былъ подписанъ — формула Троцкаго: не миръ и не война, была отклонена*). Въ дни окончательнаго обсужденія брестскаго мира можно отмѣтить одну любопытную деталь, показывающую, какъ наивны были союзническіе представители въ Москвѣ. Протоколъ Ц. К. партіи большевиковъ, гдѣ тогда рѣшались всѣ основные вопросы, отмѣчаетъ докладъ Троцкаго 22 февраля „о предложеніи французовъ и англичанъ“ содѣйствовать „въ войнѣ съ нѣмцами“. Троцкій оглашаетъ „ноту французской военной миссіи“. Бухаринъ считать, что „недопустимо пользоваться поддержкой какого бы то ни было импер'ализма“. Троцкій возражаетъ: „государство принуждено дѣлать то, что не сдѣлала бы партія“. Разрѣшаетъ

*) Масарикъ ошибается, утверждая, что Троцкаго не было при голосованіи о брестъ-литовскомъ мирѣ. Большевики издали въ 1921 г. всѣ протоколы Ц. К. партіи за это время. Троцкій на всѣхъ засѣданіяхъ присутствовалъ и участіе въ голосованіи принималъ, — онъ былъ въ рѣшительномъ засѣданіи 23 февраля среди четырехъ „воздержавшихся“ (Дзержинскій, Крестинскій и Іоффе. Противъ голосовали: Бухаринъ, Урицкій, Бубновъ и Ломовъ. За принятіе германскаго предложенія высказалось 7 во главѣ съ Ленинымъ. Троцкій свое воздержаніе мотивировалъ необходимостью „не препятствовать созданію большинства для полученія единой линіи“. (Протоколы Ц. К. 252—53).

споръ отсутствовавшій Ленинъ съ обычной для себя аморальностью: „прошу присоединить мой голосъ за взятіе картошки и оружія у разбойниковъ англо-французскаго имперіализма“ (Протоколъ № 42*).

Миръ однако еще не ратифицированъ. Робинсу даютъ понять, что ратификація въ значительной степени зависитъ отъ отношенія американскаго правительства къ вопросу о поддержкѣ совѣтской власти... Другими словами на всякій случай ставка дѣлается надвое. 5 марта Троцкій передаетъ американскому правительству ноту, гдѣ ставитъ вопросъ: „можетъ ли совѣтское правительство разсчитывать на поддержку Соед. Штатовъ, Великобританіи и Франціи въ его борьбѣ противъ Германіи“. Не будемъ забывать, что на томъ же засѣданіи Ц. К. партіи, гдѣ были приняты нѣмецкія условія (18 февраля), единогласно было постановлено: „готовить немедленно революціонную войну“. Съ своей стороны Локкартъ имѣетъ „длинное интервью“ съ Троцкимъ и готовъ уже дать всякіе авансы большевикамъ. Троцкій „освѣдомилъ меня — пишетъ Локкартъ — что на съѣздѣ совѣтовъ 12 марта будетъ, повидимому, объявлена священная война Германіи или предпринятъ такой шагъ, который сдѣлаетъ неизбѣжнымъ объявленіе войны со стороны Германіи**)“. Локкратъ убѣждаетъ не предпринимать никакихъ враждебныхъ по отношенію совѣтскаго правительства шаговъ, такъ какъ не исключена возможность „прямого приглашенія“ американскому и англійскому правительствамъ принять участіе въ защитѣ Владивостока,

---

*) Коментаторъ „протоколовъ“ говоритъ, что самой „ноты“ не удалось найти... Не было ли этой „нотой“ то телефонное сообщеніе Нуланса Троцкому, о которомъ говоритъ Садуль: „Въ вашемъ сопротивленіи противъ Германіи вы можете разсчитывать на военную и финансовую поддержку Франціи“. Садуль передаетъ въ письмѣ къ А. Тома, что миссія подъ угрозой нѣмецкаго наступленія на Петроградъ наканунѣ подписанія брестскаго мира согласилась предоставить въ распоряженіе Троцкаго извѣстное число офицеровъ и солдатъ, чтобы возстановить разрушенныя желѣзныя дороги, ведущія къ столицѣ и организовать отряды для ея обороны („Notes sur la révolution bolchevique“ 320).

*) Анишевъ („Очерки по исторіи гражданской войны“ 1921) приводитъ оффиціальныя большевицкія данныя о томъ, что англичане предлагали совѣтской власти по 100 р. въ мѣсяцъ за каждаго солдата, если совѣтская власть согласится продолжать войну съ Германіей.

Архангельска и т. д. Всякое враждебное дѣйствіе лишь усилитъ германское вліяніе въ Россіи*).

Какъ Троцкій умѣлъ втирать очки своей „священной войной“ показываетъ тотъ фактъ, что даже извѣстный писатель, опредѣленный антибольшевикъ Гарольдъ Вильямсъ „конфиденціальный агентъ британскаго правительства“, по словамъ большевиковъ, увѣровалъ, что „особенности революціонной тактики большевиковъ не позволяютъ имъ принять этотъ миръ, какъ окончательный“... „Въ настоящее время — сообщаетъ онъ министерству иностранныхъ дѣлъ— большевики являются единственной партіей, обладающей въ Россіи дѣйствительной силой. Національное возрожденіе въ Россіи вполнѣ вѣроятно, и своей агитаціей большевики могутъ помочь этому возрожденію... Слухи о предполагаемой яко бы интервенціи въ Сибири увеличиваютъ чувство униженія во всѣхъ классахъ и переносятъ чувство гнѣва русскаго населенія съ нѣмцевъ на союзниковъ и ставятъ въ опасность наши будущіе интересы въ Россіи“. Для большевиковъ все это ловкіе шаги дипломатіи Впослѣдствіи въ „Извѣстіяхъ“ (22 іюня) Троцкій въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорилось, а вскорѣ и дѣлалось, заявлялъ: „съ тѣхъ поръ, какъ англо-французская печать стала настаивать на необходимости военнаго вмѣшательства союзниковъ въ русскія дѣла, чтобы побудить нашу страну къ войнѣ съ Германіей я... заявилъ, что къ вмѣшательству союзныхъ имперіалистовъ мы не можемъ относиться иначе, какъ къ враждебному покушенію на свободу и независимость Сов. Россіи“**).

* * *

*) Набоковъ въ „Воспоминаніяхъ дипломата“ свидѣтельствуетъ, что Англія въ это время была близка къ оффиціальному признанію Совѣтской власти. (190).

**) Троцкій „Какъ вооружалась революція“. Т. I, 199

Вся фальшь большевицкихъ выступленій обнаруживается достаточно отчетливо. Бар. Будбергъ въ дневникѣ имѣлъ полное основаніе сказать по поводу „демократическаго“ совѣщанія въ Харбинѣ 18—20 іюня, на которомъ „пролетарскіе представители“ заявили протестъ противъ приглашенія союзниковъ, что въ этомъ протестѣ „ничего патріотическаго или національнаго нѣтъ“. Просто они понимали, что съ „прибытіемъ союзниковъ конецъ всякимъ надеждамъ на возстановленіе здѣсь совдепіи“. (XIII, 224).

Шаги совѣтскихъ дипломатовъ объясняются въ значительной степени угрозой выступленія Японіи, по поводу котораго идетъ въ то время „ожесточенная борьба“ въ кругу союзниковъ. Свѣдѣнія объ этомъ доходятъ до Москвы, и Фрэнсисъ телеграфируетъ своему правительству 9 марта: „Я опасаюсь, что если съѣздъ ратифицируетъ миръ, то это явится результатомъ угрозы японской оккупаціи Сибири... Троцкій сказалъ, что Японія естественно убьетъ возможность сопротивленія Германіи и можетъ сдѣлать изъ Россіи германскую провинцію“... „У меня нѣтъ достаточныхъ словъ — добавляетъ Фрэнсисъ въ другой телеграммѣ — для того, чтобы охарактеризовать все безуміе японской интервенціи“. Фрэнсисъ почти убѣжденъ въ томъ, что если не будетъ угрозы японской опасности, „съѣздъ совѣтовъ откажется ратифицировать этотъ миръ“.

Садуль съ своей стороны убѣждаетъ Тома, что французскіе спеціалисты могутъ помочь большевикамъ создать „новую добровольческую армію“ противъ нѣмцевъ.

Актуальность японскаго выступленія стояла въ связи съ февральскими агрессивными планами ген. Гофмана. 26 февраля въ американской прессѣ появилось интервью съ маршаломъ Фошемъ на тему о томъ, что въ отвѣтъ „Японія должна встрѣтить Германію въ Сибири“. Газеты лондонскія и парижскія начинаютъ усиленно комментировать возможность со стороны Японіи предпринять „дѣйственные“ шаги. „Въ парижскихъ политическихъ кругахъ“ — передаетъ корреспондентъ „Дэйли-Мэйль“ — „всѣ взгляды обращены на Японію“. Агентство „Рейтеръ“ офиціозно сообщаетъ, что „занятіе Германіей Петрограда... можетъ означать, что въ ближайшіе пять-шесть недѣль Германія захватитъ богатые области Сибири и Сибирскую желѣзную дорогу“. Въ это время, а не въ 1917 г., какъ пишетъ Милюковъ, и было сдѣлано Японіей предложеніе союзникамъ о совмѣстномъ выступленіи — фактически это обозначало самостоятельное выступленіе Японіи по „мандату“ союзниковъ. Однако этому рѣшительно воспротивился Вашингтонъ. Въ „неопубликованной“, но сообщенной Фрэнсису нотѣ Вильсона японскому правительству 3 марта подробно разбира-

лись мотивы противодѣйствія японской интервенціи со стороны Соед. Штатовъ*). Учитывая „рискъ германскаго вторженія", американское правительство не считало цѣлесообразнымъ интервенцію — главнымъ образомъ потому, что такая „интервенція" вызвала бы „горячее возмущеніе" въ Россіи. Въ дѣйствительности позицію Соед. Шт. диктовали не только альтруистическіе и демократическіе принципы, но и исконный „неустранимый антагонизмъ" между американцами и японцами. „Нота" Вильсона задержала рѣшеніе вопроса, но не сняла его съ очереди. Напр., 11 марта въ газетахъ появляется заявленіе Сесиля... „У насъ есть свѣдѣнія, что Германія организуетъ военноплѣнныхъ въ Сибири... было бы весьма глупо, если не преступно если мы не сдѣлаемъ всѣхъ возможныхъ шаговъ для того, чтобы предупредить германское нашествіе на востокъ... Я полагаю, что было бы весьма разумно, если бы мы искали поддержки для этой цѣли у Японіи" (66). Но въ то время договориться союзники не могли, какъ это опредѣленно явствовало изъ рѣчи Бальфура въ палатѣ Общинъ 14 марта. Англійская пресса, комментируя эту рѣчь, указывала, что японская интервенція возможна съ согласія не только всѣхъ союзниковъ, но... и здоровыхъ элементовъ Россіи".

Между тѣмъ въ Россіи выступленіе японцевъ вызвало, дѣйствительно, почти всеобщее недовѣріе и протестъ,—не такъ далекъ былъ отъ истины Локкартъ, телеграфировавшій въ Форенъ Оффисъ: „вы не можете себѣ представить, какія чувства вызываетъ японская интервенція. Даже кадетская печать, которую нельзя обвинить въ симпатіяхъ къ большевикамъ, громко осуждаетъ это преступленіе противъ Россіи". Совершенно несуразно поэтому утвержденіе покойнаго Гурко, что „Союзъ Возрожденія", отстаивавшій идею созданія восточнаго фронта, „обратился съ просьбой къ Японіи объ оказаніи помощи своими войсками на русской территоріи" **). Когда это было? Когда въ апрѣлѣ

---

*) „Опубликованное интервью и пропавшая нота" — такъ называетъ Левидонъ соотвѣтствующую главу своего изслѣдованія.

**) Воспоминанія „Изъ Петрограда черезъ Москву, Парижъ"... („Арх. Рус. Рев. XV. 14).

произошло частичное и самостоятельное выступленіе Японіи во Владивостокѣ, въ видѣ репрессіи за убійство японскаго коммерсанта, Центр. Комитетъ нар.-соц. партіи выступилъ передъ старшиной иностраннаго дипломатическаго корпуса съ рѣшительнымъ протестомъ противъ дѣйствій японцевъ*). Недовѣріе къ Японіи столь глубоко проникло уже въ сознаніе русскаго общества, что позже, когда фактически союзническая „интервенція“ началась, въ Сибири отряды союзниковъ встрѣчаются населеніемъ „съ энтузіазмомъ“, а японскіе недовѣрчиво, холодно, даже враждебно“ **).

Находившіеся за границей русскіе дипломатическіе представители, Бахметьевъ и Маклаковъ, считали своимъ долгомъ предупредить союзниковъ объ опасности такой интервенціи. Мартовская пропаганда потерпѣла фіаско, тѣмъ болѣе, что въ самой Японіи далеко не было единства по вопросу объ интервенціи... Въ исторіи не приходится задаваться вопросомъ о потеренныхъ возможностяхъ. Президентъ Масарикъ считаетъ, что „для борьбы съ большевиками была одна возможность: мобилизація японцевъ“ (1, 216). Представитель французскаго командованія на востокѣ, Гинэ, съ именемъ котораго намъ не разъ придется встрѣтиться — онъ былъ самымъ яркимъ проводникомъ идеи интервенціонной помощи Россіи,—съ своей стороны утверждаетъ, что „неустранимый антагонизмъ между американцами и японцами“ помѣшалъ „низложить русскій большевизмъ“ ***). Прошло болѣе десяти лѣтъ. И картина будущаго еще не ясна. Есть вѣра въ возрожденіе мощи Россіи, но имѣется ли твердое знаніе? И только потомки наши смогутъ положить на вѣсы: развалъ Россіи и возможное ея спасеніе, допустимъ даже при условіи потери, можетъ быть, только временной той или иной территоріи на Даль-

*) В. А. Мякотинъ. Изъ недавняго прошлаго („На чужой сторонѣ“ II, 188). Авторъ ошибочно этотъ протестъ относитъ къ болѣе раннему времени. Дессантъ вызвалъ протестъ и всѣхъ мѣстныхъ организацій. („Кр. Арх.“ XXIX, 115).

**) Изъ телеграммы Вологодскаго и Гинса изъ Владивостока въ Омскъ въ сентябрѣ 1818 г.

***) En mission à travers la Russie de Lénine. Парижъ 1921.

немъ Востокѣ. Никакія, конечно, фразы о дружелюбіи, никакія международныя гарантіи не могли охранить отъ фактическаго захвата при активной японской интервенціи. Кто былъ правъ: тѣ ли, кто склонялся къ ставкѣ на Японію, или тѣ, кто видѣлъ въ ея выступленіи только угрозу цѣлости Россіи? Отвѣтитъ на это только будущее. Жертвы и страданія иногда бываютъ необходимы въ исторіи... Можетъ быть, болѣе правъ былъ американскій журналистъ Кольфордъ, писавшій: „никакой логической связи между японской интервенціей въ Сибири и положеніемъ въ европейской Россіи не было". Всѣ послѣдующіе факты скорѣе показываютъ, что Японія, въ концѣ концовъ, не задавалась сколько-нибудь широкими цѣлями, а „просто имѣла въ виду создать для себя точку опоры на Дальне-Восточномъ побережьи для цѣлей будущаго" (93).

Обезопасить всякаго рода интервенпію могла только солидарность русской общественности. Къ ней и призывалъ Г. Н. Потанинъ въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Сибири 13 марта. Онъ писалъ: „Сибирь въ опасности. Съ востока въ ея предѣлы вступаютъ иностранныя войска. Они могутъ оказаться нашими союзниками, но могутъ также отнестись къ нашимъ общественнымъ интересамъ совершенно своекорыстно; это будетъ зависѣть отъ того, какъ сибирское общество проявитъ себя въ этотъ роковой моментъ". И Потанинъ призывалъ къ дѣятельному участію въ устройствѣ своей Родины; призывалъ „отбросить на время въ сторону политическіе лозунги, которые разъединяютъ насъ, и соединиться исключительно на почвѣ интересовъ Сибири" („Хроника" Прил. 20).

* * *

Въ упомянутой рѣчи Бальфура 14 марта говорилось: „большевицкое правительство — я полагаю — искренно желаетъ сопротивляться германскому проникновенію". Вѣра въ эту „искренность" продолжаетъ руководить политикой союзниковъ. Какъ это ни странно, но именно послѣ рати-

фикаціи брестъ-литовскаго мирнаго договора начинается фактическое сотрудничество союзныхъ миссій съ большевицкимъ правительствомъ. „Мое правительство“ — заявляетъ Фрэнсисъ — „готово оказать помощь всякому правительству въ Россіи, которое выступитъ съ серьезнымъ и организованнымъ сопротивленіемъ противъ германскаго нашествія“. (84) Осуществляется какъ бы планъ очень скоро самоопредѣлившагося въ сторону коммунизма Садуля. „Сотрудничество союзныхъ миссій съ большевиками въ цѣляхъ организаціи арміи началось... Нѣсколько офицеровъ будетъ находиться непосредственно у Троцкаго. Они составятъ своего рода военный кабинетъ, который будетъ имѣть наблюденіе надъ дѣйствіями военнаго комиссаріата“ — пишетъ Садуль Тома 26 марта („Notes“ 272). Аналогичное телеграфируетъ изъ Москвы Робинсъ Фрэнсису въ Вологду: „Французская миссія приняла предложеніе Троцкаго и назначаетъ офицеровъ для инспекторской работы въ совѣтской арміи“*). Чѣмъ дальше въ лѣсъ — тѣмъ больше дровъ. Троцкій санкціонируетъ съ начала апрѣля сотрудничество союзниковъ и „красной гвардіи“ для защиты Мурманской желѣзной дороги отъ „бѣлогвардейцевъ и ихъ германскихъ союзниковъ“ (подразумѣваются финляндскія войска Маннергейма) въ цѣляхъ помѣшать нѣмцамъ получить новую морскую базу на Ледовитомъ океанѣ. Съ согласія большевиковъ долженъ произойти морской союзническій десантъ въ Мурманскѣ. И тотъ самый Локкартъ, который скоро будетъ замѣшанъ въ „заговорѣ“ противъ совѣтской власти и арестованъ, тотъ самый Локкартъ, котораго большевицкіе чекисты въ своемъ оффиціальномъ органѣ „Еженедѣльникъ В. Ч. К.“ открыто будутъ предлагать подвергнуть физическимъ пыткамъ, чтобы узнать подноготную „заговора“, дѣло котораго начало полосу краснаго террора, съ убѣжденіемъ пишетъ Робинсу,

*) Между прочимъ, Троцкій былъ весьма не прочь использовать американскую миссію инженера Стевенса, прибывшаго съ 400 техниками при Врем. Прав. для желѣзнодорожной организаціи и уѣхавшаго во Владивостокъ послѣ большевицаго переворота. Миссіи Стевенса приказано было вернуться въ Москву.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

подводя итоги стараній совѣтскаго правительства на пути соглашенія въ сотрудничествѣ съ союзниками: „вы согласитесь со мной, что все это непохоже на дѣйствія германскаго агента и что попытка союзной интервенціи съ помощью и съ согласіемъ большевицкаго правительства является желательной и возможной". Письмо датировано 5-ымъ мая. Такъ долго длится уже неестественное „сотрудничество". Садулю рисуется фантастическая перспектива привлеченія къ борьбѣ съ нѣмцами и большевиковъ и ихъ противниковъ, которые „пришли бы работать не съ большевиками, а съ нами (т. е. союзниками) и параллельно съ большевиками". 10 мая онъ рекомендуетъ Тома сдѣлать оффиціальное обращеніе отъ имени Антанты по этому поводу. А для того, чтобы этотъ жестъ имѣлъ бы серьезное значеніе, необходимо, чтобы ему предшествовала „высадка союзниковъ въ Бѣломъ морѣ и ихъ продвиженіе въ Сибирь" (249)*). Въ такія причудливыя формы выливалась идея „интервенціи".

Японія вновь интересуетъ европейское общественное мнѣніе. Еще въ концѣ марта лондонская конференція рабочей партіи выслушиваетъ рѣчь Гендерсона объ условіяхъ при коихъ была бы пріемлема японская интервенція: одобреніе большинства русскаго народа, согласіе союзниковъ и Китая, гарантія японской незаинтересованности. Но нѣсколько неожиданно Японія поставила Америку и Европу передъ совершившимся фактомъ: 4 апрѣля во Владивостокѣ высадился японскій десантъ. Оффиціально онъ мотивировался защитой противъ организующихся въ Сибири военноплѣнныхъ.

Съ добросовѣстностью ученаго президентъ Вильсонъ поручаетъ своимъ представителямъ выяснить мнѣніе различныхъ политическихъ партій въ Россіи по вопросу о вооруженной японской интервенціи для отраженія германской угрозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ роль въ Сибири нѣмецкихъ военноплѣнныхъ. Въ Европу проникаетъ слухъ о

---

*) Еще раньше Садуль увѣрялъ, что подъ нѣкоторыми условіями отъ совѣтскаго правительства можно получить согласіе на японскую интервенцію.

томъ, что съ вѣдома и одобренія совѣтской власти для борьбы противъ союзниковъ вооружено уже 200.000 военноплѣнныхъ. Въ этомъ видятъ реальный контроль Германіи надъ дѣятельностью совѣтской власти, что естественно въ корень разрушаетъ концепціи московскихъ „друзей“ совѣтской власти. Противогерманское сотрудничество союзниковъ съ большевиками начинаетъ отражаться очень уродливо въ кривомъ зеркалѣ дѣйствительности.

3. ВОЕННОПЛѢННЫЕ.

Такимъ образомъ, сталкивались двѣ противоположныя точки зрѣнія на интервенцію. Французскій журналистъ, коммунистъ Маршанъ такъ ихъ опредѣляетъ: интервенція могла произойти „съ активнымъ участіемъ или по меньшей мѣрѣ съ пассивнымъ одобреніемъ большевицкаго правительства“; „интервенція должна быть направлена противъ этого правительства, должна имѣть цѣлью его низверженіе и одновременное возстановленіе восточнаго фронта“. Какая схема побѣдитъ? Вѣсы должны были склониться въ ту или другую сторону въ зависимости отъ оцѣнки вліянія Германіи на совѣтскую власть. Первенствующее значеніе пріобрѣлъ при этомъ вопросъ объ организаціи германскихъ военноплѣнныхъ въ Россіи. Между тѣмъ, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который при современномъ состояніи матеріала не можетъ быть во всей полнотѣ разъясненъ документально, какъ, впрочемъ, и большинство вопросовъ, связанныхъ съ таинственной страницей нѣмецко-большевицкихъ аліансовъ, которую въ статьѣ „Пріоткрывающаяся завѣса“ я имѣлъ право не безъ основанія назвать сказками Шехеразады.

Существуютъ уже контроверсы. Такъ, проф. Масарикъ въ меморандумѣ, составленномъ для Вильсона, въ Токіо, 10 апрѣля, опредѣленно свидѣтельствуетъ: „Нигдѣ въ Сибири (отъ 15 марта до 2 апрѣля. С. М.) я не видѣлъ вооруженныхъ нѣмецкихъ или австрійскихъ военноплѣнныхъ“... Еще раньше спеціально высланные въ Сибирь для изслѣдованія вопроса о военноплѣнныхъ на мѣстѣ, американскій

и англійскій офицеры Вебстеръ и Хиггсъ, 30 марта доносятъ: „вооруженныхъ военноплѣнныхъ въ районѣ отъ Владивостока до Читы не имѣется. Нѣкоторые военноплѣнные въ Иркутскѣ вооружены — всѣ они венгерскіе соціалисты и записываются для борбы противъ Семенова въ Манчжуріи". Въ другой телеграммѣ изъ Иркутска, 31-го, Хиггсъ выражаетъ еще большую убѣжденность, что „здѣшній совѣтъ не имѣетъ въ виду вооружать военноплѣнныхъ". 1 апрѣля Хиггсъ сообщаетъ: „Во всей Сибири всего 1200 вооруженныхъ военноплѣнныхъ, которые являются соціалистами-революціонерами. Они охраняютъ другихъ плѣнныхъ и главнымъ образомъ германскихъ офицеровъ, которыхъ совѣтъ боится. Они не будутъ использованы въ военныхъ операціяхъ. Совѣтъ далъ оффиціальную гарантію для сообщенія нашему правительству о томъ, что максимумъ 1500 военноплѣнныхъ будутъ вооружены во всей Сибири"...*) Къ совершенно противоположному выводу пришелъ въ апрѣлѣ же маіоръ Пишонъ. Для него „военная активность нѣмцевъ" представляется „фактомъ совершенно неопровержимымъ"; „по свѣдѣніямъ, полученнымъ недавно, на Селенгѣ, къ югу отъ Байкала, подъ управленіемъ нѣмецкихъ инженеровъ и военныхъ спеціалистовъ устроена укрѣпленная военная позиція". (Докладъ 49). П. Н. Милюковъ въ своей работѣ утверждаетъ, что свѣдѣнія о японскомъ выступленіи 4 апрѣля „скрѣпили союзъ" между большевиками и германцами: „въ Сибирь поѣхали германскіе офицеры и занялись вооруженіемъ венгерскихъ и австрійскихъ плѣнныхъ" (II, 28). Къ сожалѣнію, этотъ историкъ гражданской войны рѣдко указываетъ источникъ, откуда онъ черпаетъ свои свѣдѣнія. Приходится думать, что это только предположенія самого автора.

Нѣмцы, конечно, отрицаютъ всѣ эти факты. Можно сказать безъ колебаній, что цифра 200.000 организованныхъ

*) Объ этой миссіи Троцкій въ обращеніи народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ" 22 августа писалъ: м н о ю тогда были отправлены вдоль сибирской дороги изъ Москвы американскіе и англійскіе офицеры, которые оказались вынуждены оффиціально подтвердить, что всѣ сообщеніи объ угрозѣ сибирскому пути со стороны плѣнныхъ являются вздорными вымыслами" („Извѣстія" № 181; „Хр." прил. 36).

военноплѣнныхъ — версія, ходившая и въ Москвѣ — преувеличена*). Нѣмцы не пошли бы оффиціально на такую опасную для плѣнныхъ затѣю. Но, очевидно, та или другая санкція давалась подъ видомъ, что большевики организуютъ только „интернаціоналистовъ".

Отрицали организаціи военноплѣнныхъ и большевики. Еще 22 декабря 1917 г. въ „Правдѣ" появилась никѣмъ не подписанная замѣтка, опровергающая „ложь", распространяемую буржуазными и подхалимными листками, — въ данномъ случаѣ горьковской „Новой Жизнью" — объ организаціи отряда военноплѣнныхъ**): дѣло идетъ о революціонныхъ интернаціоналистахъ австро-венгерцахъ, готовыхъ предоставить цѣлый отрядъ въ распоряженіе революціонной Россіи противъ германскаго имперіализма". Этихъ „интер-

*) Бытовыя условія дѣлали то, что значительная часть этихъ 200.000 плѣнныхъ „не очень жаждетъ вернуться на фронтъ". — отмѣчаетъ 16 февраля франц. генеральн. консулъ въ Иркутскѣ Андре Буржуа въ депешѣ, посланной въ Петроградъ („Къ исторіи интервенціи въ Сибири". „Кр. Ар." XXXIV, 145). „Значительная часть этихъ плѣнныхъ — добавляетъ Пишонъ въ письмѣ къ ген. Нисселю 8 февр. — стали родоначальниками новыхъ поколѣній путемъ брака или свободныхъ союзовъ... Эти люди не вернутся къ себѣ: они создали очагъ, зарабатываютъ много, колонизируютъ Сибирь. Нѣкоторые изъ нихъ стали членами мѣстныхъ Совѣтовъ". (Iв. 162).

Этими бытовыми условіями и разнообразіемъ состава военноплѣнныхъ (здѣсь были среди другихъ и турки) слѣдуетъ, пожалуй, объяснить явленіе, позднѣе поражавшее ген. Нокса и отмѣченное имъ съ несомнѣннымъ преувеличеніемъ: въ Сибири „каждый маленькій офицерскій батальонъ имѣетъ 100 нѣмцевъ въ качествѣ поваровъ, прислуги, конюховъ; каждая рота новобранцевъ имѣетъ три нѣмецкихъ повара"... „Настоящее положеніе — добавляетъ Ноксъ — если бы оно было извѣстно въ Англіи, вызвало бы бурю возмущенія". На англійскаго генерала это производитъ такое впечатлѣніе, что въ условій „конвенціи", которую онъ заключаетъ 24 октября съ русскимъ правительствомъ о помощи въ формированіи арміи, онъ вводитъ спеціальный пунктъ о заключеніи военноплѣнныхъ не славянскаго происхожденія въ лагери. (Дополненіе къ воспоминаніямъ Болдырева 525). Майоръ Пишонъ въ своихъ сибирскихъ наблюденіяхъ (Кр. Ар. XXXIV, 162) въ хорошемъ отношеніи къ военноплѣннымъ — не видятъ въ иихъ враговъ — склоненъ даже усмотрѣть отсутствіе должнаго патріотизма. Не знаю, можно ли отнести подобныя заявленія даже къ области нѣкоторой россійской „распущенности". Скорѣе они могутъ служить доказательствомъ того, что къ моменту, когда вопросъ о возобновленіи восточнаго фронта и союзнической интервенціи получилъ уже конкретное рѣшеніе, и Антанта связала свою политику въ Россіи недвусмыслено съ противобольшевицкими силами, война съ Германіей въ сознаніи широкихъ слоевъ русскаго общества была уже изжита.

**) Изъ сборника Троцкаго „1917 г." стало извѣстно, что авторъ замѣтки сама большевицкая „примадонна", какъ назвалъ позже Троцкаго передъ американскими сенаторами извѣстный намъ Робинсъ.

націоналистовъ" оказалось чрезвычайно много. Уже въ декабрѣ происходитъ делегатское собраніе военноплѣнныхъ. На немъ присутствуютъ 200 человѣкъ отъ 20.000. Въ апрѣлѣ въ одномъ московскомъ округѣ насчитывалось до 60.000 организованныхъ плѣнныхъ интернаціоналистовъ. На первомъ съѣздѣ военноплѣнныхъ присутствуетъ 400 человѣкъ формально отъ 500.000 организованныхъ военноплѣнныхъ*).

Какого рода были эти „интернаціоналисты", прекрасно можно видѣть изъ факта, разсказаннаго командующимъ большевицкими войсками на югѣ, Антоновымъ-Авсѣенко**). Онъ не отрицаетъ попытокъ созданія отрядовъ военноплѣнныхъ въ Донбасѣ въ февралѣ 18 г. „Вначалѣ" онѣ были неудачны. „Одну сформированную изъ германцевъ роту пришлось распустить послѣ слѣдующаго эпизода. Ротѣ этой производился смотръ. Командующій похвалилъ роту на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ, какъ одинъ, отвѣтили: Гохъ, кайзеръ Вильгельмъ..." Совершенно аналогичное о нѣмецкихъ отрядахъ, подъ разными обликами и видами находившихся въ Москвѣ весной 18 г., разсказываетъ авторъ дневника, напечатаннаго въ „Голосѣ Минувшаго".

Эти организованные и вооруженные военноплѣнные оказались разсѣянными буквально повсюду и вмѣстѣ съ латышами и китайцами съ Мурмана оказались главной основой совѣтскихъ войскъ въ первый періодъ борьбы. Съ ними мы встрѣтимся при подавленіи іюльскаго возстанія въ Ярославлѣ, организованнаго Савинковымъ. И не только съ „интернаціональнымъ батальономъ", активно участвовавшимъ въ бою на сторонѣ совѣтской власти. Изъ документа, напечатаннаго въ „Красной книгѣ В. Ч. К." (вып. I) мы знаемъ, что „отрядъ сѣверной добровольческой арміи" сдался германской комиссіи военноплѣнныхъ, которая нѣсколько неожиданно оказывается сильной „боевой частью" и сохраняетъ во время боя „вооруженный нейтралитетъ". Начальствовалъ надъ нѣмецкимъ отрядомъ лейтенантъ Балкъ... Кто же онъ? Отвѣчаетъ намъ авторъ воспоминаній,

*) Пролет. Рев. т. 76, стр. 58.
**) „Записки о гражданской войнѣ" (1924, I, 228).

напечатанныхъ въ № 1574 „Возрожденія“, — Н. Мазингъ. Балкъ одинъ изъ нѣмецкихъ контръ-развѣдчиковъ, работавшихъ во время войны въ Россіи. Онъ орудовалъ до большевицкаго переворота въ Кронштадтѣ вмѣстѣ съ Михельсономъ и Рошалемъ, съ которыми его свелъ Натансонъ. Если изложенное все точно, то оказывается, что Балкъ черезъ главаря нѣмецкаго шпіонажа въ Россіи полк. Бауэра былъ связанъ съ Натансономъ еще въ Цюрихѣ. Онъ находился въ непосредственномъ вѣдѣніи другого агента — маіора австрійскаго генеральнаго штаба Титца, числившагося въ лагерѣ военноплѣнныхъ въ Нижегородской губерніи подъ фамиліей... Блюхера*). О его прежней дѣятельности авторъ воспоминаній разсказываетъ довольно показательныя подробности. Послѣ октябрьскаго переворота Балкъ работалъ въ комендатурѣ Смольнаго подъ фамиліей бывшаго корнета Василевскаго. Титцъ въ дни переворота находился въ Москвѣ и тамъ, какъ артиллеристъ, налаживалъ обстрѣлъ Москвы (объ участіи нѣмецкихъ артиллеристовъ въ стрѣльбѣ упорно говорили тогда въ Москвѣ). „Потомъ мнѣ (т. е. Балку) — авторъ передаетъ именно его разсказъ — пришлось съ нимъ работать вмѣстѣ: мы усмиряли ярославское возстаніе. Онъ лично руководилъ орудійнымъ огнемъ, я командовалъ батареей, солдаты были исключительно мадьяры изъ отряда, сформированнаго еще лѣтомъ 1917 г. на Волгѣ. Немало колоколенъ удалось сбить!.. не будь нашей организаціи, еще неизвѣстно во что бы обернулось дѣло“...

Спустимся по Волгѣ внизъ. Одинъ изъ руководителей волжскаго фронта, въ іюлѣ записываетъ подъ Сызранью, 12 іюля, въ свой „дневникъ“: „большевицкія войска главнымъ образомъ изъ мадьяръ, китайцевъ и латышей, съ небольшимъ сравнительно количествомъ русскихъ красноармейцевъ, были прекрасно вооружены артиллеріей“. („В. Р.“ 28, VIII, 101). Подъ Симбирскомъ 28-го его запись гла-

*) Авторъ считаетъ его современнымъ совѣтскимъ главкомомъ, это маловѣроятно. Совѣтскіе историки, говорятъ, что Блюхеръ рабочій съ Урала. См. книгу Подшивалова „Гражданская война на Уралѣ 1917—1918 г. (Изд. 1925 г.).

ситъ: „Въ наши руки попалъ оригиналъ доклада большевика Мадракова... Въ немъ чернымъ по бѣлому сказано, что при возстаніи противъ насъ большевиковъ къ послѣднимъ „присоединяются мадьяры и австрійцы, которые разбиты по роду оружія и при выступленіи займутъ опредѣленныя мѣста подъ командованіемъ офицерскаго состава, и которымъ оружіе будетъ выдано изъ склада". (125).

Въ имѣвшейся у меня копіи*) донесенія члена „Союза Возрожденія", нелегально переходившаго большевицкій кордонъ на востокѣ, подъ 24-мъ августа отмѣчается: „въ составѣ совѣтской арміи не менѣе 50% германскихъ военноплѣнныхъ". То же самое о Волгѣ говоритъ и Савинковъ въ очеркахъ „Борьба съ большевиками" (44) **). Было ли какое нибудь преувеличеніе, когда кап. Голечекъ въ брошюрѣ „Чехословацкое войско въ Россіи", изданной въ 1919 г. въ Иркутскѣ Информ.-Просв. Отдѣломъ Чех. Воен. Мин., писалъ про іюльскіе бои у Бузулука: „Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, чехословацкія части сражались съ превосходящими силами непріятеля: 5000 человѣкъ преимущественно нѣмцевъ и мадьяръ, организованныхъ и обученныхъ нѣмецкими и австрійскими офицерами" (52).

Очень смѣло, какъ всегда, Троцкій говорилъ на іюньскомъ засѣданіи въ Большомъ театрѣ: „распространять такого рода слухи (о содѣйствіи большевикамъ со стороны Германіи въ борьбѣ съ чехословаками) могутъ только негодяи" (Извѣстія" 22 іюня) ***). Я не знаю, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ проф. Масарикъ свѣдѣнія, что „большевики въ іюнѣ предложили нѣмцамъ, чтобы они разрѣшили противъ нашихъ въ Сибири вооружить нѣмецкихъ плѣнныхъ; нѣмцы были болѣе корректны и высказались противъ этого" (II. 82). При такомъ отказѣ, какимъ образомъ могли появиться эти сильные „боевые отряды',

*) Передана въ Пражскій Архивъ.

**) Подтвержденіе о такомъ составѣ отрядовъ Муравьева можно найти въ „Прол. Рев." (кн. 75, стр. 68). Нѣчто аналогичное отмѣчаетъ на воткинскомъ фронтѣ очевидецъ А. Ганъ (Гутманъ) въ статьѣ „Два возстанія" („Бѣл. Дѣло" III, 157); см. также воспоминанія рабочаго Уповалова въ берлинской „Зарѣ" (1923, № 3).

***) Троцкій „Какъ вооружалась революція". 1925, т. I, 200.

среди военноплѣнныхъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что переговоры между большевиками и нѣмецкимъ командованіемъ велись едва-ли не по иниціативѣ послѣдняго. У меня имѣется опредѣленное свидѣтельство въ пользу такого предположенія, исходящее изъ того источника информаціи, откуда я въ свое время получилъ копію ноты Гинце (какъ мы знаемъ, подтвержденную), свѣдѣнія о московской нѣмецко-большевицкой контръ-развѣдкѣ, объ ея провокаціонной работѣ въ русской военной средѣ весной и лѣтомъ 1918 г.)*). Конечно, это были закулисныя соглашенія; открыто нѣмецкое командованіе отказывалось отъ какихъ либо санкцій, равно какъ и челябинскій ревкомъ при наступленіи чехословаковъ 26-го мая оффиціально отклонилъ „предложеніе вооруженія мадьяръ**). А между тѣмъ для И. М. Брушвита, проѣхавшаго почти всю Зап. Сибирь въ апрѣлѣ и въ началѣ мая, уже въ Екатеринбургѣ стало ясно, что „въ Сибири идетъ организація подъ видомъ интернаціональныхъ полковъ идеальныхъ боевыхъ частей нѣмцевъ-мадьяровъ". „Я владѣю нѣмецкимъ языкомъ—пишетъ онъ — и вотъ въ кафе, въ ресторанахъ мнѣ пришлось слышать откровенные разговоры" („В. Р". X. 94). Для Сибири это общій голосъ. И Гинсъ телеграфируетъ изъ Владивостока въ Омскъ въ августѣ объ отрядахъ военноплѣнныхъ, снабженныхъ артиллеріей, и кап. Кирилловъ сообщаетъ объ артиллерійскомъ батальонѣ мадьяръ въ Томскѣ („В. С." IV, 41); и эсъ-эръ Неупокоевъ въ письмѣ Дерберу въ Харбинъ 12 марта говоритъ о военноплѣнныхъ въ иркутскомъ карательномъ батальонѣ („Кр. Ар." XXIX, 15); и Авксентьевъ въ сентябрѣ, указывая Вологодскому, находившемуся въ Владивостокѣ, на необходимость воздѣйствовать на союзниковъ, отмѣчаетъ, что иначе, „съ нами потеряютъ и они", такъ какъ при участіи нѣмцевъ, мадьяръ, латышей, китайцевъ на сторонѣ большевиковъ, „внутренній" фронтъ дѣйствительно сталъ „внѣшнимъ"; и представители иностранныхъ миссій въ Иркутскѣ (Буржуа и Жандръ) въ

*) См. статью „Пріоткрывающая завѣса".

**) Ан. Анишевъ. „Очерки исторіи гражданской войны". 1917—1920. 1925 г., 136.

февралѣ протестуютъ безуспѣшно передъ мѣстной властью противъ снабженія военноплѣнныхъ оружіемъ, въ то время, какъ „простымъ людямъ“ это запрещено*). И, наконецъ, сами большевики post factum признаютъ, что военноплѣнные повсюду въ Сибири не только вливались въ ряды Красной Арміи, но и образовывали спеціальныя воинскія части. Съѣзды военноплѣнныхъ принимали рѣшенія о содѣйствіи Кр. Арміи и поголовной мобилизаціи**). Латыши, китайцы, мадьяры на первыхъ порахъ не столько сопровождали Кр. Армію, какъ говоритъ Дюбарье***), сколько, по словамъ чешскихъ историковъ этого періода, составляли настоящую основу этихъ войскъ****). Въ книгѣ Парфенова (стр. 54—55) приводится небезынтересная записка проф. томскаго техн. инст. Михайленко, представленная 21 августа отъ имени томскаго комитета партіи к. д. сибирскому правительству. Авторъ записки набрасываетъ планъ организаціи восточнаго фронта при участіи союзниковъ. Попутно въ ней характеризуется военная активность нѣмцевъ.

„Во второй половинѣ февраля н. г., большевистскій комиссаръ для Сибири, Кобозевъ, представилъ въ совѣтъ народныхъ комиссаровъ обширный докладъ о неустойчивости Совѣтской власти въ Сибири. Этотъ докладъ вызвалъ тревогу въ германо-большевистскихъ кругахъ и былъ яблокомъ раздора между комиссарами — Ленинымъ, Троцкимъ, Подвойскимъ и Раскольниковымъ, съ одной

---

*) „Въ Иркутскѣ ожидается—доноситъ Буржуа 25 февраля — 10.000 нѣмецкихъ солдатъ и 200 офицеровъ—у меня былъ большевицкій приказъ приготовить для нихъ помѣщеніе. Комендантъ лагеря увѣряетъ, что дѣло идетъ объ участіи военноплѣнныхъ въ оборонѣ Сибири“ („Кр. Арх.“ XXXIV, 150).

**) „Октябрьская революція и наше строительство Красной Арміи“ („Пр.Рев.“ 76, 159). Аналогичныя сообщенія можно почерпнуть изъ разныхъ источниковъ. См. напр., сборникъ „Центросибирцы“, 1927 г., 90, 99; „Партизанское движеніе въ Сибири“ 1925 г., стр. 207—8. Гинсъ бывшій въ Омскѣ, говоритъ, что безъ военноплѣнныхъ и латышей „красный гарнизонъ“ въ Омскѣ былъ бы совсѣмъ безсиленъ (I, 63). Въ упомянутой „нотѣ“ 22 августа Троцкій заявлялъ, что бывшихъ „военноплѣнныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, ставшихъ русскими гражданами, не больше одной двадцать пятой части всего количества совѣтскихъ войскъ“.

***) En Siberje après l'Armistice. Парижъ, 1922, 40.

****) Steidler. „Naše vystonpeni“. (Прага, 1923). Еще въ декабрѣ при подавленіи антибольшевицкаго возстанія въ Иркутскѣ принимаютъ участіе въ „довольно большомъ количествѣ“ и военноплѣнные, — доноситъ консулъ Жандръ („Кр. Арх.“ XXXIV, 134).

стороны, Дыбенко, Бончъ-Бруевичемъ и комиссарами Балтійскаго флота — Забелло, Мясоѣдовымъ и Измайловымъ — съ другой. Германскій штабъ, по ознакомленіи съ упомянутымъ докладомъ, поручилъ своему отдѣленію въ Петроградѣ командировать для провѣрки тезисовъ доклада Кобозева опытныхъ агентовъ... По ихъ представленію были осуществлены слѣдующія мѣропріятія:

1. Въ Перми, Самарѣ, Саратовѣ, Казани, Царицынѣ и Астрахани учреждены отдѣленія германскаго генеральнаго штаба для подготовки приволжскаго фронта на случай наступленія сибирскихъ войскъ и союзниковъ съ востока, при чемъ по разработанному уже германскими офицерами плану главные бои должны произойти между Уральскимъ Хребтомъ и Волгой, западный берегъ которой долженъ служить послѣдней укрѣпленной позиціей.

2. Въ Казань, гдѣ находятся большіе запасы готовыхъ и сырыхъ артиллерійскихъ матеріаловъ, усиленные вывезенными съ Мурмана и изъ Архангельска военными грузами, командированы германскіе химики и артиллеристы для организаціи вблизи фронта снабженія.

3. Въ Сибири вооружено до 23 марта 62.800 военноплѣнныхъ, которымъ было предложено принять русское подданство; во главѣ этихъ вооруженныхъ силъ находился австрійскій полковникъ Байеръ, а съ мая мѣсяца военный агентъ при графѣ Мирбахѣ — ф. Ульрихъ и майоръ Бахъ".

Большевицкій историкъ называетъ записку „очевиднымъ шерлокъ-хольмскимъ шедевромъ буржуазной клеветы и дикой инсинуаціи, лженамѣренно оттѣняющими германофильство совѣтской власти". Можно допустить, что въ запискѣ имѣются преувеличенія, но вѣдь намъ важна сущность дѣла — общее его направленіе, а не детали. Рисуя планъ антигерманскаго выступленія, записка говорила:

„Наступленіе сибирск. арміи потребуетъ отъ германскаго верховнаго командованія переброски значительныхъ силъ съ запада на востокъ, такъ какъ кромѣ сибиряковъ, наступленіе немедленно начнется и въ другихъ мѣстахъ: на Украинѣ—арміи ген. Скоропадскаго, сѣверокавказскихъ отрядовъ ген. Алексѣева, Деникина, Эрдели; отрядовъ Дутова, Семенова и другихъ, которые внѣ зависимости отъ ихъ политической идеологіи могутъ быть объединены на общей платформѣ—войны съ Германіей;

несомнѣнно усилится финская федеративная партія, возглавляемая Маннергеймомъ. Германскому командованію придется поэтому бросить на русскіе фронты большія силы и затратить огромную энергію на войну на приволжскомъ фронтѣ, гдѣ продовольственный вопросъ обостренъ и гдѣ желѣз. дороги немногочисленны.

Такое отвлеченіе нѣмецкихъ силъ крайне выгодно для нашихъ союзниковъ, и, рѣшаясь принять на себя часть арміи Гинденбурга, сибир. правительство можетъ не только не отказаться отъ предъявленія къ союзникамъ самыхъ тяжелыхъ и сложныхъ но исполненію требованій, но даже начать переговоры объ отмѣнѣ ограниченій компенсацій, предложенныхъ Россіи за помощь союзникамъ въ войнѣ съ Германіей до брестскаго мира.

Выступленіе Россіи, несомнѣнно, будетъ привѣтствоваться не только Англіей и Франціей, непосредственно заинтересованными въ отвлеченіи съ западнаго фронта германскихъ войскъ, но и Америкой и Японіей, которыя нынѣ стоятъ лицомъ къ лицу съ невыгоднымъ для нихъ распространеніемъ германскаго вліянія".

Указывая на способъ осуществить сношенія съ союзниками, записка ставитъ болѣе узкую задачу: „Цѣлью настоящей записки является доказать необходимость немедленнаго сооруженія въ Сибири заводовъ, работающихъ на оборону и полную пріемлемость и желательность такой мѣры для нашихъ союзниковъ, у которыхъ требованія сибирскаго правительства о матеріальной помощи безусловно встрѣтитъ самое горячее сочувствіе..."

* * *

Сибирская обстановка лѣтомъ 1918 г. была таковой, что чешскіе солдаты убѣждены, что большевнковъ противъ нихъ ведутъ нѣмцы, и что они сами „воюютъ собственно противъ Германіи и Австріи" (Масарикъ, II, 83)*). Могутъ сказать, что такая картина создалась съ момента выступленія чехо-словаковъ, какъ бы реализовавшихъ осуществленіе противогерманскаго фронта на востокѣ. Были, однако, приве-

*) Авторъ, отрицавшій въ апрѣльскомъ меморандумѣ военныя образованія плѣнныхъ, долженъ позднѣе констатировать, что во „всѣхъ сообщеніяхъ (изъ Сибири) указывалось на участіе нѣмецкихъ и венгерскихъ полковъ въ болшевицкихъ отрядахъ".

дены факты, свидѣтельствующіе, что организація большевиками „солдатовъ-интернаціоналистовъ“ въ широкомъ масштабѣ началась задолго до чехословацкаго выступленія — даже до японскаго апрѣльскаго десанта, въ которомъ Милюковъ склоненъ видѣть въ сущности поводъ, побудившій нѣмецкое военное командованіе послать офицеровъ инструкторовъ въ Сибирь. Отмѣчу, что упомянутый дневникъ „Нѣмцы въ Москвѣ въ 1918 году“ начинаетъ регистрацію своихъ сообщеній о концентраціи вооруженныхъ военноплѣнныхъ „одѣтыхъ въ русскую солдатскую форму русскихъ солдатъ, разговаривавшихъ на чистѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ“, о нѣмецкихъ штабахъ, контръ-развѣдкахъ о демонстраціи „интернаціоналистовъ“ подъ лозунгомъ „Kaiser Wilhelm und Deutschland über alles“, о тайныхъ условіяхъ брестскаго мира, о празднованіи пріѣзда Мирбаха и т. д. и т. д. уже съ конца ноября... Въ дни бесѣдъ Троцкаго съ представителями союзническихъ миссій изъ числа „друзей“ совѣтской власти потаенные разговоры ведутся большевиками и съ германскими Oberleutnant'ами. „Вездѣ и всюду нѣмцы“ — записываетъ авторъ дневника 6 марта. Онъ, правда, записываетъ не только Warhrheit, но Dichtung—это запись своеобразнаго политическаго фольклора. Не всегда еще можно правдоподобное отдѣлить отъ безусловно достовѣрнаго. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нельзя еще раскрыть всѣхъ скобокъ—вскрыть инціалы, обнаружить въ полной мѣрѣ источники информаціи. Здѣсь время для безоговорочной исторіи дѣйствительно еще не наступило и не наступитъ до тѣхъ поръ, пока въ Россіи царитъ коммунистическая диктатура съ ея чекистскимъ судопроизводствомъ. „Ихъ господа — нѣмцы“ — дѣлаетъ заключеніе политическій освѣдомитель-бытописатель, находившійся до нѣкоторой степени въ центрѣ общественныхъ наблюденій того времени. „Прибывшій 4 апрѣля Мирбахъ—подтверждаетъ Мякотинъ, — являлся чуть ли не властелиномъ въ Москвѣ“. („На Ч. С.“ II, 188). Это съ нѣкоторымъ запозданіемъ понялъ и Фрэнсисъ.

Политика нѣмцевъ, въ свою очередь, была двойственна и противорѣчива. Теперь мы знаемъ разногласія, которыя

существовали между военнымъ вѣдомствомъ и дипломатическимъ корпусомъ по вопросу о тактикѣ въ отношеніи большевиковъ. Отъ большевиковъ спорадически эта тактика искала опоры въ русскихъ монархическихъ кругахъ. Поиски были взаимны. Неоспоримо, что лѣтомъ 1918 г., по мѣрѣ выясненія союзническихъ горизонтовъ, выяснялось и направленіе германской акціи въ Россіи, которая черезъ переговоры съ представителям такъ называемаго „праваго центра“ о низверженіи большевиковъ*) пришла къ солидарности дѣйствій съ ними, устанавливаемой августовской нотой министра иностранныхъ дѣлъ ф. Гинце. Но не слѣдуетъ здѣсь преувеличивать роль „восточнаго фронта“, толкавшаго якобы нѣмцевъ въ объятія большевиковъ. Это любятъ подчеркивать всѣ русскіе политическіе дѣятели, которые относились отрицательно къ „совершенно фантастическому“ плану, по ихъ мнѣнію возникшему „въ охваченныхъ страхомъ отъ крушенія русскаго восточнаго фронта французскихъ правительственныхъ кругахъ“. Эти дѣятели весной и лѣтомъ 1918 г. примкнули въ Москвѣ къ такъ называемому „правому центру“ — среди нихъ были, казалось бы, столь разные по политическому міросозерцанію люди, какъ Милюковъ и Гурко. Милюковъ написалъ съ этой точки зрѣнія свою исторію гражданской войны, Гурко далъ воспоминанія, напечатанныя въ т. XV „Арх. Рус. Рев.“ І. В. Гессена. ...„Какъ разъ въ то время—пишетъ Гурко—когда велись переговоры съ французами объ образованіи Уральскаго фронта, нѣкоторые представители германскаго правительства завязали сношенія съ группой политическихъ дѣятелей умѣренно праваго направленія“ (14). Неудачу переговоровъ Гурко объясняетъ тѣмъ, что Германія, убѣдившись, что „можетъ имѣть дѣло только съ правыми общественными кругами, ...естественно отказалась отъ мысли строить свои планы на возсозданіи порядка въ Россіи“ (15).

Но основной причиной, „положившей окончательный конецъ переговорамъ съ нѣмцами“ была „мысль объ об-

---

*) Любопытно, что по свидѣтельству Милюкова для этой цѣли предполагалось одѣть германскихъ военноплѣнныхъ въ русскія шинели. (20).

разованіи новаго русско-японскаго фронта на Уралѣ и состоявшаяся вслѣдъ за тѣмъ высадка японскихъ войскъ во Владивостокѣ". То и другое стало извѣстно германцамъ „причемъ какъ разъ въ тотъ моментъ (іюнь...), когда германское правительство перешло на точку зрѣнія германскихъ военныхъ круговъ о необходимости въ германскихъ интересахъ возсоздать порядокъ въ Россіи и покончить съ большевиками". Гурко дѣлаетъ большую хронологическую ошибку, такъ какъ японскій десантъ во Владивостокѣ произошелъ въ апрѣлѣ. Милюковъ идетъ еще дальше, — онъ даже захватъ нѣмцами Украины объясняетъ опасностью „маловѣроятнаго" возобновленія восточнаго фронта и японскаго десанта: „нѣмцы двигались навстрѣчу восточному фронту внутрь Россіи". (20). Это до-нельзя искусственная концепція также расходится прежде всего съ хронологическими датами событій.

4. ВЫСТУПЛЕНІЕ ЧЕХОСЛОВАКОВЪ.

Потому ли, что русскіе общественные дѣятели сумѣли воздѣйствовать на московскихъ представителей Антанты и убѣдить ихъ, что „до сверженія большевицкой власти не можетъ быть никакихъ надеждъ на возобновленіе Россіей борьбы съ Германіей"*); потому ли, что группа иностранныхъ дипломатовъ и военныхъ агентовъ, проводившихъ мысль о созданіи восточнаго фронта при непосредственномъ участіи большевиковъ, персонально ослабляется съ отзывомъ изъ Россіи Робинса — „соглашательская эпопея", начавшаяся послѣ брестъ-литовскаго мира, постепенно ликвидируется. И Садуль, и Маршанъ виновникомъ того, что сближеніе съ большевиками, шедшее „гигантскими шагами", аннулируется, считаютъ французскаго посла Нуланса, въ началѣ апрѣля вернувшагося изъ Финдляндіи. „Какъ только Нулансъ прибылъ въ Вологду — пишетъ Маршанъ — идея интервенціи по второй схемѣ одержала верхъ и приняла

*) Это доказывали, по словамъ Гурко, и тѣ будущіе прогерманцы, которые раньше вели переговоры съ французскими представителями (Ib. 13).

опредѣленную форму: интервенція противъ нѣмцевъ съ предварительной цѣлью уничтоженія большевиковъ". Большевики, по характеристикѣ Садуля, были „внѣ себя" по поводу интервью Нуланса 26 апрѣля, гдѣ тотъ привѣтствовалъ владивостокскій десантъ. Къ тому же времени пришло новое заявленіе Клемансо (14 апрѣля) о непризнаніи существовавшаго „русскаго правительства" и заключеннаго имъ мира. 9 мая Фрэнсисъ съ своей стороны увѣдомляетъ государственный департаментъ, что „время для союзнической интервенціи въ Россіи наступило". Въ своей книгѣ „Russia from the american embassy" Фрэнсисъ подробно излагаетъ мотивъ своего прежняго отношенія и доводы въ пользу новой позиціи. Для Фрэнсиса нѣтъ сомнѣній въ томъ, что „Германія, при посредствѣ Мирбаха, имѣетъ доминирующую роль и контролируетъ совѣтское правительство. Мирбахъ является фактическимъ диктаторомъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ американскій посолъ отмѣчалъ, что „многія организаціи въ Россіи увѣдомили союзническія миссіи.... что Русскій народъ будетъ привѣтствовать интервенцію". Сомнѣваясь въ томъ, что русскіе могутъ оказать „матеріальную и физическую помощь интервенціи", Фрэнсисъ признавалъ, однако невозможнымъ, чтобы политика союзниковъ оставалась „терпимой по отношенію къ правительству, защищающему принципы большевизма и виновномъ въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя практиковались совѣтскимъ правительствомъ".

Историкъ „дипломатической подготовки" интервенціи, подводя итоги, говоритъ: къ концу мая „въ средѣ союзныхъ миссій въ Россіи не было ни одного человѣка, который стоялъ бы на точкѣ зрѣнія мурманскаго эпизода", т. е. интервенціи съ одобренія и съ помощью совѣтскаго правительства. (Левидовъ, 129)*).

Напрасно, однако, думать, что политика союзниковъ съ этого момента стала отчетлива, что исчезли колебанія и противорѣчія, и устранена была двойственность всѣхъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ.

Маршанъ передаетъ слова, яко-бы сказанныя ему фран-

*) Садуль началъ „опредѣленно переходить въ совѣтскій лагерь".

цузскимъ генеральнымъ консуломъ въ Москвѣ Гренаромъ при началѣ чехо-словацкаго выступленія: „Интервенція, которую мы старались вызвать и которая до нѣкоторой степени является нашей собственной работой, началась. Нужно стараться, чтобы она была успѣшной...“ Да, и Гренаръ и Нулансъ стояли за „активную интервенцію“ — въ этомъ, пожалуй, нѣтъ сомнѣній, но этимъ не опредѣлялся еще окончательный выборъ позиціи въ Лондонѣ, Парижѣ и Вашингтонѣ. Тамъ мы еще встрѣтимся и съ колебаніями и съ противорѣчіями. Тамъ все еще не было ни „опредѣленнаго плана по отношенію Россіи“, ни „единообразнаго отношенія къ большевикамъ“ (Масарикъ. I, 214). Въ силу этого и въ Россіи продолжала существовать какая-то вредная двойственность. На исторіи чехо-словацкаго выступленія это становится очевидно.

* * *

Нѣсколько неожиданное выступленіе чехо-словаковъ спутало всѣ карты и тѣмъ самымъ способствовало разъясненію запутавшейся дипломатіи. Недаромъ 29 мая „Дейли-Мейль“ писала: „союзники должны благодарить чехо-словаковъ за окончаніе долгаго періода сомнѣній и отсрочекъ“.

Выступленіе чеховъ имѣло огромное значеніе, какъ для „фантастическаго“ проекта восточнаго фронта, такъ и для всѣхъ послѣдующихъ событій въ Россіи... Мотивы выступленія чешскими политическими дѣятелями по разному формулировались въ разное время, поэтому необходимо остановиться на этомъ первоначальномъ періодѣ. Роль чеховъ въ Сибири — больной и сложный вопросъ. Теорія и практика здѣсь рѣзко разошлись. Жизнь дѣйствительно съ большой отчетливостью подтвердила одно изъ положеній президента Масарика: „Жить всегда однимъ только умомъ—безуміе“. (II. 140). Вопреки всѣмъ планамъ одного изъ главныхъ творцовъ чехо-словацкой независимости, вопреки его волѣ, чехи и словаки были тѣсно вплетены въ жизнь русскаго народа въ періодъ сибирскаго „анабазиса“—такъ назвалъ Пуанкаре продвиженіе чехо-словацкихъ войскъ къ Владивостоку. Вопреки теоретически признаваемому прин-

ципу нейтралитета въ русскихъ дѣлахъ, чехамъ и словакамъ пришлось быть опредѣленно дѣйственной силой на внутреннихъ фронтахъ гражданской войны въ Россіи.

У руководителей чешской политики въ теоріи была совершенно опредѣленная позиція... Большевицкій переворотъ засталъ чехо-словацкій корпусъ, какъ независимую часть, около Кіева*). Этотъ корпусъ, съ согласія русскаго генеральнаго штаба, подлежалъ перевозкѣ во Францію**).

Съ „Духонинымъ было рѣшено — говоритъ Масарикъ — что наше войско предполагается исключительно противъ нашего врага... Такъ былъ принятъ и подтвержденъ русскими же мой главный принципъ о невмѣшательствѣ. Такимъ образомъ мы достигли увѣренности, что во время партійныхъ споровъ и боевъ среди русскихъ, насъ не будутъ звать то одни, то другіе“ (I, 187). Большевицкій переворотъ формально не измѣнилъ положенія чехо-словацкаго корпуса. Большевицкій главковерхъ Муравьевъ обезпечилъ чехамъ „вооруженный нейтралитетъ“ и отъѣздъ изъ Россіи во Францію. „Такимъ образомъ — заключаетъ Масарикъ — большевицкая революція намъ не повредила“. (I, 220).

Дѣло оказалось болѣе сложнымъ съ момента отдѣленія Украины, признаннаго центральными державами. Оставаться на территоріи государства, которое заключило миръ съ Германіей и Австріей, чехо-словацкій корпусъ уже не могъ. Кромѣ того, президентъ Чехослов. Нац. Совѣта руководствовался и другими соображеніями какъ бы моральнаго свойства. Онъ самъ ихъ формулируетъ такъ по отношенію къ Украинѣ: „Войско было формировано съ со-

*) По нѣкоторымъ даннымъ къ концу войны въ Россіи насчитывалось до 200 тыс. плѣнныхъ чехо-словаковъ; Масарикъ исчисляетъ армію въ 92 т. Въ Сибири первоначальный чехо-словацкій корпусъ опредѣлялси въ 40 т. чел.

**) Повидимому, раньше проектировалось использованіе чехо-словацкаго корпуса въ Россіи. На военномъ совѣщаніи въ Яссахъ (ноябрь 1917) представителями союзниковъ обсуждался вопросъ о занятіи чехословаками областей между Дономъ и Бессарабіей. У Владимировой (220) имѣется ссылка на мнѣ неизвѣстную публикацію Черенскаго, посланнаго въ Румынію для защиты интересовъ чехо-словацкой арміи. Затѣмъ предполагался перевозъ войскъ въ Румынію, на что Масарикъ не соглашался (II, 190).

гласія Россіи, Россіи же нашъ солдатъ присягалъ въ вѣрности". Опасался проф. Масарикъ и за судьбу плѣнныхъ: „безъ Россіи же мы не могли попасть въ Сибирь, а оттуда во Францію". Согласно теоріи нейтралитета, Масарикъ отказался, несмотря на убѣжденія Корнилова, Алексѣева и Милюкова, выступить противъ большевиковъ. Надо сказать, что въ аргументаціи своей въ данномъ случаѣ авторъ не совсѣмъ послѣдователенъ, такъ какъ, помимо нейтралитета, выдвигаетъ и другіе мотивы и тѣмъ самымъ какъ бы допускаетъ возможность вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи при иной обстановкѣ. Двойственность такой позиціи оказала впослѣдствіи свое вліяніе въ Сибири.

Проф. Масарикъ отвергъ предложеніе потому: 1) что, по его мнѣнію, русскіе политики невѣрно оцѣнивали общее положеніе Россіи, и у него не было довѣрія къ ихъ руководству и къ ихъ организаціоннымъ способностямъ; 2) что корпусъ еще не былъ готовъ, и въ бояхъ у Кіева и Бахмача чехи убѣдились, что они слабы по сравненію съ нѣмцами, а чехи рисковали, что большевиковъ отъ нихъ будутъ защищать нѣмцы и австрійцы; 3) это выступленіе чеховъ было бы непонято русскимъ населеніемъ; 4) что къ чехамъ „сейчасъ же присоединились бы черносотенцы" (I, 213—14). Авторъ, впрочемъ, оговаривается: „будучи частью французской арміи*), мы естественно примѣнили бы

*) Во главѣ этой „французской" арміи стоялъ русскій генералъ Шокоровъ, а начальникомъ штаба былъ также русскій ген. Дитерихсъ, (повидимому, чехъ по происхожденію). Какъ ни корректны были эти „чешскіе добровольцы"—такъ охарактеризовалъ себя самъ Дитерихсъ Болдыреву, — неизбѣжно въ періодъ гражданской войны получалось весьма ложное положеніе какого-то „двоеподданства". Это сказывалось, какъ мы увидимъ, и на дѣлѣ. Съ другой стороны, совмѣстительство естественно влекло къ „вмѣшательству". Прочтите, напр., характерный приказъ № 1322-а 13 іюля кап. Степанова, командира 1-го Чешско-Словацкаго стрѣлковаго „Яна Гуса" полка: . . . „Безконечно любя Россію и видя ея грозное паденіе въ грязную вонючую и глубокую яму, я жестоко болѣлъ душой, но вотъ встали вы, мои искренніе, дорогіе братья. Вы, революціонно-творческой работѣ которыхъ въ теченіе года я отдавалъ всѣ свои познанія и всю свою душу на защиту попранныхъ правъ и свободъ, — и энергично зашевелила онѣмѣвшими членами родная страна. Если бы вы захотѣли отблагодарить меня за маленькую пользу, принесенную вашему дѣлу, то, собравшись всѣ вмѣстѣ и продумавъ тысячу лѣтъ, не придумали бы лучшей награды, чѣмъ ту, которую принесли моему истерзанному народу." („Бѣл. Дѣло", I, 92).

оружіе для защиты французовъ и всѣхъ остальныхъ союзниковъ, если бы на насъ было совершено нападеніе" (212). Допускалъ авторъ и прямую даже войну съ Россіей — „съ большевицкой Россіей, такъ какъ иной не было", но ее надо было оффиціально объявить: „я бы присоединился съ нашимъ корпусомъ къ арміи, которая была бы способна вести войну съ большевиками и нѣмцами и которая защищала бы демократію противъ большевиковъ" (216).

Я думаю, что читатель долженъ будетъ согласиться, что и въ построеніи проф. Масарика, къ сожалѣнію, имѣются черты нѣкоторой неопредѣленности и тѣхъ самыхъ роковыхъ противорѣчій, которыми отличалась вся тогдашняя политика союзниковъ въ отношеніи Россіи. Такимъ образомъ, отказавшись итти вмѣстѣ съ антибольшевицкими силами въ періодъ соглашательскаго съ большевиками этапа союзнической дипломатіи, чехо-словацкіе представители въ Россіи 20 марта окончательно завершили свои переговоры съ совѣтской властью о безпрепятственномъ проѣздѣ черезъ Сибирь во Владивостокъ. По мнѣнію Масарика, „при данныхъ обстоятельствахъ Сибирскій путь былъ самый вѣрный" (221).

Самъ Массарикъ 7 марта уѣхалъ на Западъ въ цѣляхъ содѣйствія перевозкѣ чехо-словацкихъ войскъ во Францію, оставивъ секретарю Отд. Нац. Сов. въ Россіи Клецанцѣ инструкцію: если дѣло дойдетъ до антибольшевицкаго возстанія, въ русскія дѣла не вмѣшиваться (223)*). Впрочемъ, одна оговорка въ видахъ „возможныхъ осложненій" дѣлается и здѣсь: „лишь тотъ славянскій народъ и та партія, которые открыто вступаютъ въ союзъ съ нашимъ непріятелемъ, являются нашими врагами" (II, 83).

* * *

„Нейтралитетъ" чехо-словацкихъ войскъ былъ разрушенъ самой жизнью. Чешскіе историки и политики склонны за это обвинять большевиковъ — напр., Папоушекъ, быв-

*) Въ интервью 10 апрѣля проф. Масарикъ высказался за необходимость признанія совѣтской власти de facto.

шій секретарь Масарика въ Россіи, опредѣленно заявляетъ, что если бы „не абсурдное нападеніе большевиковъ на чешскіе эшелоны, Россіи не пришлось бы пережить послѣдовавшіе грозные годы“ *). Большевицкіе историки всю вину возлагаютъ на чеховъ — вѣрнѣе — на дипломатію союзниковъ**). Въ данномъ случаѣ почти безспорно болѣе права совѣтская исторіографія — двойственность союзнической позиціи ставила въ двусмысленное положеніе чеховъ съ самаго начала и подвергала большому испытанію тотъ „вооруженный нейтралитетъ“, который теоретически хотѣлъ выдержать Масарикъ.

Соглашаясь на эвакуацію чехо-словаковъ, совѣтская власть потребовала частичнаго ихъ разоруженія, сохраняя вооруженіе, необходимое „для обороны противъ контръреволюціонеровъ“ (такая мотивировка имѣлась въ телеграммѣ Сталина 26 марта). Изданный въ Пензѣ приказъ 27 марта предписывалъ каждому эшелону оставить для своей охраны лишь одну вооруженную роту. Мѣстомъ разоруженія должна была быть Пенза. При недовѣріи къ большевикамъ пензенскій „договоръ“, по свидѣтельству Штейдлера, вызвалъ крайнее возмущеніе въ чешскихъ эшелонахъ***). Само по себѣ разоруженіе Масарикъ въ своихъ воспоминаніяхъ (равно и въ сообщеніи американскому токійскому посланнику) считаетъ вполнѣ естественнымъ процессомъ. Такимъ же второстепеннымъ вопросомъ считалъ вопросъ о сдачѣ оружія и французскій комиссаръ при Чехослов. Нац. Совѣтѣ, майоръ Верже, писавшій въ „Чехословацкомъ Дневникѣ“ (офиціозная газета при арміи): „Оружіе, которое вы имѣете, было вамъ дано Россіей, когда вы вступили въ ряды ея арміи. Эта армія теперь демобилизована. При самыхъ выгодныхъ условіяхъ вы бы сдавали оружіе во Владивостокѣ, но не забывайте, что

*) „Масарикъ и чехословацкое революціонное движеніе въ Россіи“. „Воля Россіи“, 1925, V, 177).

**) Напр. военный историкъ Какуринъ подчеркиваетъ, что сами чехи не склонны были принять активное участіе въ гражданской войнѣ. („Какъ сражалась революція“. I, 212).

***) Часть оружія была скрыта.

Франція вооружитъ васъ съ головы до ногъ, какъ только вы пріѣдете на французскую территорію".

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что продвиженіе эшелоновъ началось тогда, когда совѣтская власть чувствовала себя весьма нетвердо въ Сибири и организующаяся „контръреволюція" стала то тамъ, то здѣсь себя проявлять. Еще 10 марта президіумъ Центро-Сибири, опасаясь выступленія противъ власти, призналъ нежелательнымъ продвиженіе чехо-словаковъ и ходатайствовалъ передъ Совнаркомомъ о направленіи эшелоновъ на Архангельскъ („Хроника" 60). Это ходатайство до нѣкоторой степени совпадало съ тенденціей французской миссіи двигать чеховъ черезъ Архангельскъ (Масарикъ. II, 84)*). Впрочемъ, не одна только французская миссія выдвигала такой планъ. При возможности соглашенія съ большевиками на почвѣ единаго противонѣмецкаго фронта считалось не цѣлесообразнымъ движеніе на востокъ. Такъ Робинсъ телеграфируетъ Фрэнсису 29 марта: „Посылка этихъ войскъ кругомъ свѣта является безсмысленной тратой времени, денегъ и тоннажа". Такимъ образомъ, пріостановку продвиженія чехо-словаковъ въ апрѣлѣ нельзя отнести только на счетъ злой воли большевиковъ. Послѣ японскаго десанта совѣтская власть вдвойнѣ склонна была измѣнить маршрутъ, не довѣряя лойяльности чеховъ и „опасаясь захвата Сибирской жел. дор." (письмо Садуля Тома 21 мая)**). И охотно шла, какъ утверждаетъ Садуль, на эвакуацію черезъ Архангельскъ — если переброска фактически задерживалась то потому, что Троцкій не получалъ отвѣта относительно тоннажа. Затрудненіе якобы встрѣтили большевики и въ требованіи нѣмецкаго правительства о возвращеніи военноплѣнныхъ, въ силу чего 21 апрѣля Чичеринымъ было отдано распоряженіе о пріостановкѣ передвиженія чеховъ на востокъ.

Эвакуировавшіеся чехи ничего не знали о закулисныхъ проектахъ и разговорахъ... Большевикн опубликовали характерный документъ, вскрывавшій закулисную сторону.

---

*) Проф. Масарикъ не сочувствовалъ такому продвиженію, видя въ этомъ раздробленіе чешскихъ силъ.

**) Также „Центросибирцы" 16.

Это письмо чешскаго представителя Нац. Сов. въ Вологдѣ при союзникахъ — д-ра Страки, датированное 9 мая. Онъ описываетъ свой разговоръ съ Лелонгомъ, уполномоченнымъ ген. Лаверна, пріѣхавшимъ изъ Москвы. По словамъ послѣдняго, телеграмма Чичерина, на основаніи которой чешскіе эшелоны, находившіеся на западъ отъ Омска, направляются на Архангельскъ и Мурманъ, явилась „благодаря вліянію союзниковъ". На вопросъ Страки „можно ли намъ открыто передъ нашими войсками сказать, что направленіе на западъ опредѣлено союзниками, а не Россіей и почему?" онъ получилъ отвѣтъ: „Нѣтъ, это нельзя"... „Намѣренія союзниковъ — неизвѣстно посольствамъ, находящимся въ Иркутскѣ. Это извѣстно лишь 4—5 лицамъ и непремѣнно должно оставаться тайной: этого требуетъ интересъ самого вопроса и отъ этого можетъ зависѣть успѣхъ". (Владимирова, 224).

Вѣроятно, скрытность въ данномъ случаѣ объяснялась нежеланіемъ, чтобы нѣмцы узнали о направленіи эшелоновъ на сѣверъ, гдѣ проектировался союзническій десантъ, къ которому, очевидно, должны были присоединиться переправляемые во Францію чехо-словаки. Но на сибирскіе эшелоны пріостановка продвиженія произвела сильное впечатлѣніе. Въ ней видѣли нѣмецкую интригу. Къ тому же шла агитація чешскихъ коммунистовъ, сѣявшихъ слухи о томъ, что войска до Франціи не дойдутъ.

„Въ атмосферѣ, насыщенной взаимнымъ недовѣріемъ и подозрѣніями — пишетъ историкъ чехо-словацкой „легіи" въ Сибири — наши войска чувствовали себя очень плохо и среди нихъ начали раздаваться голоса, требующіе, чтобы продвиженіе на Владивостокъ было достигнуто болѣе радикальнымъ способомъ. Достаточно сослаться на резолюцію секретнаго совѣщанія начальниковъ отрядовъ первой чехословацкой дивизіи 13 апрѣля, извѣстной подъ именемъ Кирсановской резолюціи, которая была подана командиру корпуса... Но и во второй дивизіи, первые эшелоны которой были уже во Владивостокѣ, а другіе находились частью въ Сибири, а частью на Уралѣ, было такое же настроеніе. Тамъ были, главнымъ образомъ, офицеры 7-го полка, ка-

питаны Гайда и Кадлецъ, которые уже въ началѣ мая были убѣждены, что конфликтъ съ большевиками неизбѣженъ, и что дорогу во Владивостокъ придется пробивать съ оружіемъ. Поэтому на всякій случай старались обезпечить свои отряды; напримѣръ, капитанъ Гайда въ половинѣ мая неоффиціально вступилъ въ переговоры съ нѣкоторыми руководителями русскаго тайнаго антибольшевицкаго движенія въ Новониколаевскѣ". („В. С.". IV, 19—20).

На почвѣ общаго возбужденнаго настроенія 14 мая въ Челябинскѣ произошелъ инцидентъ, которому суждено было стать формальнымъ поводомъ къ вооруженному выступленію чеховъ. Инцидентъ состоялъ въ убійствѣ чехами мадьярскаго солдата, обвинявшагося въ пораненіи чеха. Челябинской слѣдственной комиссіей было арестовано нѣсколько чешскихъ офицеровъ, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ „контръ-революціонерами" (чешскіе источники говорятъ объ арестѣ депутаціи, посланной въ Совѣтъ)... Въ отвѣтъ, по распоряженію командира чешскаго эшелона Войцеховскаго, былъ занятъ вооруженными силами вокзалъ и предъявлено ультимативное требованіе объ освобожденіи арестованныхъ. Въ сущности, конфликтъ былъ улаженъ на этотъ разъ безъ кроваваго столкновонія. Но большевики, — утверждаетъ Штейдлеръ,—„воспользовались этимъ случаемъ, чтобы окончательно ликвидировать весь чехословацкій вопросъ".

21 мая были арестованы въ Москвѣ оба представителя Отдѣленія Чех.-Сл. Нац. Сов. Макса и Чермакъ „совершенно незаслуженно", такъ какъ вели себя лойяльно по отношенію совѣтской власти. Одновременно съ арестомъ было дано распоряжеиіе о полномъ разоруженіи и расформированіи чешскихъ эшелоновъ. (Телеграммы Троцкаго и Аралова). Чехо-словакамъ было предложено „организоваться въ рабочія артели по спеціальностямъ и вступить въ ряды Красной Арміи". Обѣ слишкомъ поспѣшныя телеграммы, объясняемыя свѣдѣніями, доходившими до большевиковъ, являлись крупной тактической ошибкой со стороны большевицкой власти, но едва-ли есть какое-нибудь основаніе предполагать здѣсь провокацію: выступленіе чехо-словаковъ

было не въ интересахъ большевиковъ. Послѣдніе такъ мало разсчитывали на возможность сопротивленія на Уралѣ, что даже эвакуировали золотой запасъ въ Казань, какъ наиболѣе безопасное мѣсто*).

„Лояльные“ Макса и Чермакъ, принимая всѣ условія Троцкаго, предписывали съ своей стороны, сдать все оружіе оффиціальнымъ представителямъ мѣстныхъ совѣтовъ, при чемъ объявляли, что „каждый, кто не выполнитъ этого приказа“ долженъ разсматриваться, какъ мятежникъ, и ставитъ себя внѣ „закона“. Отъ имени Масарика Макса заявилъ, что происшедшія недоразумѣнія въ Челябинскѣ ошибка чеховъ. Онъ требовалъ немедленнаго прекращенія всякаго рода выступленій, которыя препятствуютъ выполненію „національнаго дѣла“. Отмѣчая уступчивость Максы, Садуль вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ сомнѣніе, что чехи въ Сибири довѣрчиво отнесутся къ этимъ телеграммамъ... Тамъ настроеніе, какъ мы знаемъ, было уже иное. По словамъ Штейдлера, уступки, сдѣланныя совѣтской власти, вызвали большое возмущеніе и Отдѣленіе Нац. Совѣта въ силу проявленнаго оппортунизма потеряло авторитетъ въ войскахъ...**) Съѣздъ воинскихъ делегатовъ въ Челябинскѣ (16—20 мая) всталъ опредѣленно на точку зрѣнія неизбѣжности столкновенія и постановилъ, прекративъ дальнѣйшую сдачу оружія, двигаться „собственнымъ порядкомъ“ во Владивостокъ. Управленіе передвиженія было изъято изъ подъ руководства Отд. Нац. Сов. и передано особому исполнительному Комитету Съѣзда во главѣ съ командирами полковъ — Чечекъ, Гайда и Войцеховскій. Предсѣдателемъ Комитета былъ избранъ членъ Отд. Н. Сов. Б. Павлу.

Въ сущности, произошла маленькая внутренняя революція***). „Относительно внутреннихъ русскихъ дѣлъ оста-

*) Большевицкіе историки видятъ здѣсь ловкій шагъ эсъ-эровскихъ заговорщиковъ, проникшихъ въ правительственные органы и сумѣвшихъ устроить эвакуацію золота туда, гдѣ предполаголось поднять возстаніе.

**) Дрогомирецкій („Чехословаки въ Россіи“) даетъ другое объясненіе: „Чехословаки, конечно, поняли, подъ какимъ давленіемъ была составлена эта телеграмма, посмѣялись надъ ея содержаніемъ и отвѣтили, что они не признаютъ надъ собой власти ея авторовъ“. (57).

***) Подшиваловъ. „Гражданская борьба на Уралѣ“. 1917.

вался дѣйствительнымъ старый принципъ нейтралитета*) — подчеркиваетъ Штейдлеръ. Ясно, однако, что теперь это было фикціей. Чехи должны были столковаться съ антибольшевицкими силами, иначе имъ грозила бы опасность попасть вновь на положеніе военноплѣнныхъ и быть выданными Германіи... Съ этой стороны Масарикъ правъ, когда говоритъ: „наши бои въ Сибири не были интервенціей — только обороной“ (II, 82).

25 мая послѣдовала извѣстная грозная по содержанію телеграмма Троцкаго: „Всѣ совѣты на жел. дор. обязаны подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности разоружить чехословаковъ. Каждый чехословакъ, который будетъ найденъ вооруженнымъ на жел. дор. линіи долженъ быть разстрѣленъ на мѣстѣ, каждый эшелонъ, въ которомъ окажется хотя бы одинъ вооруженный, долженъ быть выброшенъ изъ вагона и заключенъ въ лагерь военноплѣнныхъ... Одновременно посылаются въ тылъ чехословацкимъ эшелонамъ надежныя силы, которымъ поручено проучить мятежниковъ... Ни одинъ вагонъ съ чехословаками не долженъ продвинуться на Востокъ...“

Большевицкіе отряды — говоритъ Штейдлеръ — „предательски“ напали на наши эшелоны... Во всякомъ случаѣ, начались повсемѣстныя выступленія чеховъ и сорганизовавшихся русскихъ антибольшевицкихъ силъ.

Сталкиваясь непосредственно съ организованными мадьярами, считая, что требованія разоруженія и остановки продвиженія на востокъ исходитъ отъ Мирбаха**), наши солдаты — пишетъ проф. Масарикъ — были убѣждены, что большевиковъ противъ насъ ведутъ нѣмцы... и что они воюютъ собственно противъ Германіи и Австріи“. Казалось, что „воскресшій чешско-русскій фронтъ является обновленіемъ борьбы съ нѣмцами и австрійцами“ (II. 83—84). Только

*) На первыхъ порахъ чешскіе руководители въ Сибири дѣйствительно строго держались завѣтовъ Масарика. Делегатъ Добровольческой Арміи въ Сибири, ген. Флугъ. тщетно пытался войти съ ними въ соглашеніе.

**) Это усиленно подчеркивалось чехами, какъ свидѣтельствуетъ рапортъ, представленный Мирбаху германскими делегатами, бывшими въ Пензѣ 29 мая и арестованными чехами. „Намъ заявили, что по имѣющимся

русскіе проявляли большій интересъ къ „противосовѣтскому фронту“, а чехи къ „противогерманскому“*).

Такимъ образомъ, въ Сибири взаимоотношенія опредѣлились достаточно ясно. Какъ заявили впослѣдствіи большевики въ воззваніи Комиссаріата Сов. Упр. Сибири отъ 1 августа; „40000 новыхъ иноземныхъ помѣщиковъ въ лицѣ чеховъ“ шли, чтобы „закабалить“ трудящихся Сибири, сдѣлать ихъ „рабами“ и „задушить революцію“. („Хр.“, прил. 42). Иностранная дипломатія въ Сибири все же удивлена конфликтомъ и принимаетъ „всѣ мѣры къ мирной его ликвидаціи“ (Штейдлеръ). Вступается за чеховъ и центръ.

4 іюня Садуль пишетъ**): „Вчера я снова подтверждалъ Троцкому, что французская военная миссія удивлена и обезкуражена борьбой, неожиданно возникшей между совѣтами и чехо-словаками“... Начинается какая то полная неразбериха. Садуль болѣе 100 разъ оффиціально говоритъ Троцкому отъ имени ген. Лаверна о желаніи Франціи ликвидировать конфликтъ въ Иркутсткѣ.

24 іюня между мирной делегаціей Центро-Сибири и чехословацкими эшелонами заключается даже договоръ, по которому на протяженіи всей Сибири устанавливается „общее перемиріе“. Предварительныя условія, какъ основа для мирныхъ переговоровъ, гласятъ: взаимное освобожденіе плѣнныхъ; отказъ чеховъ отъ всякой связи и содѣйствія политическимъ партіямъ и пр., борющимся противъ совѣтской власти; въ случаѣ ликвидаціи конфликта чехо-словацкія войска начинаютъ отправляться изъ Владивостока съ 1 іюля и т. д. („Хр.“ прил. 35). Въ концѣ того же іюня— говоритъ Штейдлеръ — чехо-словацкіе эшелоны получаютъ

въ ихъ штабѣ (т. е. въ штабѣ дивизіи кап. Чечека) даннымъ, предсѣдатель германской комиссіи военноплѣнныхъ лейт. Лессингъ руководитъ большевицкими отрядами и приказалъ германскимъ военноплѣннымъ принять участіе въ бояхъ большевиковъ съ чехами. Мы опровергаемъ это утвержденіе... На самомъ дѣлѣ въ борьбѣ на сторонѣ совѣтскаго правительсва приняли участіе только тѣ германскіе и австрійскіе военноплѣнные, которые состояли въ красной гвардіи и были нами исключены изъ списковъ военноплѣнныхъ“. (Bothmer. „Mit. graf. Mirbach in Moskau“. Tubingen 1922).

*) Prikryl. „Sibirska drama“. 1929. Прага.

**) „Quarante lettres“ 82.

„полуоффиціальное“ сообщеніе, что Антанта одобряетъ выступленіе, и что союзники придутъ къ нимъ на помощь (Штейдлеръ). Очевидно, Штейдлеръ имѣетъ въ виду заявленіе представителя французской военной миссіи въ Сибири майора Гинэ. Онъ обратился къ чехо-словацкимъ войскамъ съ такимъ воззваніемъ: „На здаръ братья! Вчера я былъ счастливъ сообщить временному исполнительному комитету чехо-сл. арміи великую новость: шифрованную телеграмму отъ французскаго посланника, доставленную мнѣ спеціальнымъ курьеромъ и содержащую извѣщеніе о выступленіи союзниковъ въ Россіи. Къ великому своему удовольствію, я уполномоченъ передать чехо-словацкимъ частямъ въ Россіи за ихъ выступленіе благодарность союзниковъ“*)... Садуль, 13 и 16 іюля, комментируя этотъ документъ, утверждаетъ, что генералъ Лавернъ отрицаетъ его аутентичность, и что Гренаръ оффиціально долженъ его опровергнуть. (Ib. 94, 98). Садуль правъ: параллельно ведутся двѣ политики, взаимно другъ друга исключающія.

* * *

Вся эта дѣйствительность могла бы быть цѣлесообразна въ томъ случаѣ, если бы опредѣленно принятое рѣшеніе итти съ антибольшевицкими русскими силами диктовало выжидательную тактику съ цѣлью помочь сорганизоваться въ крайне ненормальныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, о которыхъ говоритъ Фрэнсисъ въ своей „исповѣди“ (такъ называетъ Левидовъ страницы въ воспоминаніяхъ американскаго посла, обосновывавшія необходимость выступленія союзниковъ въ Россіи). Этого опредѣленнаго, окончательнаго оффиціальнаго рѣшенія еще не было. Отсюда „ложнымъ“ считаетъ Штейдлеръ утвержденіе большевиковъ, что планъ чехо-словацкаго выступленія былъ заранѣе подготовленъ (В. С. IV, 26). Это — версія чешскихъ коммунистовъ, относившихъ въ своемъ органѣ „Прокопникъ Свободы“ (27 іюня) соглашеніе уже къ марту мѣсяцу. То же утверждалъ работавшій въ военной миссіи французскій ком-

*) Чех.-Сл. Ди. № 108; „Заря“ № 13. Владимирова 227.

мунистъ Паскаль на московскомъ эсъ-эровскомъ процессѣ (Владимирова. 215).

Большевицкіе историки усиленно цитируютъ сообщеніе о яко-бы бывшемъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ совѣщаніи во французской миссіи при участіи русскихъ военныхъ о созданіи противогерманскаго фронта и использованіи чеховъ. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ совѣщаніи находятся въ книгѣ Парфенова.

„Въ апрѣлѣ — пишетъ Парфеновъ — центральному*) штабу стало извѣстно, что въ Москвѣ, въ связи съ прибытіемъ изъ Парижа представителя французскаго генеральнаго штаба, полковника Корбейль, начальникомъ французской военной миссіи генераломъ Лавернъ и англійской — генераломъ Локкартъ, съ участіемъ представителей русской академіи генеральнаго штаба, полковника Сыромятникова и генерала Иностранцева, разрабатывается планъ низверженія Совѣтской власти и возобновленія противогерманскаго фронта на территоріи Россіи.

Для координированія дѣйствій и информаціи о положеніи дѣла въ Сибири 12 апрѣля въ Москву былъ посланъ представитель центральнаго штаба, капитанъ Коншинъ, который съ документами представителя союза сибирскихъ кооперативныхъ союзовъ „Закупсбытъ“, совершенно свободно доѣхалъ до Москвы, принималъ участіе въ контръ-революціонномъ совѣщаніи въ стѣнахъ французской военной миссіи и такъ же свободно возвращался въ Ново-Николаевскъ.

На этомъ московскомъ совѣщаніи рѣшено было, что чехо-словація войска, эвакуируемыя на Дальній Востокъ съ согласія Совѣта Нар. Комиссаровъ, постепенно займутъ наиболѣе стратегическіе опорные пункты Уссурійской, Сибирской и Уральской жел. дороги и, координируя свои дѣйствія съ нелегальными контръ-революціонными организаціями, выступятъ противъ Совѣтской власти. За эту „услугу“ англійское и французское правительства обязывались помочь отдѣленію чехо-словаковъ отъ Австро-Венгріи и признать будущую Чехо-словацкую самостоятельную

*) Сибирскому — объ этомъ см. слѣдующую главу.

республику и въ дальнѣйшемъ выплачивать содержаніе чехо-словацкимъ войскамъ. При чемъ, учитывая настроеніе чехо-словацкихъ войскъ, имѣлось въ виду „убѣдить“ военнаго и морского комиссара Совѣтской республики, Л. Троцкаго, „разоружить“ чехо-словаковъ, что должно было послужить сигналомъ и быть оправданіемъ въ глазахъ послѣднихъ факта ихъ противо-совѣтскаго выступленія“. (19—20).

Въ исторіи гражданской войны еще столько неясныхъ и загадочныхъ страницъ, что пока нѣтъ возможности отдѣлить въ этомъ разсказѣ истину отъ вымысла. Невѣроятнаго ничего въ немъ нѣтъ*). Надо помнить, что отдѣльные представители союзниковъ въ Россіи, оторванные отъ центра, вели, часто вынуждено, свою самостоятельную линію, создавали и осуществяли свои планы, иногда совпадавшіе, а иногда и расходившіеся съ предложеніями другихъ представителей: расхожденіе было не только между дипломатическими вѣдомствами и военными миссіями, что въ своихъ письмахъ отмѣчаетъ Садуль въ отношеніи Франціи — „расхожденіе“ было между отдѣльными лицами. Поэтому и завѣренія, и обѣщанія и дѣйствія такъ часто бывали и неопредѣленны и противорѣчивы.

* * *

Въ іюнѣ какъ будто бы нѣтъ уже сомнѣній въ томъ, что союзники фактически поддерживаютъ противобольшевицкій фронтъ. Въ разныхъ русскихъ общественныхъ кругахъ совмѣстно съ отдѣльными представителями союзниковъ обсуждается планъ дѣйствій. Эти переговоры болѣе или менѣе подробно описаны дѣятелями „Праваго“ и „Національнаго Центровъ“ и „Союза Возрожденія“; о нихъ разсказано на московскомъ процессѣ эсъ-эровъ и самими подсудимыми и свидѣтелями изъ бывшихъ соратниковъ иностранныхъ миссій; они изложены въ показаніяхъ Савин-

*) По наведеннымъ мною справкамъ, ген. Иностранцевъ во всякомъ случаѣ отрицаетъ свое присутствіе на такомъ собраніи.

кова. Мы не можемъ на нихъ останавливаться*). Это будетъ уже другая тема, требующая особаго, прежде всего критическаго детальнаго разсмотрѣнія—столько здѣсь контроверсовъ и искажающихъ дѣйствительность тенденціозныхъ показаній. Нѣтъ фактовъ, на которые неоспоримо можно бы было опереться. Представители союзниковъ совершаютъ „соглашенія“, о которыхъ въ центрѣ не знаютъ. Всѣ конспирируютъ—конспирируютъ другъ отъ друга, участвуютъ на свой страхъ и рискъ въ отдѣльныхъ „заговорахъ“, имѣющихъ уже опредѣленную цѣль низверженія существующей власти.

На какіе общественные круги можно было опереться? Если Пишонъ изъ Сибири рекомендовалъ обосноваться на лѣвыхъ государственныхъ элементахъ**), то въ Парижѣ склонны считать, что для Россіи пріемлема только монархія. Пожалуй, такая же точка зрѣнія начинаетъ господствовать и въ средѣ англійскаго правительства. По крайней мѣрѣ Гавронскій, послѣ одной отвѣтственной бесѣды, сообщаетъ Чайковскому 11 сентября***): „Англійское правительство считаетъ необходимымъ опереться на монархистовъ, такъ какъ почти вся кадетская партія, въ которой произошелъ сдвигъ направо, состоитъ изъ монархистовъ“... Она считаетъ не существеннымъ, если „прндется организовать сопротивленіе Германіи въ Россіи, опираясь на монархію, такъ какъ Германія будетъ окончательно побита, а не опираясь на германскую реакцію, русская реакція не страшна, въ концѣ концовъ она исчезнетъ сама собой„... „Юридически,—добавляетъ интервьюверъ,—англичане признаютъ только то правительство, которое будетъ санкціонировано Уч. Собр.“ Но умѣренно правые (терминъ Гурко) элементы отталкиваютъ своей несвоевременной нѣмецкой

---

*) Всѣ эти данныя суммированы въ книгѣ Владимировой.

**) Пишонъ указываетъ, что организующимъ началомъ при интервенціи могли бы служить кооперативы (34).

***) Бумаги Чайковскаго въ Пражск. Архивѣ. Ср. письмо А. Ф. Керенскаго, приведенное мною въ работѣ о Чайковскомъ: „Извѣстія о переходѣ консервативныхъ и даже либеральныхъ во главѣ съ Милюковымъ группъ на на сторону Германіи вызвали, видимо, у французской и англійской дипломатіи стремленіе перехватить ускользающую силу на свою сторноу“ (57).

„оріентаціей". И ставка дѣлается на всѣхъ. Нельзя обвинять за это представителей иностранной дипломатіи. Какъ было разобраться въ русской общественной мѣшаниннѣ? Гдѣ и у кого были гарантіи на успѣхъ? Это была игра со многими неизвѣстными. Но вотъ въ чемъ была ошибка дипломатіи — если хотите, ея преступленіе. Русская антибольшевицкая общественность, конечно, не была въ то время достаточно освѣдомлена о закулисной „интригѣ", въ которой, какъ мы видимъ, немаловажную роль сыграли и большевики. О двойной бухгалтеріи союзниковъ при созиданіи восточнаго фронта, вѣроятно, очень немногіе имѣли весьма отдаленное представленіе. И когда иностранные дипломаты увѣряли о близости „интервенціи", уже въ антибольшевицкомъ „аспектѣ", мы имъ вѣрили и на этомъ основаніи создавали свои построенія*). Происходила вольная и невольная „провокація", вызывавшая преждевременныя самостоятельныя выступленія русскихъ организацій внѣ связи съ общимъ планомъ.

* * *

Мнѣ кажется нѣчто аналогичное произошло и съ чехо-словацкимъ выступленіемъ. Самый же фактъ выступленія ребромъ поставилъ вопросъ объ интервенціи въ общественномъ мнѣніи союзныхъ державъ. Именно съ іюня начинается новая газетная кампанія за интервенцію: даже итальянская „Корьере делла Сера" 2 іюня требуетъ прекращенія политики пассивности по отношенію къ русскому вопросу и заявляетъ, что „молчаливая оппозиція, зародившаяся въ тылу большевицкаго террора, должна быть всячески поддержана".

Въ связи съ чехословацкимъ возстаніемъ „военная сторона интервенціи рѣзко измѣнилась — пишетъ 1 іюня „Манчестеръ Гардіанъ", бывшая противница интервенціи—

*) Савинковъ въ своихъ показаніяхъ утверждалъ, что черезъ Гренара ему была прислана телеграмма Нуланса, въ которой „категорически" подтверждалось, что „дессантъ высадится между 5—10 іюля" и указывалось о необходимости начать въ то именно время возстаніе на верхней Волгѣ.

рѣчь идетъ о томъ, чтобы придти въ соприкосновеніе съ чехо-словаками и сдѣлать ихъ ядромъ для новой арміи, могущей сражаться противъ Германіи и возсоздать Россію". „Нѣтъ никакого другого пути, кромѣ посылки въ Россію союзныхъ войскъ въ достаточномъ количествѣ — утверждаетъ 2 іюля „Дейли Кроникль" — чтобы они могли служить ядромъ для всѣхъ тѣхъ силъ Россіи, которыя стремятся къ возстановленію независимости". Органъ Клемансо— „Омъ Либръ" — заявляетъ 1 іюля, что исторія Россіи приближается къ поворотному пункту и требуетъ отъ союзниковъ не упускать момента. Левидовъ дѣлаетъ характерное сопоставленіе, отмѣчая, что въ это самое время, 1 іюля, Сесиль въ парламентѣ говоритъ: „Если совѣтское правительство обратится съ просьбой союзной морской или военной помощи для защиты русской территоріи противъ Германіи, то это предложеніе получитъ дружеское разсмотрѣніе". Но это уже лишь запоздалые отзвуки прошлаго. Нѣкоторый внѣшній флеръ — и только. Достаточно ясно ставила вопросъ Вашингтонская декларація Чехословацкаго Нац. Совѣта 28 іюля. Отмѣчая колоссальныя стратегическія возможности и приводя мнѣніе вождей чехо-словацкихъ силъ въ Россіи о желательности возстановленія русско-германскаго фронта, декларація спрашивала: „длжны ли мы отправляться во Францію или сражаться въ Россіи"... „Массарикъ тогда далъ инструкцію—продолжаетъ декларація—чехословакамъ, находящимся въ Сибири, пока остаться тамъ. Но вопросъ о пребываніи или объ уходѣ изъ Россіи зависитъ не отъ однихъ чехословаковъ. Это должно быть рѣшено союзниками, ибо чехословацкая армія является одной изъ союзныхъ армій и находится подъ командованіемъ Версальскаго военнаго совѣта. Безусловно чехо-словаки желаютъ избѣгнуть участія въ гражданской войнѣ въ Россіи, но въ то же время они понимаютъ, что они могутъ оказать, оставась здѣсь, гораздо большія услуги, нежели если они будутъ перевезены во Францію. Они предоставляютъ себя въ распоряженіе верховнаго союзнаго Совѣта".

Выступленіе чехо-словаковъ въ Сибири, по словамъ

Масарика, произвело „удивительное, можно сказать, невѣроятное“ впечатлѣніе въ Америкѣ. „Наша Армія въ Россіи и въ Сибири стала предметомъ всеобщаго интереса... Анабазисъ нашихъ русскихъ легіоновъ дѣйствовалъ не только на широкіе круги, но и на круги политическіе... все это представлялось въ видѣ чуда или сказки“. (II, 78).

„Въ Америкѣ поднялись голоса за интервенцію“—отмѣчаетъ нью-іоркскій корреспондентъ „Дейли Кроникль“.

„Положеніе въ Сибири заставляетъ Соед. Штаты предпринять шаги для помощи ей противъ нѣмцевъ. Соед. Штаты должны предложить чехо-словакамъ, полякамъ и другимъ народностямъ въ Россіи сражаться за свою свободу“ — заявляетъ 20 іюля сенаторъ Люисъ въ сенатѣ.

Такое же впечатлѣніе было и въ Европѣ. Л. Джорджъ привѣтствовалъ президента Чехос. Нац. Комитета въ Парижѣ „по поводу блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ чехословацкими войсками надъ нѣмецкой и австрійской арміями въ Сибири“. „Вашъ народъ — заканчиваетъ Л. Джорджъ — оказалъ неоцѣнимую услугу Россіи и союзникамъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе міра отъ деспотизма“ (Масарикъ. II, 79).

Чехословаки—говорилось въ декларації Бальфура отъ 9 августа о признаніи правъ чехословаковъ на государственную самостоятельность — задерживаютъ „нѣмецкое вторженіе въ Россію и Сибирь“.

Склонился наконецъ къ интервенціи и Вильсонъ, который, по словамъ американскаго журналиста Кольарда, „задерживалъ интервенцію въ теченіе шести мѣсяцевъ“,—согласился потому, что интервенція стала „неизбѣжна“. (Незадолго передъ этимъ потерпѣла неудачу миссія Бергсона, отправленнаго по иниціативѣ Клемансо въ Вашингтонъ для зашиты передъ Вильсономъ идеи необходимости созданія восточнаго фронта). Вѣсы перетянула чехословацкая акція въ Сибири*). Въ оффиціальномъ заявленіи вашингтонскаго

*) Несомнѣнно, на устраненіе нѣкоторой предвзятости къ интервенціи со стороны западно-европейскаго демократическаго общественнаго мнѣнія, съ которымъ правительствамъ Антанты приходилось сильно считаться, повліяли и лѣтнія выступленія Керенскаго, прибывшаго въ Европу со спе-

правительства, опубликованномъ 3 августа, было сказано, что правительство Соед. Штатовъ считаетъ допустимыми военныя дѣйствія въ Россіи „лишь въ цѣляхъ оказанія помощи чехо-словакамъ противъ нападающихъ на нихъ вооруженныхъ австрійскихъ и германскихъ военноплѣнныхъ— и помощи стремленіямъ къ самостоятельности и самозащитѣ, насколько сами русскіе захотятъ принять такую помощь". Какъ видимъ, насколько былъ ясенъ первый тезисъ, настолько туманенъ второй.

„Интервенція" рѣшена и главнымъ образомъ для помощи чехамъ: „правительство Соед. Штатовъ — гласила японская декларація 2 августа — недавно обратилось къ японскому правительству съ предложеніемъ скорѣйшей посылки войскъ, дабы облегчить давленіе, оказываемое на чехо-словацкія силы... Принимая это рѣшеніе, японское правительство... вновь подтверждаетъ свою неизмѣнную политику уваженія территоріальной цѣлости Россіи и воздержанія отъ всякаго вмѣшательства въ ея внутреннюю политику *).

Фактическимъ окончательнымъ разрывомъ съ большевиками явился отъѣздъ пословъ изъ Вологды, послѣдовавшій 25 іюля. Совѣтская власть пыталась противодѣйствовать этому отъѣзду, для чего въ Вологду пріѣзжалъ

ціальной миссіей пропаганды отъ московскаго „Союза Возрожденія" (см. книгу о Чайковскомъ). По поводу рѣчи Керенскаго на рабочей конференціи — рѣчи, по словамъ Набокова (227), „произведшей очень сильное впечатлѣніе", „Дейли Кроникль" писала ...„мы видимъ, общая программа Керенскаго о дѣятельности союзниковъ въ русскомъ вопросѣ близко совпадаетъ съ той программой, которую столь долгое время выставляли мы". Радикальная „Дейли Ньюсъ" заявляетъ: „Рѣчь Керенскаго явилась призывомъ къ союзной интервенціи въ Россіи". См. статьи „Таймса и др. (Левидовъ. 147). Самъ Керенскій говоритъ, что къ моменту его пріѣзда Лондонъ и Парижъ уже совершенно опредѣлили линію своего поведенія къ Россіи („Издалека". 131).

Такъ было, быть можетъ, въ теоріи, но не на практикѣ. Керенскій, желавшій выѣхать въ Россію, получилъ отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что содѣйствіе Англіи въ данномъ случаѣ противорѣчило бы „рѣшенію англійскаго правительства не вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи". Надо сказать, что это было уже въ августѣ. Керенскому не довѣряли, пребываніе его въ Россіи считали вреднымъ и, быть можетъ, въ отвѣтѣ заключалась просто неудачно формулированная бюрократическая отписка.

*) Декларацiи всѣхъ правительствъ союзнической орiентацiи и другiе оффицiальные документы имѣются въ приложенiи къ русскому изданiю доклада Пишона.

Радекъ*). Поворотъ политики уже совершился, и скоро „муромскій эпизодъ“ изъ интервенціи при содѣйствіи совѣтской власти превратился въ интервенцію противъ нея... Большевики вынуждены будутъ теперь повернуться къ нѣмцамъ— замѣтилъ Садуль...

* * *

Таковы факты, и на нихъ нельзя не обратить вниманія. Можетъ быть, теперь станутъ болѣе понятны слова адм. Колчака на допросѣ во время иркутскаго слѣдствія: „самая цѣль и характеръ интервенціи носили глубоко оскорбительный характеръ — это не было помощью Россіи, все это выставлялось, какъ помощь чехамъ, ихъ благополучному возвращенію, и въ связи съ этимъ все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характеръ для русскихъ“ (Допросъ. 145).

Національная Россія — ея сознательныя силы — имѣла полное право противопоставлять себя совѣтской или вѣрнѣе захватнической большевицкой власти, дѣйствовавшей подъ интернаціональнымъ лозунгомъ. Но только въ августовскомъ заявленіи британскаго правительства за подписью Бальфура она въ сущности могла увидѣть прямое обращеніе къ себѣ: „Ваши союзники не забыли о васъ: мы помнимъ о тѣхъ услугахъ, которыя были оказаны вашими геройскими арміями въ первые годы войны, и мы приходимъ, какъ друзья, къ вамъ на помощь, чтобы спасти васъ отъ раздробленія и разрушенія отъ рукъ Германіи... Мы сожалѣемъ о раздѣляющей васъ гражданской войнѣ и о внутреннихъ вашихъ несогласіяхъ, облегчающихъ осуществленіе германскихъ завоевательныхъ плановъ, но мы не имѣемъ намѣренія навязывать Россіи какой либо политическій строй. Судьбы Россіи находятся въ рукахъ самого русскаго народа... Народы Россіи, объединяйтесь съ нами для защиты вашихъ свободъ. Нашимъ единственнымъ желаніемъ является видѣть Россію сильной и свободной, а затѣмъ отстра-

*) Октябрьская революція передъ судомъ американскихъ сенаторовъ. Показанія Фрэнсиса. М. 1927. 155).

ниться и предоставить русскому народу выковать свою судьбу въ согласіи съ свободно выраженной волей народа".

Интервенція, рѣшенная, оставалась, однако, неопредѣленной и пассивной. Она скоро глубоко разочаровала чехословаковъ въ Россіи. Дѣйствія союзниковъ — пусть вынуждено—не пріобрѣтали достаточно осязательныхъ формъ. Самочувствія оказавшихся на Волгѣ и въ Сибири эшелоновъ не могло удовлетворить сознаніе, что даже французскіе соціалисты голосовали за бюджетъ на союзныя чешскія войска въ Сибири (изъ позднѣйшей рѣчи военнаго министра Штефаника). Ждали болѣе реальной помощи. Сказочная, по выраженію Милюкова, армія у Вологды, о которой говорилъ Гинэ, не появлялась, (II, 84); не приближался и десантъ съ Востока. И совершенно невольно въ сознаніи чехо-словацкихъ вождей въ Сибири ихъ выступленіе стало пріобрѣтать иной характеръ, чѣмъ тотъ, который пытались ему придать на первыхъ порахъ. Единственной цѣлью становилось созданіе опорной базы для русскихъ, борящихся за освобожденіе своей страны. Если декларація высокаго комиссара французскаго правительства въ Сибири, 10 сентября, еще говорила, что „непосредственной причиной" выступленія явилась необходимость оказать помощь чехо-словакамъ, которые слѣдовали черезъ Россію съ „единственной цѣлью" отправиться сражаться съ нѣмцами на западномъ фронтѣ, „никоимъ образомъ не вмѣшиваяся во внутреннюю политику страны, но были преданы большевиками, нарушившими соглашеніе и атакованы вооруженными германо-австрійскими плѣнными", то сами руководители чехо-словацкихъ легій, разочарованные въ помощи союзниковъ послѣ тяжелой борьбы на Волгѣ, въ своемъ обращеніи къ русскому обществу въ Самарѣ 15 сентября говорили уже о сверхчеловѣческихъ усиліяхъ, которыя употребили чехо-словаки, чтобы дать возможность русскому народу сорганизоваться. Политическіе руководители „легій" жаловались, что не встрѣтили той поддержки и того пониманія, на которыя они вправѣ были разсчитывать, когда рѣшились протянуть русскому народу безкорыстно братскую руку.

Психологически новая точка зрѣнія была понятна, но она въ значительной степени противорѣчила фактамъ.

И насколько было бы цѣлесообразнѣе, если бы основная задача была съ самаго начала ясно поставлена. Въ дѣйствительности истекшіе 9 мѣсяцевъ подготовки „интервенціи“ для союзниковъ были временемъ колебаній и противорѣчій, для чеховъ — компромисса, для большевиковъ и нѣмцевъ — двойной игрой. Опредѣленна была лишь позиція тѣхъ русскихъ общественныхъ силъ, которыя концентрировались на Волгѣ и въ Сибири для борьбы съ большевиками*). Въ одномъ отношеніи онѣ были единодушны — онѣ безотговорочно стояли на почвѣ созданія противогерманскаго и противобольшевицкаго фронта при помощи союзниковъ**) и тѣхъ чешскихъ эшелоновъ, которые логика исторіи повернула съ востока на западъ (Голечекъ). Эта логика исторіи, мнѣ кажется, можетъ быть выражена словами проф. Масарика, сказавшаго въ маѣ 1917 г. въ Петроградѣ: безъ Россіи „чешская независимость лишается необходимой опоры“.

---

*) Надо ли дѣлать оговорку, что я, говоря о восточномъ фронтѣ, не касаюсь въ данномъ случаѣ тѣхъ, кто дѣйствовалъ въ рядахъ Добровольческой Арміи на Югѣ?

**) Въ Сибири по разному, конечно, опредѣлялись предѣлы возможной интервенціи. Напр., Будбергъ въ дневникѣ идетъ очень далеко: „Нужна открытая и честная дѣловая сдѣлка, а не полужульническія съ обѣихъ сторонъ фигли-мигли“ — говоритъ онъ на своемъ образномъ языкѣ. „Нужно откровенно сознаться, что возстановленіе порядка и возобновленіе государственнаго аппарата среди распустившихся массъ требуетъ наличія силы... а такъ какъ своей силы нѣтъ, то и приходится просить временной помощи союзниковъ. Нужно сказать правду“ (XIII, 224).

ГЛАВА II.

Освобожденіе Сибири.

1. СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ.

„Боевыя усилія нашихъ войскъ, направленныя къ занятію магистрали съ цѣлью эвакуаціи къ морю, сопровождались затѣмъ другими событіями, — пишетъ д-ръ Штейдлеръ въ очеркѣ „Выступленіе чехословаковъ въ Россіи 1918 г.“ *) — которыя были исторически важнѣе“. „Наши побѣды въ маѣ и іюнѣ одновременно стали импульсомъ къ мѣстнымъ антибольшевицкимъ переворотамъ, производимымъ русскими антибольшевиками подъ руководствомъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые, впрочемъ, давно, до нашего выступленія и независимо отъ него готовились къ перевороту. Выступленіемъ нашихъ войскъ этотъ переворотъ былъ только ускоренъ и, конечно, облегченъ... Наскоро сформированные имъ отряды русскихъ добровольцевъ приняли участіе въ бояхъ нашихъ войскъ съ большевиками. И надо признать, что явно антибольшевицкое и чехофильское настроеніе населенія значительно помогало нашимъ военнымъ успѣхамъ. Цѣнную помощь оказали особенно русскіе офицеры, казаки, студенты и остальные добровольцы (глав. обр. въ позднѣйшихъ бояхъ) и желѣзнодорожники, безъ участія которыхъ было бы, при нашемъ наступленіи, невозможнымъ продвиженіе поѣздовъ“.

*) „Вольн. Сиб.“, № IV, 25. Штейдлеръ—авторъ спеціальной работы „Cëskoslovenské hnúti na Rusi“ („Чехословацкое движеніе въ Россіи“). Въ серіи „Памятники войны“. Прага 1922.

Въ изложеніе это, пожалуй, надо внести нѣсколько поправокъ, посколько дѣло касается Сибири. Здѣсь часто иниціатива выступленія принадлежала русскимъ — далеко не всегда „подъ руководствомъ соціалъ-революціонеровъ“, и чехо-словаки играли лишь вспомогательную роль.

* * *

Сибирь вообще была нѣсколько въ иномъ положеніи, чѣмъ европейская Россія. Ноябрьскія событія, т. е. большевицкій переворотъ, разыгрывались съ опозданіемъ и растянулись на три мѣсяца (съ ноября по февраль): въ Томскѣ. напр., совѣтская власть пришла лишь въ мартѣ. Самъ переворотъ носилъ нѣсколько специфическій характеръ. Достаточно сказать, что на Уралѣ большевики выступали подъ флагомъ Учредительнаго Собранія и демократической республики*). Большевицкій историкъ Парфеновъ долженъ признать, что до октябрьскихъ дней въ Сибири, за исключеніемъ Енисейской губ., „не было почти ни одного Совѣта, который бы стоялъ активно и цѣликомъ на платформѣ октябрьской революціи“ (7). Въ совѣтахъ настолько сильно было антигерманское настроеніе, что второй всесибирскій съѣздъ совѣтовъ 8 февраля заявилъ отъ имени „сибирской совѣтской республики“, что онъ „не считаетъ себя связаннымъ съ мирнымъ договоромъ, если таковой заключенъ Сов. Нар. Ком. съ германскимъ правительствомъ“. („Хроника“. Прил. 19).

Эта мѣстная обстановка придала на первыхъ порахъ и особый колоритъ борьбѣ, которую вела такъ называемая революціонная демократія съ захватчиками государственной власти. Хотя головка сибирской компартіи съ самаго начала превозгласила: „да здравствуетъ граждаская война“**), въ лѣвыхъ общественныхъ кругахъ Сибири была популярна роковая концепція общесоціалистическаго фронта, т. е. стремленіе такъ или иначе договориться съ

---

*) См. выше цитированную работу Подшивалова (57).

**) Шумяцкій. „Сибирь на путяхъ къ октябрю“. 1927 г. стр. 12.

большевиками*). Едва ли не этимъ слѣдуетъ объяснить то, что переходъ власти къ совѣтамъ произошелъ повсюду безкровно — за исключеніемъ Омска и Иркутска, гдѣ были выступленія юнкеровъ и прапорщическихъ школъ, впрочемъ, не связанныя непосредственно съ захватомъ власти большевиками**). Чрезвычайно характерно иркутское возстаніе — бой, такъ сказать, впустую. Желая во что бы то ни стало избѣжать ужасовъ гражданской войны, представители партій с.-р. и с.-д. въ объединенномъ засѣданіи совѣтовъ предложили большевикамъ образовать органъ власти изъ представителей всей „революціонной демократіи". Большевики согласились, но тѣмъ не менѣе создали свой Военно-Рев. Комитетъ. Тогда „объединенная демократія", съ своей стороны, создала „комитетъ защиты революціи", заявивъ 10 декабря, что она признаетъ высшимъ органомъ власти въ Сибири лишь временное сибирское правительство, долженствовавшее быть избраннымъ на происходившемъ въ Томскѣ Чрезвычайномъ Сибирскомъ областномъ съѣздѣ. Комитетъ призвалъ офицеровъ и юнкеровъ выступить противъ захватчиковъ власти. Въ организованный штабъ вошли: полковники Ивановъ-Риновъ, Скипетровъ, Никитинъ и нѣкоторые эсъ-эры, между прочимъ членъ Ц. К. партіи Тимофѣевъ. (Обратимъ вниманіе на эти имена!). Восемъ дней шелъ бой въ Иркутскѣ (убитыхъ и раненыхъ насчитывалось до 1000 человѣкъ) и закончился — не безъ посредства читинцевъ, пытавшихся примирить „оба крыла демократіи", — мирнымъ договоромъ 20 декабря, создавшимъ коалиціонную власть отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ***)... Военные представители штаба бѣжали... Большевики послѣдовательно и настойчиво проводили свою собственную политику, а всѣ остальные без-

*) О пресловутой формулѣ организаціи государственной власти по принципу отъ нар.-соц. до большевиковъ, выдвинутой въ октябрьскіе дни, см. мою книгу „Чайковскій", глава II „Большевики и октябрьскій переворотъ."

**) Кромѣ Шумяцкаго о выступленіи въ Омскѣ см. М. Басовъ, „Къ исторіи юнкерскихъ возстаній въ Сибири" „Сиб. Огни" 1922, 4.

***) Управляющій французскимъ консульскимъ агентствомъ въ Иркутскѣ, Жандро, упоминаетъ о посредничествѣ иностранныхъ представителей. (Донесеніе его 23 декабря. „Кр. Ар." XXXIV, 133.

плодно старались создать въ Сибири соціалистическую коалиціонную власть — ею послѣ октябрьскаго переворота должна была явиться Сибирская Областная Дума.

* * *

Еще въ дни Временнаго Правительства началась въ Сибири работа по организаціи мѣстной областной власти. Происходившее въ августѣ въ Томскѣ „народное собраніе" постановило созвать общесибирскій съѣздъ для разработки основныхъ положеній областного самоопредѣленія Сибири, подлежавшихъ утвержденію Учр. Собранія. Первый съѣздъ 8-17 октября декларировалъ автономное устройство Сибири. На основаніи этого 9 декабря собрался чрезвычайный общесибирскій съѣздъ. Прибыло 155 делегатовъ*). Признавъ единственнымъ источникомъ государственной власти Учр. Собраніе, Съѣздъ постановилъ: „временно создать во имя спасенія Сибири общесибирскую соціалистическую, отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно, съ представительствомъ отъ національностей, власть въ лицѣ Сибирской Областной Думы и Областного Совѣта, отвѣтственнаго передъ Областной Думой". Контролирующій и законодательный органъ, т. е. Дума, долженъ „состоять исключительно изъ представителей демократіи, безъ участія цензовыхъ элементовъ". Власть исполнительная также должна быть соціалистической, при чемъ въ составъ органа ея могутъ войти и большевики, если „принимаютъ платформу настоящаго съѣзда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ Всер. Учр. Собр. и за областное народоправство Сибири, такъ какъ только эта платформа можетъ

*) П. Н. Милюковъ (30) не точно говоритъ, что этотъ съѣздъ, какъ и предшествовавшій, состоялъ только изъ представителей революціонныхъ организацій — совѣтовъ фронтовыхъ и профессіональныхъ организацій. Онъ былъ созванъ по принципу, установленному для Всерос. Дем. Совѣщанія, которое происходило въ Петроградѣ. Помимо представителей Совѣтовъ, здѣсь были представлены мѣстныя самоуправленія, высшія учебныя заведенія, кооперація, національныя организаціи и т. д. По партійной принадлежности главенствовали эсъ-эры (97). Присутствовали 27 с.-д. (изъ нихъ на октябрьскомъ съѣздѣ 1 былъ большевикомъ), 11 нар. соц., 2 к. д. и др. („Хроника". Прил. 12).

предотвратить полный государственный развалъ". („Хр". Прил. 13).

Что же получалось на практикѣ? Полная мѣшанина во взаимныхъ отношеніяхъ, приводившая къ тому, что въ Читѣ, напр., согласно постановленіямъ съѣзда сельскаго населенія, комитетовъ Общ. Безоп., городскихъ и земскихъ учрежденій Забайкальской области, была создана „коалиціонная соціалистическая власть" совмѣстно съ коммунистами. Эта власть должна была одновременно проводить въ жизнь законы Сибирской Областной Думы и декреты Совѣта Народныхъ Комиссаровъ!*)

„Временный Сибирскій Совѣтъ", избранный съѣздомъ въ качествѣ исполнительнаго органа до созыва Думы, прежде всего призвалъ населеніе „къ полному немедленному прекращенію гражданской войны" („Хр." Прил. 14), т. е. къ фактическому примиренію съ захватомъ большевиками власти**). Такъ какъ Совѣтъ Раб. Д. въ Томскѣ высказался отрицательно по отношенію къ съѣзду и постановилъ въ случаѣ попытки Съѣзда взять власть „бороться съ нимъ до конца", („Хр." Прил. 15), Временный Областной Совѣтъ обратился ко всѣмъ Совѣтамъ Р. и С. Д. съ увѣщевающимъ воззваніемъ. Онъ называлъ Совѣты „идейными и политическими руководителями массъ" — „мозгомъ трудовой демократіи". (Ib. Прил. 16). Это воззваніе, въ концѣ концовъ, лило только воду на мельницу большевиковъ, такъ какъ Совѣты къ январю были уже въ рукахъ большевиковъ.

* * *

Странно было видѣть подъ всѣми этими документами подпись исконнаго и всѣми признаннаго вождя сибирскаго областничества Г. Н. Потанина, избраннаго Предсѣдателемъ

---

*) Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этой сибирской практики, весьма быстро развѣившейся, проф. Масарикъ, проѣзжавшій черезъ Сибирь, въ докладной запискѣ для Вильсона (10 апр. 18 г.) писалъ, что коалиціонное правительство соціалистическихъ партій и лѣвыхъ кадетовъ, съ участіемъ большевиковъ могло бы получить всеобщее согласіе (I. 228). „Лѣвыхъ кадетовъ" однако отвергала и сибирская практика.

**) Такъ и ставила вопросъ о прекращеніи гражданской войны меньшевицкая конференція въ Иркутскѣ 2 февраля, „продолженіе идейной борьбы съ большевизмомъ", не доводя „до вооруженныхъ столкновеній".

Временнаго Совѣта. Въ Сибири Потанинъ занималъ совершенно исключительное положеніе. Имя его придавало авторитетъ любому политическому начинанію. „Властителемъ думъ“ называетъ его сибирякъ проф. Зубашевъ. „Поводыремъ сибирской общественности“, „Первымъ гражданиномъ Сибири“, „мозгомъ и сердцемъ современной общественности“ именуетъ его Якушевъ, сдѣлавшійся потомъ предсѣдателемъ Сиб. Обл. Думы и рѣзкимъ противникомъ тактики ближайшихъ единомышленниковъ Потанина. Престарѣлый „поводырь“ сохранилъ, по выраженію Якушева, „поразительную для его лѣтъ ясность и свѣжесть мысли“ (некрологъ въ „Вольн. Сибири“ № 1). Въ то же время авторъ некролога Потанина считаетъ нужнымъ отмѣтить, что „патріотизмъ“ является „отличительной чертой“ покойнаго сибирскаго общественнаго дѣятеля. Какъ могъ тогда Потанинъ, примыкавшій по своимъ политическимъ взглядамъ къ народнымъ соціалистамъ, дать свое имя дѣлу, завѣдомо осужденному на неуспѣхъ? Какъ могъ онъ въ противорѣчіе со своимъ подлиннымъ демократизмомъ пойти на компромиссъ, который создавала позиція, занятая Областнымъ Съѣздомъ?

Областники, могшіе опереться на сибирское старожилое крестьянство, на сельскую интеллигенцію и казачество, были застигнуты революціей врасплохъ, оказались неподготовленными, и „политаческое оформленіе народныхъ массъ“ пошло подъ знаменемъ партіи с. р. Таково мнѣніе одного изъ энергичныхъ дѣятелей этой партіи въ Сибири*). „Областники“ и группа кооператоровъ оказались на съѣздѣ въ меньшинствѣ. Они боролись и противъ возможнаго союза съ большевиками и противъ отрицанія коалиціи съ буржуазіей**). „Сознаніе долга заставило насъ остаться“, поясняетъ позже на іюльскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Омскѣ прис. пов. Патушинскій, одинъ изъ членовъ Вре-

*) И. Я. Якушевъ. „Февральская революція и собираніе областного съѣзда“ („Вольн. Сибирь“ № 2, 15). Эс-эры дѣйствительно при выборахъ въ У. С. въ Сибири получили 75% всѣхъ голосовъ, въ то время какъ большевики только 10%.

**) Ракитниковъ. „Сибирская реакція и Колчакъ“. Изданіе: „Народъ“, 1920.

менаго Совѣта, близкій областникамъ и, повидимому, тоже числившій себя въ рядахъ народныхъ соціалистовъ. „Сознаніе долга“ повело Патушинскаго и на дальнѣйшія уступки, которыя оказались, однако, невозможными для Потанина. 30 декабря онъ отказался отъ званія предсѣдателя и члена Совѣта. Уходъ свой Потанинъ мотивировалъ тѣмъ, что онъ не могъ „измѣнить продолжающагося тяготѣнія своихъ товарищей по Совѣту въ сторону большевизма“. „Уклонъ“ этотъ Потанинъ увидалъ въ томъ именно воззваніи къ Совѣтамъ, о которомъ говорилось выше и подъ которымъ, къ сожалѣнію, механически стояла подпись самого Потанина. „Конечно, это было невѣрно“ — замѣчаетъ Якушевъ. Это было вѣрно постолько, посколько представители „революціонной демократіи“ не могли изжить въ себѣ тяготѣнія къ фикціи единаго соціалистическаго фронта и посколько въ московскихъ деспотахъ продолжали видѣть что-то отъ соціализма*).

* * *

Такимъ образомъ, Временное Сибирское Правительство (Совѣтъ) являлся въ сущности продуктомъ творчества эсэровской партіи. Новая власть хотѣла опереться на кооперацію, гдѣ эс-эры имѣли значительныя связи. Это вліяніе было обманчиво. Никогда не слѣдуетъ забывать того, что не безъ язвительности отмѣтилъ французскій наблюдатель сибирской жизни въ то время полк. Пишонъ. Онъ писалъ въ своемъ докладѣ: „Какъ общее правило нужно замѣтить,

*) Не очень умѣстна якушевская сентенція о широкомъ использованіи „недостаточно честными противниками“ письма Потанина, въ силу чего свѣтлое имя борца за свободу Сибири сдѣлалось „орудіемъ политической борьбы и интригъ“. („В. Сиб.“ № 3, 21). Отказъ Потанина былъ крупнымъ и знаменательнымъ явленіемъ. Ошибка тѣхъ, кто не прислушался къ голосу полуслѣпого „поводыря“. Нечего искать какого-то посторонняго вліянія на Потанина. Патушинскій на съѣздѣ кооператоровъ 6 января отмѣчалъ вліяніе к. д. Вострогина („Нар. Дѣл“. № 4). Авторы сибирской „хроники“ видятъ здѣсь вліяніе томскихъ к. д. во главѣ съ Потанинскимъ другомъ А. В. Адріановымъ, редакторомъ „Сибирской Жизни“ и т. д. Дѣло просто. Областники, въ центрѣ которыхъ былъ потанинскій кружокъ, самоопредѣлились. Ихъ линія поведенія отнынѣ будетъ чужда той двойственности, которая отличаетъ тактику вдохновителей и руководителей Сибирской Областной Думы.

что каждый теперь въ Россіи и Сибири считаетъ нужнымъ кутаться въ соціалистическій плащъ: это модное одѣяніе всѣхъ людей, дѣлающихъ или желающихъ дѣлать политику. И поэтому нельзя давать себя обманывать политическими вывѣсками: подъ ними зачастую прячутся мысли и программы, діаметрально противоположныя оффиціальнымъ девизамъ, начертаннымъ на вывѣскѣ" (42).

Сибирская кооперація быстро освободилась отъ антигосударственнаго налета, который могла ей придать партійная вывѣска. Но въ январѣ эс-эры главенствовали на оффиціальномъ всесибирскомъ кооперативномъ съѣздѣ, собравшемся въ Новониколаевскѣ 6 января: изъ 88 делегатовъ 65 числилось въ партіи с. р. Съѣздъ, заслушавъ докладъ члена Вр. Сиб. Совѣта Патушинскаго, принялъ соотвѣтственное обращеніе къ населенію и постановилъ оказать при выборѣ въ Думу „содѣйствіе всѣмъ соціалистическимъ партіямъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія непризнанія власти народныхъ комиссаровъ и признанія автономіи Сибири". Была ассигнована вмѣстѣ съ тѣмъ единовременная ссуда въ сибирскую казну и выработана скала, по которой союзы должны внести деньги (Парфеновъ. 15).

* * *

7 января въ Томскъ съѣхалось 93 депутата будущей Областной Думы. Среди нихъ было 56 с. р., 10 нар. соц., 5 с. д., 12 безпартійныхъ и т. д. Большевики не допустили открытія Думы. Шестнадцать членовъ Думы были арестованы 26 января. Часть членовъ (40 человѣкъ) собралась на тайное засѣданіе, объявила Думу открытой, выпустила отъ ея имени рядъ обращеній и избрала временное Сибирское Правительство. Въ составъ правительстви вошли: Дербер, Вологодскій, Краковецкій, Новоселовъ, Крутовскій, Ив. Михайловъ, Патушинскій, Серебренниковъ, Уструговъ, Шатиловъ и др.*). Перечисляю тѣхъ, съ именами которыхъ намъ часто придется встрѣчаться. Многіе изъ чле-

*) Одинъ изъ нихъ Сулима — министръ экстерриторіальныхъ народностей, сражался потомъ на сторонѣ большевиковъ.

новъ правительства были зачислены въ составъ его безъ предварительнаго опроса или согласія — въ томъ числѣ Вологодскій, Устругговъ, Серебренниковъ (Гинс. I, 76).

Обращеніе Думы къ „трудящимся Сибири“ начиналось своеобразно: „Въ ночь на 26 января большевицко-царскіе (?) опричники арестовали 16 членовъ Областной Думы“... Составители воззванія, повидимому, не понимали плохого тона этой „революціонности“. „Именемъ многихъ милліоновъ трудящихся и населяющихъ Сибирь народностей и туземныхъ племенъ“ они объявили, что „вся полнота власти“ принадлежитъ „подлиннымъ избранникамъ трудящихся и народовъ Сибири—Вр. Сиб. Обл. Думѣ“ („Хр.“ Прил. 18). Въ слѣдующей затѣмъ „декларації“, отмѣчая, что Дума стоитъ на почвѣ признанія Вс. Уч. Соб., группа членовъ Думы—дѣйствительно, это была только группа—съ чрезвычайной рѣшительностью объявляетъ, что „народы.... въ рзное время присоединенные къ Россійскому Государству, рѣшаютъ... отдѣляются ли они отъ россійской федеративной республики и образуютъ самостоятельныя государства, или входятъ, какъ автономно федеративныя единицы, въ составъ россійской республики“. Въ области соціальной политики Дума гарантировала проведеніе въ жизнь закона о землѣ, принятаго У. С.*).

Все это продекларировавъ и объявивъ себя „единственно законной властью“ для Сибири, новое правительство раздѣлилось: одна часть осталась въ Зап. Сибири и образовала особый комиссаріатъ, дѣйствовавшій именемъ Сибирскаго правительства; другая, во главѣ съ Дербером, выѣхала на Востокъ, въ Харбинъ — единственный городъ, еще свободный отъ большевицкаго вліянія. Одинъ изъ членовъ правительства былъ командированъ въ Москву для информаціи и связи съ Ц. К. эс-эровской партіи**).

---

*) Полная декларація напечатана въ „Хроникѣ“. Прил. 23.

**) Первое сибирское правительство (Совѣтъ) съ самаго начала (декабрь) завязало отношенія съ иностранными представителями, бывшими въ Сибири и подняло вопросъ о признаніи и военной и финансовой помощи со стороны союзниковъ (Якушевъ „В. С.“ V, 62). Пишонъ склоненъ былъ всемърно содѣйствовать въ этомъ отношеніи антибольшевицкому правительству, во главѣ котораго стоитъ „умный, дѣятельный, энергичный че-

2. БОЕВЫЯ СИЛЫ.

На какія силы могла опираться въ Сибири власть, намѣревавшаяся отстаивать, въ сущности, эс-эровскія партійныя позиціи? Власть всегда склонна преувеличивать свои шансы. Авторъ очерковъ по областному движенію въ Сибири, напечатанныхъ въ „Вольной Сибири", обольщается многочисленными привѣтствіями, полученными Сиболдумой. Но вѣдь всѣ эти семипалатинскія городскія думы, якутскія земства, въ сущности, въ значительной степени привѣтствовали сами себя. Привѣтствія отъ „фронтовиковъ"?—но именно „фронтовики" то и являлись основой большевизма въ сибирской деревнѣ. Привѣтствовалъ даже атаманъ Семеновъ!

На фронтовыхъ солдатъ, не вернувшихся еще въ Сибирь, правительство почему то возлагало особыя надежды. Изъ нихъ предполагалось созданіе кадровъ новой сибирской арміи. Назначенный главнымъ комиссаромъ Сибирской арміи бывшій командующій Иркутскимъ округомъ при Вр. Прав. подп. Краковецкій, членъ У. С. отъ румынскаго фронта (?), создалъ въ Кіевѣ спеціальный сибирскій военный комиссаріатъ. Въ короткое время на фронтѣ объединилось до 50.000 сибиряковъ. Предполагалось выдѣлить изъ нихъ наиболѣе надежные отряды и послать въ Сибирь на поддержку правительства. „Но, — добавляетъ сибирскій историкъ этого времени — вся работа была внезапно прервана большевицкимъ переворотомъ на Украинѣ и сверженіемъ Укр. Рады, съ помощью которой велась

ловѣчекъ" (Дерберъ), который „рѣшительно и безпощадно порвалъ съ большевиками". Въ донесеніи ген. Нисселю 24 января—6 февраля онъ пишетъ: „онъ прекрасно почувствовалъ и понялъ ошибку, совершенную съ самаго начала, выразившуюся въ ихъ соціалистической непримиримости, исключившей всѣ не окрашенные одной краской элементы... Я увѣренъ, что намъ удастся расширить базу существующей организаціи... въ правую сторону". („Кр. Арх." XXXIV, 154).

Болѣе холодна и сдержанна была депеша иркутскаго ген. консула, Буржуа. Онъ противъ финансовой помощи: „это были бы деньги, брошенныя на вѣтеръ", „субсидируя это дѣло, мы шли бы за знаменемъ, не имѣющимъ никакого авторитета и, боюсь, безъ будущаго" (Ib., 148). Характерно, что предшественникъ Буржуа, Жандро, находилъ: „почти все населеніе объединено въ одномъ порывѣ — найти тирана, который спасетъ Россію". (Донесеніе 24 ноября. — Ib. 132).

организаціонная работа по созданію сибирской арміи" („В. С.", III, 14). Надежды на созданіе такимъ путемъ особой сибирской арміи тѣмъ болѣе были утопичны, что ей ставилась задача возобновленія противогерманскаго фронта*).

Если у сибирскихъ рабочихъ было настроеніе противъ „похабнаго" мира, то едва ли оно такъ сильно было на разложившемся фронтѣ.

Безразлична была и сибирская деревня, слишкомъ далекая и оторванная отъ центра, изолированная въ самой себѣ территоріальной замкнутостью сибирскихъ разстояній. Поднять ее на войну съ Германіей, конечно, нельзя было. Деревня подчасъ „праздновала" возвращеніе солдатъ „дезертировъ" **). Пишонъ въ своемъ докладѣ замѣчаетъ, что ему приходилось сталкиваться съ абсолютнымъ отсутствіемъ антипатіи къ нѣмцамъ, несмотря на всѣ событія на фронтѣ и въ прифронтовой полосѣ (22). Онъ наталкивался только на враждебное отношеніе къ японцамъ. „Всѣ тѣ лица и группировки — писалъ въ докладѣ Пишонъ — которыя заявляютъ, что „за ними крестьяне" обманываются и насъ обманываютъ. Интеллектуальный уровень крестьянской массы весьма низокъ, и показателемъ этого явились различные выборы, во время которыхъ крестьянинъ давалъ свой голосъ тому, кто больше ему обѣщалъ реальныхъ выгодъ. Крестьянамъ не приходилось принимать непосредственнаго участія въ революціонной борьбѣ: каждая деревушка продѣлала самостоятельно свою мѣстную революцію, совершенно не заботясь о сосѣдяхъ, въ общей массѣ крестьянинъ очень доволенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что полученная свобода дала ему „право" рубить казенные лѣса безплатно, пользоваться безплатно всякими бывшими угодьями и т. п. Колоссальному повышенію цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства крестьянинъ тоже весьма радъ: онъ началъ копить деньги" (30—31).

Общая характеристика, конечно, правильная. Она под-

*) Поэтому Дерберъ и убѣждалъ „горячо" иркутскихъ эс-эровъ въ цѣлесообразности интервенціи (М. Кроль. „В. С." IV, 70).

**) Наблюденія В. Н. Львова въ Симбирскѣ (неизданныя воспоминанія).

тверждается анкетой, сдѣланной редакціей „Сиб. Зем. Недѣли“ среди всѣхъ своихъ деревенскихъ корреспондентовъ 20 апрѣля, т. е. при большевикахъ*). Всякія анкеты относительны — нельзя этого упускать изъ вида. И все таки показательно, что за большевицкую власть высказалось лишь 7. Нѣкоторые волостные читатели на вопросъ о власти промолчали ($^1/_4$). $65^0/_0$ — 47 отвѣтовъ — отнеслось отрицательно къ большевикамъ. Отмѣчалось въ отвѣтахъ, что власть совѣтовъ поддерживаютъ большею частью пришедшіе съ фронта солдаты**). Къ другимъ соціалистическимъ партіямъ населеніе равнодушно. Боятся налоговъ Эгоистическія соображенія на первомъ планѣ и т. д.

Деревню, у которой была „тоска по правительству, по власти“***), активной могла сдѣлать или хорошая организація — здоровая, непартійная агитація, или сама власть большевиковъ. И, можетъ быть, во многомъ правъ Гинсъ, указывающій, что „борьба въ Сибири началась раньше, чѣмъ населеніе успѣло проникнуться ненавистью къ большевикамъ“ (II, 5). То же намъ скажетъ впослѣдствіи участникъ пріуральскаго рабочаго движенія, представитель знаменитыхъ въ лѣтописи гражданской войны ижевцевъ и

---

*) Обзоръ анкеты напечатанъ въ „Сиб. Вѣст“. № 35; большія выдержки у Гинса I, 53.

**) Обобщающія характеристики всегда вызываютъ возраженія. Одни фіэкты противорѣчатъ другимъ. Якушевъ въ одной изъ своихъ статей говоритъ: „за время большевицкаго управленія сибирское крестьянство въ цѣломъ, за исключеніемъ фронтовиковъ, было враждебно настроено къ большевикамъ“ („В. С.“ IV, 106). Вегманъ, авторъ статьи „Какъ пала въ 1918 г. совѣтская власть въ Томскѣ“ (Сиб. Огни“ 23, I, 132), будетъ подчеркивать правые элементы среди фронтовиковъ. Равно представитель Добр. Арміи ген. Флугъ, проѣхавшій всю Сибирь, найдетъ у большинства фронтовиковъ отрицательное отношеніе къ большевикамъ. Пишонъ скажетъ со своего наблюдательскаго поста, что все приходящее съ фронта сильно дезорганизовано („Кр. Арх.“ XXXIV, 155).

***) Эту знаменательную черту отмѣчаетъ 12 марта эсъ-эръ Неупокоевъ въ письмѣ изъ Иркутска въ Харбинъ „Правительству Автономной Сибири“, т. е. Дерберу. Между прочимъ Неупокоевъ указываетъ и на другую важную черту для характеристики настроеній деревни того времени. Говоря о ликвидированномъ противосовѣтскомъ возстаніи въ Балаганскомъ уѣздѣ, онъ пишетъ: несмотря на „усмиреніе“, движеніе разростается, „оно можетъ принять слишкомъ большія формы и будетъ опасно к о м у у г о д н о, такъ какъ не носитъ пока характера организованности борьбы за какіе либо опредѣленные лозунги“ („Кр. Арх.“ XXIX, 93).

воткинцевъ: „Сибиряки, не пережившіе большевизма, не хотѣли защищаться отъ него“... (Берлинская „Заря“ № 6).

* * *

Совершенно естественно, что при организаціи боевыхъ антибольшевицкихъ силъ приходилось итти по другому руслу — въ другой средѣ вербовать эти силы.

Дѣятели Сибирской Думы. выступившіе уже въ роли историковъ сибирскаго движенія, чрезвычайно преувеличиваютъ организаціонную роль Думы. „Сибирское правительство, выбранное въ тайномъ засѣданіи Сибирской Думы 28 января, — говоритъ, напр., редакція „Вольной Сибири“ (III, 7) — въ сущности являлась только главнымъ революціоннымъ штабомъ, который подготовилъ сверженіе большевиковъ“... „Нелегальная Сибирская Дума не только сумѣла возглавить сибирское противобольшевицкое движеніе, но и освободить Сибирь отъ ненавистной населенію власти большевиковъ“. А дальше уже Якушевъ разсказываетъ, какъ были организованы опытными въ созданіи конспиративныхъ боевыхъ дружинъ эсъ-эрами военно-революціонныя силы (IV, 100—103). Долженъ признать Якушевъ, что подготовительную работу въ значительной степени „облегчило то обстоятельство, что вся она велась въ Сибири не отъ имени партіи, а именемъ Сибирскаго правительства“. Территорія Сибири была раздѣлена на два военныхъ округа — западный и восточный. „Въ каждомъ изъ этихъ округовъ военное руководство было возложено на особые военные штабы, дѣйствующіе въ полномъ контактѣ съ политическими комиссаріатами Вр. Сиб. Пр“.

Не отрицая иниціативы и энергіи отдѣльныхъ членовъ эс-эровской партіи, надо отмѣтить, что въ Сибири возникла совершенно самостоятельно и чисто военная организація. Напр., уже въ ноябрѣ, въ Томскѣ, по иниціативѣ кап. Кириллова создался офицерскій отрядъ подъ названіемъ „Бѣлый легіонъ“ („В. С.“ IV, 37). Въ январѣ въ Томскѣ насчитывается три военныхъ организаціи—одна изъ нихъ эс-эровская — которыя до марта между собой не имѣютъ связи. Въ мартѣ организуется штабъ по иниціативѣ А. Пепе-

ляева, и начальникомъ объединенной военной организаціи становится полк. Сумароковъ — человѣкъ довольно правыхъ убѣжденій. Помимо казачьихъ организацій, возникшихъ въ Забайкалѣ и на Дальнемъ Востокѣ — о нихъ будетъ сказано ниже, съ декабря и въ Зап. Сибири дѣйствуютъ казачьи организаціи, не связанныя иниціативой эсъ-эровскихъ эмиссаровъ — напр., омская казачья организація въ ст. Атаманской во главѣ съ Анненковымъ, субсидируемая торгово-промышленными кругами. Только казалось, что вся „правая" Сибирь равнялась „исключительно по партіи соц.-революціонеровъ". (Парфеновъ, 17).

Было бы большой ошибкой думать, что въ эс-эровскія военныя организаціи шли какіе то правовѣрно мыслящіе соціалисты-народники. Нѣтъ, шли, отыскивая хоть „какой-нибудь точки опоры". Эс-эры, или вѣрнѣе фирма Сибирскаго Правительства, и являлись такой опорой, въ особенности при пассивности другихъ политическихъ группъ*). Поэтому такъ легко и охотно эс-эровскія военныя организаціи шли на сліяніе съ другими безпартійными организаціями. Въ концѣ концовъ, вся эта вооруженная сила была чужда соціалистической позиціи Областной Думы, и ближе себя чувствовала къ „кружку" Потанина, наиболѣе рѣшительно и безкомпромиссно отстаивавшаго вооруженную борьбу съ большевиками. Сомнительнымъ эс-эромъ былъ атаманъ енисейскаго казачьяго войска Сотниковъ, первый въ январѣ 18 г. поднявшій въ Красноярскѣ возстаніе. Такимъ же былъ и начальникъ западн. военнаго округа подп. Гришинъ (псевд. Алмазовъ), о которомъ впослѣдствіи омская „Заря" (№ 128) писала: онъ первый организаторъ и вождь арміи, освободившей Сибирь; дѣятель „героическаго періода борьбы съ совѣтами". Числился въ средѣ эс-эровъ и начальникъ восточнаго военнаго округа полк. Элерцъ-Усовъ и др. Они всѣ тянулись къ партіи только, какъ къ

*) Прибывшая въ мартѣ въ Омскъ делегація отъ Добр. Арміи во главѣ съ ген. Флугомъ встрѣтила, напр., отказъ со стороны оффиціальныхъ лидеровъ кадетской партіи принять участіе въ активной работѣ противъ большевиковъ, они считали безнадежными выступленія противъ сов. власти безъ поддержки со стороны союзныхъ державъ („Ар. Р. Р." IX, 251).

возможному организованному центру. Поэтому такъ скоро между представителями партіи и ими оказались коренныя разногласія. И они стали съ точки зрѣнія правовѣрныхъ партійныхъ дѣятелей лишь „авантюристами“.

„Отчетъ“ ген. Флуга, возглавлявшаго „сибирскій отдѣлъ Союза Защиты Родины“, даетъ довольно ясное представленіе о планѣ, къ которому склонялись военныя организаціи. Его можно уяснить себѣ на примѣрѣ тѣхъ переговоровъ, которые у Флуга были въ Томскѣ. Въ первый же день пріѣзда, 28 февраля, Флугъ посѣтилъ Потанина. „Онъ оказался дряхлымъ старцемъ, съ слабыми остатками зрѣнія и слуха, живущимъ въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ“. „Письмо Л. Г. Корнилова—разсказываетъ Флугъ — которое я ему привезъ, мнѣ пришлось самому прочесть Григорію Николаевичу вслухъ, послѣ чего онъ, заявивъ, что по старости уже не принимаетъ личнаго участія въ политикѣ, пригласилъ своего сосѣда А. И. Гаттенберга, рекомендовавъ мнѣ послѣдняго, какъ общественнаго дѣятеля и вполнѣ довѣренное лицо, замѣняющее его въ кружкѣ, названномъ его именемъ“ (IX, 258). „Въ результатѣ полученныхъ свѣдѣній — продолжаетъ Флугъ — убѣдившись, что программа потанинскаго кружка чужда идеѣ сепаратизма, которая ей, по слухамъ приписывалась, и близка къ Корниловской*), а также, что безпартійная офицерская организація пойдетъ на сліяніе съ такъ называемой эсэровской—делегація остальное время пребыванія въ Томскѣ провела въ переговорахъ съ подп. Гришинымъ (оказав-

*) „Политическая програма ген. Корнилова“, привезенная Флугомъ, между прочимъ заключала пункты: „Сорванное большевиками У. С. должно быть созвано вновь. Выборы въ У. С. должны быть произведены свободно безъ давленія на народную волю и во всей странѣ. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ У. С., коему оно и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. У. С., какъ единственный хозяинъ земли русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окончательно сконструировать государственный строй“. Послѣдній пунктъ „программы“ гласилъ: ...„Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя національно-государственныя единицы, должны быть широко поддержаны правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ“ (286).

шимся лицомъ, обладавшимъ здравыми военными понятіями) по вопросамъ о сближеніи обѣихъ организацій между собой... о выработкѣ общаго плана дѣйствій и т. п., съ тѣмъ, чтобы работа вообще велась въ направленіи полнаго сліянія подъ единоличнымъ командованіемъ и при политическомъ руководительствѣ кружка Г. Н. Потанина" (259).

Соглашеніе легко достигалось, потому что къ Корнилову въ Сибири относились съ открытой симпатіей и довѣріемъ. „Имя ген. Корнилова въ то время въ Сибири въ цензовыхъ кругахъ и въ части интеллигенціи было окружено необычайнымъ ореоломъ и пользовалось исключительнымъ моральнымъ авторитетомъ" — пишетъ с. р. Колосовъ: „Самый фактъ связи съ нимъ и съ его организаціями областники, впрочемъ, и не скрывали, такъ какъ объ этомъ въ „Сиб. Жизни" (№ отъ 28 августа) писалъ А. В. Адріановъ. Насколько большимъ и непререкаемымъ авторитетомъ пользовалось въ цензовыхъ кругахъ имя Корнилова показываетъ инцидентъ съ бывшимъ министромъ Вр. Прав. Н. В. Некрасовымъ. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ 1918 г. въ Сибирь, но его появленіе въ Сибири подняло цѣлую бурю въ цензовой прессѣ и въ цензовыхъ кругахъ, потребовавшихъ отъ Некрасова отвѣта за его поведеніе въ дѣлѣ Корнилова. Послѣ своего рода общественнаго суда надъ Некрасовымъ, страсти разгорѣлись до такой степени, что онъ предпочелъ вернуться обратно въ совѣтскую Россію, несмотря на весь рискъ, связанный съ такимъ переѣздомъ" („Былое" XXI, 252—53). Только почему Колосовъ говоритъ о „цензовыхъ кругахъ"? Ни областники, ни кооператоры, съ которыми былъ связанъ Некрасовъ, не могутъ быть отнесены къ этимъ „цензовымъ кругамъ".

* * *

Въ мартѣ—апрѣлѣ нѣкоторое единство между существовавшими военными организаціями было создано. Въ Ново-Николаевскѣ находился центральный штабъ Зап.-Сиб. Комиссаріата Вр. Сиб. Правительства — въ него входили

кооператоръ Сазоновъ, эс-эры Фоминъ, Марковъ, П. Михайловъ и Гришинъ-Алмазовъ.

Самой сильной военной организаціей была омская „организація тринадцати", возглавляемая Ивановымъ-Риновымъ и насчитывавшая до 3000 человѣкъ (въ нее входилъ отрядъ пріобрѣвшаго потомъ печальную извѣстность Волкова). Томская организація во главѣ съ Сумароковымъ и Пепеляевымъ имѣла отъ 1000—1500 бойцовъ, Ново-Николаевская во главѣ съ Гришинымъ-Алмазовымъ — 600 человѣкъ, Иркутская — кап. Калашниковъ и полк. Элерцъ-Усовъ — до 1000 человѣкъ и т. д. Число всѣхъ организованныхъ военныхъ въ Зап. Сибири къ маю опредѣлялось въ 7000 человѣкъ, разбитыхъ на боевыя дружины по пятеркамъ и содержавшихся въ значительной части на счетъ мѣстной кооперации*). Объединеніе это создалось, однако, вовсе не на почвѣ пріобщенія къ лозунгамъ „господствующей партіи": пришлось „сойтись на поддержаніи самой идеи власти, хотя бы данное содержаніе ея и представлялось непріемлемымъ". Такъ охарактеризовалъ положеніе дѣлъ съ точки зрѣнія сибирскаго офицерства Гришинъ-Алмазовъ въ позднѣйшемъ своемъ докладѣ на Югѣ (Деникинъ. III, 94).

Военныя организаціи готовились къ перевороту. Пытались вооружиться — иногда даже производили нападенія на склады оружія**). Но всетаки онѣ были слабы. Ихъ состояніе не давало возможности свергнуть власть безъ помощи извнѣ: „даже при наилучшихъ условіяхъ — говоритъ Флугъ — офицерскія организаціи въ большинствѣ крупныхъ центровъ не могли разсчитывать удержать захваченную власть долѣе 1—2 недѣль, послѣ чего неминуемо должна была наступить реакція" (IX, 271). Но существовала какая то слѣпая вѣра, что вопросъ объ интер-

*) Указанная статья Якушева въ „Вольн. Сибири"; Вегмана „Сиб. Огни" 28, I, 141; Парфеновъ, 19. Большую роль игралъ въ частности Закупсбытъ, гдѣ работали многіе изъ участниковъ военныхъ организацій (напр., Гришинъ-Алмазовъ). Поэтому впослѣдствіи въ Сибири острили, что государственная власть перешла къ Закупсбыту.

**) 15 марта возставшими была свергнута совѣтская власть въ Якутскѣ и организованъ областной Совѣтъ „независимой Якутской области".

венціи союзниковъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, что начнется она около 1 іюля „при чемъ корпусъ ген Плѣшкова (на Д. В.) явится въ роли авангарда союзныхъ силъ, которыя числомъ до 100 тыс. человѣкъ уже сосредоточиваются въ тихоокеанскихъ портахъ“ (Флугъ, 256)... Въ связи съ этой увѣренностью выступленіе намѣчалось на конецъ мая. Едва ли этотъ срокъ имѣлъ какое нибудь отношеніе къ тому, что „приближался“ срокъ, когда Дума назначила созывъ сибирскаго У. С... Такъ предполагаетъ Якушевъ („В. С.“ IV, 106). Большевицкіе историки ставятъ это въ связь съ упомянутымъ въ предшествовавшей главѣ совѣщаніемъ, которое яко-бы было въ Москвѣ и послѣ котораго, 3 мая, въ Ново-Николаевскѣ былъ созванъ съѣздъ нелегальныхъ военныхъ организацій для информаціи и инструкціонныхъ указаній (Парфеновъ, 20). Съѣздъ руководителей мѣстныхъ штабовъ военно-революціонныхъ организацій дѣйствительно въ Ново-Николаевскѣ 3-го мая происходилъ. 14 мая въ Челябинскѣ состоялось совѣщаніе представителей чехо-словацкаго командованія — Гайды и Кадлеца съ центральнымъ штабомъ сибирскихъ боевыхъ дружинъ (Гришинъ-Алмазовъ) и военнымъ отдѣломъ Самарскаго Комитета членовъ У. С. (кап. Каппель и полк. Галкинъ). „На этомъ совѣщаніи былъ выработанъ планъ будущаго выступленія“ — утверждаетъ Парфеновъ (23). Возможно, въ датахъ здѣсь есть нѣкоторая путаница, но фактъ несомнѣнный, что Гайда и Кадлецъ, убѣжденные, какъ говоритъ Якушевъ, въ томъ, что „вооруженный конфликтъ съ большевиками неизбѣженъ, вошли въ половинѣ мая въ неоффиціальные переговоры съ нѣкоторыми представителями новониколаевскаго военнаго штаба“ („В. С.“ IV, 108) и по достигнутому соглашенію, Гришинъ-Алмазовъ отдалъ приказъ о выступленіи.

Въ концѣ мая съ чехами и безъ чеховъ въ рядѣ городовъ начались выступленія. Въ Семипалатинскѣ, Бійскѣ, Омскѣ, Красноярскѣ большевицкая власть была свергнута до прихода чехословацкихъ войскъ*). Въ Томскѣ возстаніе намѣчалось на

*) Совершенно очевидно, насколько былъ неправъ владивостокскій корреспондентъ парижскихъ „Посл. Нов.“ (21 дек. 21 г.), изображавшій

28 мая, въ связи съ волненіями, происходившими тамъ на почвѣ реквизиціи церковнаго имущества въ женскомъ монастырѣ. Возставшіе должны были въ первую очередь разоружить въ казармахъ мадьяровъ, представлявшихъ главную силу большевиковъ. Изъ-за случайнаго предательства возстаніе началось несовсѣмъ удачно*). Но болшевики сами эвакуировали Томскъ 31 мая въ виду слуховъ о приближеніи чеховъ, захватившихъ при участіи барнаульской организаціи 26 мая Ново-Николаевскъ. Томскъ, слѣдовательно, почти не оказалъ сопротивленія, хотя тамъ находился батальонъ „прекрасно вооруженныхъ, дисциплинированныхъ и готовыхъ къ борьбѣ мадьяръ**), хотя совѣтская власть стояла „прочно и незыблемо", какъ извѣщала въ день паденія Томска большевицкая газета „Знамя Революціи". Въ Томскъ вступилъ отрядъ Гайды и пробылъ въ немъ два часа. Лѣтопись событій отмѣтитъ символическую картину, когда монархистъ полк. Сумароковъ и городской голова меньшевикъ Васильевъ вмѣстѣ привѣтствовали чехо-словаковъ...

Въ Ново-Николаевскѣ переворотъ „окончился въ 40 минутъ"...

Я не буду слѣдить за перипетіями борьбы чеховъ и за возстаніями, иногда при активномъ, а другой разъ при пассивномъ ихъ содѣйствіи. Къ началу августа почти всѣ города Зап. Сибири были освобождены отъ большевиковъ***). Повсюду въ городахъ появились „уполномоченные" сибирскаго правительства. 1 іюня „Западно-Сибирскій Комиссаріатъ" въ составѣ членовъ У. Соб. П. Михайлова, Маркова, Линдберга и предсѣдателя томской уѣздной земской управы Сидорова, обращаясь къ „трудовой демократіи",

---

начало антикоммунистическаго движенія въ Сибири 1918 г. связаннымъ со случайнымъ обстоятельствомъ скопленія чехо-словаковъ на сибирской магистрали и столкновеніемъ съ совѣтской властью.

*) Вегманъ. „Сиб. Огни" 23, № 1; Кириллов ъ. „В. С." IV, 39.

**) Карм ашевъ. Послѣдніе дни совѣтской власти въ Зап. Сибири. 1921, 10.

***) 15 іюля было неудачное возстаніе въ Иркутскѣ, сопровождавшееся большимъ терроромъ со стороны большевиковъ. Черезъ мѣсяцъ чехи взяли Иркутскъ „безъ единаго выстрѣла" и были встрѣчены населеніемъ (за исключеніемъ рабочихъ) съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ". М. Кроль „В. С." IV, 71—72.

объявилъ, что временно до окончательнаго освобожденія всей сибирской территоріи имъ принадлежитъ высшая мѣстная власть, какъ уполномоченнымъ Сибирскаго областного правительства. Задачею Комиссаріата „является созданіе правильно организованной военной силы, достаточной для утвержденія народовластія и охраны жизни и достоянія гражданъ отъ всѣхъ покушеній враговъ демократическаго строя, какъ извнѣ, такъ и извнутри" („Хр." Прил. 41).

Фактически на освожденной отъ большевиковъ территоріи правилъ начальникъ омскихъ военныхъ организацій Ивановъ-Риновъ — опытный администраторъ и человѣкъ съ характеромъ, по выраженію Гинса. Такимъ образомъ, осуществлялась временно „военная диктатура" по плану ген Флуга (Арх. IX, 255).

3. НАЧАЛО „АТАМАНЩИНЫ".

Позже эти первые дни рисовались „героическимъ" періодомъ борьбы съ совѣтской властью — порой общественнаго подъема и „великихъ надеждъ, объединившихъ всѣхъ и двигавшихъ на подвигъ" („Заря"). До нѣкоторой степени это такъ и было. Пожалуй, только въ Сибири на короткое время создался какъ бы единый противобольшевицкій фронтъ. Внутреннее единство, правда, было только казовымъ, но и его было достаточно для того, чтобы освободить Сибирь.

Если вы прочтете отчетъ о дѣятельности „делегаціи" ген. Флуга и одновременно повѣствованіе о тѣхъ же событіяхъ бывшаго предсѣдателя Сиболдумы, вы ясно ощутите разницу воспріятія. Эс-эры считали, что власть пешла къ нимъ. Военные расцѣнивали обстановку по иному, и на другой день послѣ сверженія большевиковъ начались коллизіи.

Сибирская обстановка, конечно, мало соотвѣтствовала позиціи, которую хотѣли занять представители областной Думы. „Всѣ слои — вновь отмѣчаетъ с.-р. Неупокоевъ — положительно мучаются въ тоскѣ по власти". Въ этой по-

литической атмосферѣ, когда рѣчь заходитъ о власти, чаще всего тебѣ отвѣчаютъ: „хоть бы самъ чортъ, лишь бы былъ законъ и порядокъ“. И отъ палатъ „буржуевъ“ и „саботажниковъ“ до самыхъ низовъ... ежедневно вы слышите смертельную тоску о скорѣйшемъ приходѣ этого „спасителя“ („Кр. Арх.“ XXIX, 92)*). Было совершенно очевидно, что „политическіе младенцы“ не могли быть у власти. Съ этимъ прежде всего не примирились бы тѣ военные круги, которые представляли единственную реальную силу (изъ 40 т. добровольцевъ $^1/_2$ приходилась на казацкія организаціи).

* * *

Военная власть освобожденной Сибири, къ сожалѣнію, какъ бы съ молокомъ матери, всосала въ себя многія изъ тѣхъ чертъ „атаманщины“, которыя такъ пагубно отозвались впослѣдствіи. Уже ген. Флугъ въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ недостатки мѣстныхъ казачьихъ организацій, дѣлавшіе ихъ малопригодными въ качествѣ опоры для будущей власти: „нѣкоторая моральная распущенность, неразборчивость въ средствахъ, стремленіе руководствоваться больше честолюбивыми побужденіями своихъ атамановъ, чѣмъ сознаніемъ гражданскаго долга **).

Конечно, эта „распущенность“ отличала не только казачьи организаціи. Гражданская война, открывающая красивыя страницы подлиннаго героизма, вмѣстѣ съ тѣмъ почти неизбѣжно разнуздывала общественные нравы. Въ своихъ показаніяхъ, быть можетъ, слишкомъ сгущая краски, слишкомъ обобщая, адмиралъ Колчакъ, строгій къ себѣ и къ другимъ, вспоминая періодъ своего пребыванія въ Харбинѣ, (весной 18 г.) рисуетъ довольно безотрадную картину и

*) Ср. съ мнѣніемъ Жандро.

**) Ар. Р. Р. IX, 252, Флугъ передаетъ отзывы того конспиративнаго кружка военныхъ, съ которымъ онъ въ Омскѣ вошелъ въ сношенія и который по политическимъ взглядамъ примыкалъ къ правому крылу партіи народной свободы.

А вотъ характеристика данная ген. Степановымъ, въ докладѣ, посланномъ Деникину съ курьеромъ: добрые малые, готовые на все „кромѣ установленія у себя хотя бы тѣни необходимаго воинскаго порядка“ (Деникинъ. III. 105).

военной и гражданской общественности. „Основная причина, почему намъ такъ трудно было создавать вооруженную силу, — это всеобщая распущенность офицерства и солдатъ, которые потеряли, съ сущности говоря, всякую мѣру понятія о чести, о долгѣ, о какихъ бы то ни было обязательствахъ. Никто не желалъ ни съ кѣмъ рѣшительно считаться — каждый считался со своимъ мнѣніемъ. То же самое было и въ обществѣ. Напр., въ Харбинѣ я не встрѣчалъ двухъ людей, которые бы хорошо высказывались другъ о другѣ. Ужасное впечатлѣніе у меня осталось отъ Харбина... Это была атмосфера такого глубокаго развала, что создавать что-нибудь было невозможно“ (Допросъ. 141).

Колчакъ разсказываетъ, какъ самостоятельно и стихійно создавались въ Харбинѣ и на Дальнемъ Востокѣ военные отряды. Въ зап. Сибири мы видѣли большую организованность, но суть дѣла та же... Около есаула Калмыкова собирается группа офицеровъ въ 70—80 человѣкъ; къ нимъ примыкаютъ уссурійскіе казаки. Такимъ образомъ появляется „отрядъ“ атамана Калмыкова. Аналогичнымъ путемъ организуется въ Харбинѣ отрядъ Орлова, примѣрно въ 1000 человѣкъ, а раньше отрядъ Семенова; недостатка въ добровольцахъ не было. Номинально подчиняясь какой то высшей власти, „атаманы“ дѣйствуютъ совершенно независимо — и особенно на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ эти отряды поддерживаютъ деньгами и оружіемъ иностранцы. Сама „вольница“ часто диктуетъ атаманамъ свои условія. Между отдѣльными отрядами иногда идетъ глубокая рознь: напр., между семеновцами и орловцами. Отряды легко присваивали себѣ функціи политической полиціи и создавали у себя особые органы контръ-развѣдки. Никакой связи съ прокуратурой не существовало, и самое понятіе „большевика“ было до такой степени неопредѣленно, что подъ него можно было подвести, что угодно... Самочинные аресты и убійства становились обычнымъ явленіемъ. „Я не могу сказать — добавляетъ Колчакъ — что это дѣлали представители всѣхъ отрядовъ — у меня данныхъ опредѣленныхъ нѣтъ. Я могу только сказать, что я самъ былъ свидѣтелемъ того, что въ Харбинѣ арестовывали на улицѣ

вечеромъ, и въ этомъ отношеніи отдѣльныя группы дѣйствовали совершенно независимо“ (127).

Каковы же были причины этой „распущенности?“

„Изъ разговоровъ съ офицерами — говоритъ Колчакъ — у меня создалось впечатлѣніе, что эти органы (контръ-развѣдки) создавались по образцу тѣхъ, которые существовали въ Сибири при Совѣтской власти. Во время большевицкой власти... въ цѣломъ рядѣ пунктовъ по желѣзной дорогѣ существовали такія заставы, которыя контролировали пассажировъ въ поѣздахъ и тутъ же производили ихъ аресты, если они оказывались контръ-революціонерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы. Они занимались совершенно самочинно осмотромъ поѣздовъ, и когда находили кого-нибудь, кто, по ихъ мнѣнію, былъ причастенъ къ большевизму или подозрѣвался въ этомъ, то арестовывали. Такія явленія существовали по всей линіи желѣзной дороги. Послѣ моего прибытія туда, когда выяснилась эта картина, я бесѣдовалъ съ начальниками отрядовъ и говорилъ, что, въ сущности, контръ-развѣдка должна быть только въ моемъ штабѣ, такъ какъ существующія контръ-развѣдки мѣшаютъ другъ другу и портятъ все дѣло. На это мнѣ совершенно резонно отвѣтили, что мы боремся, и то, что дѣлали съ нами, будемъ дѣлать и мы, такъ какъ нѣтъ никакой другой гарантіи, что насъ всѣхъ не перерѣжутъ*). Мы будемъ бороться такимъ же образомъ, какъ и нашъ противникъ боролся съ нами. За нами устраивали травлю по всему пути, а тамъ, гдѣ мы находимся, мы обязаны такимъ же образомъ обезпечить и себя отъ проникновенія сюда лицъ, которыя являются нашими врагами. Поэтому, хотя такіе органы контръразвѣдки никогда не значились оффиціально, на дѣлѣ онѣ продолжали функціонировать. Въ тѣхъ отрядахъ, которые мнѣ были подчинены, мнѣ удалось поставить дѣло такимъ образомъ, что о производившемся арестѣ немедленно сообщалось мнѣ и прокурору. Арестованныя лица передавались прокурорскому надзору, и тамъ производилось быстрое раз-

*) Калмыкову приписывали такую фразу: „перегрызай горло всякому большевику, а то онъ тебѣ перегрызетъ“. („Революція на Д. В.“).

слѣдованіе дѣла. Нужно сказать, что въ Харбинѣ ходило много разсказовъ относительно дѣятельности этихъ органовъ. Не знаю, насколько они были справедливы, но это былъ сплошной кошмаръ, стоявшій на всей линіи желѣзной дороги, какъ со стороны большевиковъ, такъ и со стороны тѣхъ, которые боролись съ ними. Для меня, какъ новаго человѣка, эти разсказы казались совершенно невѣроятными. Я сперва не вѣрилъ имъ и считалъ больше словами, но потомъ, конечно, ближе познакомился и увидѣлъ, что на желѣзной дорогѣ идетъ все время жесточайшая взаимная травля, какъ со стороны тѣхъ районовъ, гдѣ хозяйничали большевики, такъ и въ тѣхъ районахъ, гдѣ хозяйничали ихъ противники. Методы борьбы были одни и тѣ же".

„Когда факты самочинныхъ обысковъ, арестовъ и разстрѣловъ устанавливались, принимались мѣры, чтобы привлечь виновныхъ къ суду и отвѣтственности?" — задаетъ Колчаку вопросъ одинъ изъ допрашивавшихъ с. р. Алексѣевскій.

„Такія вещи — отвѣчаетъ Колчакъ — никогда не давали основанія для привлеченія къ отвѣтственности,—было невозможно доискаться, кто и когда это сдѣлалъ. Такія вещи никогда не дѣлались открыто. Обычно происходило такъ: въ вагонъ входило нѣсколько вооруженныхъ лицъ, офицеровъ и солдатъ, арестовывали и увозили. Затѣмъ арестованныя лица исчезали, и установить, кто и когда это сдѣлалъ, было невозможно". (129—130).

Часто мотивомъ здѣсь являлась прямая месть: „люди, которые пробрались сюда съ величайшимъ рискомъ и опасностями, хотя бы черезъ Слюдянку, гдѣ погибло, по крайней мѣрѣ, до 400 офицеровъ; люди, прошедшіе черезъ эту школу, конечно, выслѣживали лицъ, которыхъ они узнали въ дорогѣ и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что главнымъ мотивомъ этой дѣятельности является месть, что всѣ эти ужасы, которые творились по линіи желѣзной дороги, происходили на почвѣ мести" (136).

Гораздо болѣе пристрастную характеристику „большевиковъ sauce royale" дастъ намъ бар. Будбергъ въ своемъ апрѣльскомъ дневникѣ: „Разные вольные атаманы Семе-

новъ, Орловъ, Калмыковъ, своего рода винегретъ изъ Стенекъ Разиныхъ двадцатаго столѣтія подъ бѣлымъ соусомъ, послѣреволюціонные прыщи Д. В., внутреннее содержаніе ихъ разбойничье, большевицкое, съ тѣми же лозунгами: побольше свободы, денегъ и наслажденій; поменьше стѣсненій, работы и обязанностей. Мнѣ кажется, что большинство изъ нихъ лишь случайно не на красной сторонѣ:*) кому не пришлось по случайно сложившейся обстановкѣ, а кто по привычкѣ шарахнулся на свою, оказавшуюся бѣлой, сторону. У многихъ все это случилось, конечно, невольно, и обвинять ихъ самихъ было бы даже несправедливо" (XIII, 199). Всетаки это было не такъ. Напр., „орловцевъ" Колчакъ, имѣвшій съ ними непосредственныя отношенія, характеризуетъ, какъ „твердыхъ и честныхъ людей". Во всѣхъ этихъ отрядахъ, безъ исключенія, наряду съ признаками „нравственнаго уродства и анархичности" было и „своеобразное идейное служеніе странѣ", какъ справедливо отмѣтилъ въ дневникѣ ген. Болдыревъ (18).

* * *

Было ли аналогичное въ Зап. Сибири при формальномъ существованіи соціалистической власти? Конечно, было. И едва ли кто сможетъ эти факты „распущенности" поставить въ вину существовавшей власти. Послѣреволюціонная анархія разрушила начала государственности, и возстановить ихъ въ сознаніи и въ практикѣ было нелегко. Власть была безсильна подчасъ бороться съ „анархіей"... Приходилось лишь надѣяться, что съ установленіемъ нормальнаго быта положительное начало возьметъ верхъ надъ отрицательнымъ.

14 іюля отрядъ кап. Сатунина въ 81 человѣкъ въ с. Улляхъ, Алтайской губ., объявилъ отъ имени Сибирскаго правительства республику и ввелъ военное положеніе до Учредительнаго Собранія („Сиб. Вѣст." № 25). „Военное положеніе" всегда облегчаетъ проявленіе „политической мести", увеличиваетъ случаи разстрѣла арестованныхъ „при

*) Большинство этихъ отрядовъ, какъ показала послѣдующая практика, была наиболѣе устойчиво въ смыслѣ своего антибольшевизма.

попыткахъ бѣжать" и т. д. и т. д. Какъ разъ кап. Сатунинъ былъ преданъ суду за превышеніе власти и за беззаконные разстрѣлы. Не приходится удивляться, что въ освобожденной отъ большевиковъ Сибири въ первые дни послѣ переворота алтайскій, бійскій, енисейскій и другіе потребительные союзы*) вынесли протестъ по поводу разстрѣловъ „войсками Сибирскаго правительства кооперативныхъ работниковъ и общественныхъ дѣятелей, не принимавшихъ никакого участія въ совѣтскихъ административныхъ и военныхъ органахъ управленія" (Парфеновъ, 35). 2 іюля въ „Алтайскомъ Лучѣ" мы читаемъ слѣдующее письмо мѣстнаго губернскаго комиссара труда В. И. Шмелева по поводу убійства кооператора Сычева, примыкавшаго къ большевицкой партіи.

„Въ покойницкой лежитъ трупъ члена правленія алтайскаго союза кооперативовъ С. М. Сычева. Онъ сраженъ пулей, попавшей ему въ лицо и снесшей черепъ".

„Онъ вмѣстѣ съ другими заключенными (учителемъ Тихоновымъ и машинистомъ Дрокинымъ) переводился изъ одного мѣста заключенія въ другое, изъ зданія мужской гимназіи въ тюрьму. Но по пути, въ Дунькиной Рощѣ, они всѣ были убиты наповалъ, якобы при попыткѣ побѣга, какъ объясняютъ конвойные.

„Несомнѣнно, попытка бѣжать изъ подъ крѣпкаго караула въ числѣ пяти конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей могла быть сдѣлана послѣ весьма зрѣлаго и обдуманнаго намѣренія.

„Но вотъ что я знаю о намѣреніяхъ С. Сычева, котораго я видѣлъ въ день окончательго утвержденія въ Барнаулѣ власти времен. сибир. правительства, когда онъ, встрѣтивъ меня на улицѣ, попросилъ проводить его въ комиссаріатъ. Къ нему, видимо, какъ къ завѣдомому большевику и бывшему члену продовольственной управы, власти сдѣлали на квартиру визитъ, но дома не застали, такъ какъ онъ все это тревожное время провелъ за городомъ, далеко отъ событій.

*) Потребительская кооперація была повсюду наиболѣе большевиствующая. Это надо имѣть въ виду.

„Онъ знаетъ, что никакихъ обвиненій къ нему предъявить не могутъ, но общее нервное разстройство не позволяетъ ему сидѣть дома спокойно и ждать возможныхъ обыска и ареста, подвергаться риску случайныхъ эксцесовъ... Поэтому онъ рѣшилъ явиться въ комиссаріатъ съ предложеніемъ арестовать его, если это потребуется.

Совмѣстно съ помощникомъ уполномоченнаго министерства продовольствія и снабженія, И. Петрашкевичемъ, я проводилъ его въ слѣдственную комиссію, гдѣ и былъ составленъ протоколъ о его явкѣ, о чемъ было доведено и до свѣдѣнія военной власти. Сычева отпустили домой, такъ какъ никакихъ распоряженій и надобности въ его арестѣ не было.

„Позже онъ былъ все-таки арестованъ.

„А потомъ его застрѣлили въ Дунькиной рощѣ при побѣгѣ.

„Но зачѣмъ, спрашивается, было добровольно предлагать себя арестовывать, чтобы затѣмъ дѣлать попытку къ побѣгу?

„Какъ для гражданской, такъ и для военной власти должно быть ясно, что подобныя „случайности“ разрушаютъ необходимую работу по возстановленію гражданскаго правопорядка, и всякая власть, какова бы она ни была, берущаяся его установить, должна рѣшительно бороться съ такими „случайностями“.

„Необходимо гласное и публичное разслѣдованіе. Необходимо отвыкать отъ всего темнаго и закулиснаго, что намъ оставляютъ за собой, идущіе своей чередой политическіе курсы и режимы...

“Въ особенности, молчать не имѣютъ права сторонники и активные защитники сибир. врем. правит., въ платформѣ котораго, на ряду съ другими свободами, значится также и гарантія неприкосновенности личности. Губернскій комиссаріатъ и политическія партіи требуютъ гарантій, чтобы подобные случаи больше не повторялись“.

Какъ реагировала власть на требованіе Шмелева, мы не знаемъ, но мы увидимъ позже, какъ реагировали уча-

стники этой власти въ отношеніи аналогичныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто при верховномъ правителѣ адм. Колчакѣ.

Для борьбы съ беззаконіемъ въ военныхъ отрядахъ, новая сибирская власть по революціонной традиціи пыталась назначать комиссаровъ-уполномоченныхъ при командующихъ фронтами (напр., с. р. Фоминъ при Гайдѣ, В. Михайловъ при Гусарикѣ, командовавшемъ Барнаульскимъ фронтомъ). Эс-эръ Алексѣевскій въ дни допроса адм. Колчака ехидно его спрашивалъ по поводу организаціи центральной контръ-развѣдки: неужели такимъ образомъ надлежало бороться съ эксцессами? (135). Но что могли сдѣлать комиссары сибирскаго правительства хотя бы съ такимъ, напр., самовластнымъ начальникомъ, какимъ былъ, будущій ген. Гайда? Онъ съ легкостью производилъ массовые растрѣлы захваченныхъ въ плѣнъ мадьяръ. Я говорю „съ легкостью", потому что мы увидимъ, что Гайда былъ вообще довольно жестокъ и безпощаденъ. Вотъ сцена, зафиксированная въ воспоминаніяхъ кап. Кириллова, напечатанныхъ въ „Вольной Сибири" (IV, 55). На ст. Посольской былъ захваченъ помощникъ Гайды полк. Ушаковъ. Онъ и его адъютантъ-чехъ были „звѣрски" убиты. „На лицѣ полк. Ушакова было много штыковыхъ ранъ — все лицо его было обезображено и изуродовано, уши, носъ и языкъ отрѣзаны, глаза выколоты, все тѣло его также покрыто было глубокими штыковыми ранами". Тѣла убитыхъ были подобраны сибирскими войсками и чехословаками и засыпаны полевыми цвѣтами... „Въ этотъ моментъ доложили, что прибыла партія плѣнныхъ. Гайда, не оборачиваясь, рѣзко и твердо сказалъ „подъ пулеметъ". Партія плѣнныхъ, гдѣ было много мадьяръ, была немедленно отведена въ горы и разстрѣлена изъ нѣсколькихъ пулеметовъ..." *).

Уполномоченнымъ правительствомъ при I средне-сибирскомъ корпусѣ былъ эс-эръ Фоминъ. Падаетъ ли на него отвѣтственность за этотъ эксцессъ?

---

*) См. также у ген. Иностранцева „Первое порученіе адм. Колчака" (Б. Д. I, 101).

4. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ.

Члены правительства, избранные на тайномъ засѣданіи Сиболдумы, пока еще были въ нѣтяхъ. Эс-эры, вошедшіе въ Зап.-Сиб. комиссаріатъ, несмотря на свое нерасположеніе къ „буржуазіи“, не могли обойтись своими людьми при организаціи власти — страна и такъ была слишкомъ бѣдна культурными силами. Гинсъ довольно образно разсказываетъ, какъ Михайловъ, проявившій наибольшія организаціонныя способности и тактичность, создавалъ дѣловой аппаратъ управленія.

„Этотъ блѣдный человѣкъ, съ горящими черными глазами, работалъ день и ночь. Онъ немедленно созвалъ совѣщаніе изъ всѣхъ общественныхъ дѣятелей, выяснилъ положеніе финансовъ, продовольственное, нужды желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ приступилъ къ формированію отдѣловъ управленія и выясненію кандидатовъ на должности управляющихъ ими. Впрочемъ, совѣщаніе, гдѣ намѣчались кандидаты, было болѣе интимнымъ по составу: „буржуевъ“ на него не пригласили...

„Кандидатовъ на всѣ высшія должности было вообще очень мало. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ найти ихъ было тѣмъ труднѣе, что большевики еще не были отогнаны отъ Тюмени. Исходъ борьбы былъ далеко не ясенъ. Обыватель еще прятался въ раковину. Омская кооперація заявила Иванову-Ринову, что она не будетъ вмѣшиваться въ политику и останется только хозяйственной организаціей — обычный пріемъ уклоненія. Въ этотъ моментъ нужно было проявить много мужества, чтобы встать во главѣ власти. Между тѣмъ, нельзя было и прятаться за спины другихъ. Несвѣдущіе, совершенно не подготовленные къ практической работѣ люди могли сразу погубить начатое дѣло освобожденія.

„Не удивительно поэтому, что кандидаты намѣчались почти по наитію. Здѣсь не было, въ сущности, выборовъ, а намѣчались жертвы общественнаго долга Каждаго приходилось упрашивать“ (87—89).

Фактическое правительство Зап.-Сиб. Комиссаріата было создано. Эс-эры „максималистическаго“ толка, по

выраженію Колосова, пошли на уступки общественности. Но на первыхъ же порахъ стало проявляться принципіальное расхожденіе „дѣлового аппарата“ съ тѣми, кто являлся формально представителями верховной власти. „По всѣмъ... вопросамъ — говоритъ Гинсъ, занявшій постъ управляющаго дѣлами правительства — у Комиссаріата проявлялась либо нерѣшительность, либо прямая симпатія къ сложившимся при большевикахъ порядкамъ. „Совдепы“ должны быть сохранены, какъ профессіональныя организаціи, для обезпеченія завоеваній революціи... Денаціонализація можетъ быть примѣнена только по отношенію къ предпріятіямъ, лишеннымъ общественнаго значенія... Земельные комитеты неприкосновенны“... и т. д. (I, 93).

Неавторитетность ли Комиссаріата и неопредѣленность его уполномочій или просто желаніе принять непосредственное участіе во власти, побудили, наконецъ, членовъ правительства, избранныхъ 28 января, взять бразды правленія въ свои руки. Иниціаторами выступленія, по словамъ Гинса, были Патушинскій и И. Михайловъ. Этотъ актъ отъ имени Сиболдумы санкціонировалъ особой грамотой 30 іюня предсѣдатель Думы Якушевъ: „Нынѣ по прибытіи въ городъ Омскъ достаточнаго числа членовъ правительства, избранныхъ Сиб. Обл. Думой, Сибирское правительство въ лицѣ предсѣдателя Совѣта министровъ и мин. иностранныхъ сношеній П. В. Вологодскаго и членовъ Совѣта министровъ: мин. вн. дѣлъ В. М. Крутовскаго, министра финансовъ И. А. Михайлова, министра юстиціи Г. Б. Патушинскаго и министра туз. дѣлъ М. Б. Шатилова, принимаетъ на себя всю полноту государственной власти на всей территоріи Сибири“ („Хр.“ Прил. 66).

Это была своего рода Директорія, очень мало зависящая отъ того, что когда то Думой было избрано какое то правительство. И, конечно, совершенно правъ государствовѣдъ Гинсъ, отмѣчающій, что санкція, данная грамотой предсѣдателя Оболдумы, не соотвѣтствовала положенію, выработанному Думой о временныхъ органахъ управленія Сибирью, по которой верховная власть принадлежала самой Думѣ. Это было правительство, созданное жизнью,

идущей мимо нежизненныхъ фикцій и формальностей. Думы еще не было, а правительство было на лицо. И ему должна была принадлежать полнота власти на территоріи, освобожденной отъ большевиковъ. Это понялъ, по словамъ Гинса, Якушевъ, „тогда не успѣвшій еще окунуться въ партійную политику“ (I, 97). Но формально правительство свою дѣятельность сцѣпляло неразрывными узами съ Думой, что и послужило почвой, на которой выросли сложные и острые конфликты. Въ декларацiи омскаго правительства 4 іюля „торжественно“ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что „нынѣ оно одно (т. е. Вр. Сиб. Пр.) вмѣстѣ съ Сибирской Областной Думой является отвѣтственнымъ за судьбы Сибири... отнынѣ никакая иная власть помимо Вр. Сиб. Пр. не можетъ дѣйствовать на территоріи Сибири или обязываться отъ ея имени“. Не упоминая больше о Думѣ, правительство почитало „своимъ священнымъ долгомъ заявить, что созывъ Всесиб. Уч. Собр., которому оно передастъ свою власть, является его непреклоннымъ намѣреніемъ, къ скорѣйшему осуществленію котораго оно будетъ стремиться всѣми силами“. Однако... правительство полагаетъ также совершенно необходимымъ объявить не менѣе торжественно, что оно не считаетъ Сибирь навсегда оторвавшейся отъ тѣхъ территорій, которыя въ совокупности составляли державу Россійскую, и полагаетъ, что всѣ его усилія должны быть направлены къ возсоединенію россійской государственности“ („Хр.“ Прил. 70).

Сдача власти Комиссаріатомъ не прошла безъ треній. Возникло нѣкоторое колебаніе: сдавать или не сдавать власть?

„Случайно — разсказываетъ Гинсъ — я попалъ на совмѣстное засѣданіе членовъ Западно-Сибирскаго Комиссаріата и членовъ Сибирскаго Правительства, вечеромъ 30 іюня. Присутствовалъ и Якушевъ. Предсѣдатель Сидоровъ заявилъ, что Комиссаріатъ, прежде чѣмъ сдать власть проситъ членовъ Сиб. Прав. ознакомить съ ихъ программой. — Это любознательность или условіе? спросилъ Ив. Михайловъ.

„Сидоровъ не сумѣлъ уклониться отъ отвѣта. Тогда всѣ пренія направились въ русло формальнаго

вопроса: можетъ ли Комиссаріатъ противодѣйствовать вступленію во власть министровъ Сибирскаго Правительства, или ставить имъ, какія бы то ни было, условія? Имѣютъ ли право пять министровъ требовать присвоенія имъ правъ, принадлежащихъ пятнадцати избранникамъ Думы, и кто правомочнѣе: пять министровъ или четыре члена Комиссаріата, получившіе спеціальныя полномочія отъ всего (!!) Правительства? Пренія обострялись. Уже Патушинскій заявилъ, что если Комиссаріатъ не создастъ власти, то министры объявятъ объ этомъ отказѣ всему населенію. Уже, казалось, происходитъ разрывъ сношеній и переговоровъ, когда я взялъ слово и сталъ горячо убѣждать Комиссаріатъ передать власть Сиб. Пр-ву, потому что Сиб. Пр-ву, а не отдѣльнымъ лицамъ, присягали войска, отъ имени Сиб. Пр-ва дѣйствуютъ всѣ власти, за Комиссаріатомъ никто не пойдетъ, а авторитетъ власти будетъ расшатанъ".

„ — Вы правы! сказалъ мнѣ Якушевъ, котораго я тогда впервые видѣлъ. Подѣйствовали мои слова и на членовъ Комиссаріата. Власть была передана. „Переворота" не потребовалось" (98—101).

Для объективности слѣдуетъ прибавить, что Г. К. Гинсъ склоненъ вообще придавать своей иниціативѣ нѣсколько большее значеніе, чѣмъ она имѣла въ отдѣльныхъ случаяхъ. Дальше намъ придется встрѣтиться съ такими фактами. Сомнѣнія у членовъ Комиссаріата возникали, вѣроятно, потому, что при новомъ правительствѣ власть, какъ мы видѣли, призрачная, ускользала отъ эс-эровъ. Въ новомъ правительствѣ только Шатиловъ былъ, повидимому, строго партійнымъ человѣкомъ. Уже престарѣлый Крутовскій, издатель извѣстныхъ въ свое время „Сибирскихъ Записокъ", былъ близокъ по своему міросозерцанію къ народнымъ соціалистамъ. Извѣстный сибирскій адвокатъ Патушинскій, защитникъ при разслѣдованіи событій на ленскихъ золотыхъ пріискахъ, также примыкалъ къ этой политической группѣ и входилъ въ число областниковъ. Прис. пов. Вологодскій, заслуженный сибирскій общественный дѣятель, прежде числившійся въ рядахъ эс-эровской партіи, былъ отъ нея уже далекъ. Молодой ученый экономистъ Михайловъ, сынъ извѣстнаго народовольца, тов.

предсѣдателя петербургскаго союза сибирскихъ областниковъ, хотя и былъ членомъ эс-эровской партіи, но занималъ позицію, въ значительной степени ей противоположную.

Омское правительство состояло изъ „наиболѣе реакціонной части“ избраннаго въ январѣ сибирскаго правительства. Таковъ выводъ совѣтскаго исторіографа (Владимирова. 354).

Комиссаріатъ уступилъ правительству дорогу. Оно должно было явиться единственной полноправной властью для всей Сибири. Но за кордономъ была еще группа, претендовавшая на всесибирское признаніе. Это та группа членовъ январьскаго правительства, которая во главѣ съ Дербером выѣхала въ Харбинъ. Пока не было очищено Забайкалье отъ большевиковъ (начало августа) двѣ половины январьскаго правительства между собой сношеній не имѣли. 29 іюля Дербероская группа, выѣхавъ во Владивостокъ, тоже объявила, что на основаніи полномочій областной Думы вступаетъ въ права и обязанности центральной государственной власти въ Сибири. У Владивостокскаго правительства было болѣе „лѣвое“ настроеніе. (Его декларація и составъ въ „Хр.“ Прил. 50, 51).

Такимъ образомъ, въ Сибири появилось двѣ власти, претендовавшія на центральное значеніе.

ГЛАВА III.

На фронтѣ „Комуча“.

1. ТРИ ВЕРСІИ.

Оставимъ пока Сибирь. Познакомимся съ другимъ одновременно создавшимся противо-большевицкимъ фронтомъ — фронтомъ поволжскимъ. Здѣсь волею судебъ у власти также оказались соціалисты-революціонеры, но только въ роли народныхъ избранниковъ — членовъ разогнаннаго большевиками Учредительнаго Собранія.

На волжскомъ фронтѣ и роль чешскаго выступленія была гораздо значительнѣе.

„Не правы тѣ, которые теперь, заднимъ числомъ, воображаютъ, что чехославацкія части были факеломъ, который яко бы зажегъ противобольшевицкое движеніе“ — пишетъ въ своемъ коротенькомъ очеркѣ „Какъ подготовлялось волжское движеніе?“ *), одинъ изъ членовъ партіи с.-р., Брушвитъ, самъ принимавшій въ немъ активное участіе. Конечно, совершенно правильно Брушвитъ говоритъ, что „въ русской общественной средѣ готовились организованно къ выступленію противъ большевиковъ задолго до прихода чехословаковъ“. Но посколько рѣчь идетъ о Самарѣ, фактически правъ французскій консулъ въ Самарѣ, писавшій Нулансу въ августѣ: „ни для кого вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что безъ нашихъ чеховъ Комитетъ У. С.

*) Напечатанъ въ серіи очерковъ о гражданской войнѣ на Волгѣ, помѣщенныхъ по случаю исполнившагося десятилѣтія въ „Волѣ Россіи“ 28, кн. X, 93.

не просуществовалъ бы и одну недѣлю" (Владимірова, 356—6).

Участники самарскаго дѣйствія естественно склонны преувеличивать и свою роль и свою иниціативу. „Еще никакой Самары не было, а гражданская война уже гуляла въ степяхъ заволжья" — пишетъ другой эс-эровскій дѣятель на Волгѣ, Нестеровъ, имѣющій въ виду борьбу уральскихъ казаковъ противъ совѣтовъ и крестьянскія возстанія въ Николаевскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ. Организацію и этой борьбы Нестеровъ склоненъ приписать своей партіи, которая въ лицѣ областного Комитета заключила конвенцію съ казаками относительно общаго плана дѣйствій*). Общее возстаніе „нормально", по словамъ Нестерова, „должно было произойти осенью". Но „исторія рядомъ съ нашимъ движеніемъ и нашей подготовкой поставила въ порядокъ дня другое событіе: выступленіе чехословацкихъ „легій" и тѣмъ нарушила естественный ходъ событій" („В. Р." X, 109—19).

Брушвитъ придаетъ еще болѣе организованный характеръ самарскому начинанію — онъ ставитъ его въ непосредственную связь съ сибирскимъ движеніемъ. Командированный для зондированія почвы и налаживанія связи въ Сибирь, Брушвитъ встрѣтилъ тамъ организаціи, уже готовыя „поднять возстаніе". Въ началѣ мая онъ сговорился въ Томскѣ съ иниціаторами сибирскаго выступленія. Былъ выработанъ „общій тактическій планъ", согласно которому съ Волги должны были послать подкрѣпленія въ Сибирь. Самъ авторъ, „фотографически" излагающій факты, тутъ же добавляетъ: „это была романтическая идея" (93). „Съ чехами — говоритъ онъ — мы тогда даже и не считались, и не знали, что имъ тоже придется выступать". Дальше Брушвитъ сообщаетъ, что онъ получилъ отъ Гришина-Алмазова телеграмму о назначеніи выступленія на 15—16 мая. Къ этому времени приспѣло чехословацкое выступленіе, и Брушвитъ отправился въ Пензу для „связи"

*) Соглашеніе было выработано въ іюнѣ. Между прочимъ, въ проектѣ, опубликованномъ Лебедевымъ въ „Волѣ Россіи" (VIII, 69), подчеркивается паритетность въ руководящемъ движеніемъ органѣ.

съ ними. Не въ напечатанныхъ воспоминаніяхъ, а въ свое время на митингѣ въ Самарѣ*) Брушвитъ разсказывалъ, что онъ былъ встрѣченъ вначалѣ недружелюбно. Чехи вмѣшиваться не хотѣли, но тѣмъ не менѣе онъ убѣдилъ ихъ двигаться на Самару.

Третій участникъ волжскаго движенія с.-р. Лебедевъ, б. управляющій морскимъ вѣдомствомъ при Керенскомъ, иниціативу и организацію волжскаго движенія приписываетъ центру. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ той же „Волѣ Россіи“ (28, VIII) и по формѣ носящихъ характеръ „дневниковъ“**) Лебедевъ такъ излагаетъ разработанный въ Москвѣ планъ, отдавая пальму первенства, конечно, своей партіи. Въ высокихъ тонахъ написанъ этотъ апофезъ:

*) „Вѣст. Учр. Собр.“ 6 сент.; Владимирова, 322.

**) Записи сдѣланы Лебедевымъ, какъ поясняетъ редакціонное примѣчаніе, въ дни, указанные въ датахъ или нѣсколько позже описываемыхъ событій, но въ 1918 г. Не сомнѣваемся, что записи эти дѣлались, но надо предположить, что онѣ подвергались существеннымъ коррективамъ, иначе придется признать, что авторъ даетъ себѣ слишкомъ нелестную характеристику. Лебедевъ, среди другихъ входившій въ „Союзъ Возр. Россіи“, въ брошюрѣ, изданной въ Нью-Іоркѣ въ 1919 г. и воспроизводившей докладъ автора по пріѣздѣ изъ Россіи въ заграничномъ Союзѣ, называетъ „Союзъ Возрожденія“ объединеніемъ „руководящихъ элементовъ русской государственной жизни“ (11). Въ брошюрѣ Лебедевъ рисуетъ идиллическую картину согласованной дѣятельности „Союза Возрожденія“, „Національнаго Центра“, партіи к.-д., Савинковской организаціи, безпартійныхъ офицерскихъ организацій и партіи с.-р. на почвѣ возстановленія общесоюзнаго фронта для борьбы съ Германіей. „Всѣ ясно понимали“—писалъ Лебедевъ въ своемъ докладѣ—„что большевицкая власть сама по себѣ не можетъ долго продержаться, но нуженъ былъ какой-то толчокъ, какая-то внѣшняя сила, вокругъ которой и подъ прикрытіемъ которой могла бы сформироваться національная сила. Таковой силой могли явиться или Уральское казачество, ведшее у насъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ ожесточенную борьбу противъ большевиковъ на Уралъ, или а р м і я г е н. А л е к с ѣ е в а, находящаяся на югѣ Россіи, или же союзныя войска“... „Въ концѣ мая мнѣ пришлось ѣхать въ качествѣ особо уполномоченнаго отъ этихъ общественныхъ организацій на Волгу и дальше на Уралъ именно для веденія этой борьбы“ (12—14).

Въ своемъ „дневникѣ“ Лебедевъ уже усиленно подчеркиваетъ, что соц.-рев. къ „бѣлому“ движенію никакого отношенія не имѣли. Лебедевъ, повидимому, человѣкъ увлекающійся. Попавъ на волжскій фронтъ въ среду своихъ партійныхъ товарищей, онъ быстро измѣнилъ свои московскія настроенія. Но докладъ г. Лебедева былъ сдѣланъ уже послѣ ликвидаціи Самары. Слѣдовательно, если не предполагать позднѣйшей ретушировки „дневника“ согласно современнымъ взглядамъ одного изъ редакторовъ „Воли Россіи“, политически шедшаго до послѣдняго времени въ рядахъ „черновцевъ“, мы будемъ имѣть примѣръ довольно исключительнаго двурушничества.

„...Народныя массы смотрѣли съ надеждой на единственную большую партію соц.-рев., единственно могущую въ это время поднять знамя борьбы противъ большевизма.

„Всѣ ждали въ этотъ моментъ, что эс-эры выступятъ противъ новыхъ самодержцевъ. Что они прибѣгнутъ къ своему обычному пріему борьбы былыхъ временъ — террористическимъ актамъ — и что вслѣдъ за ними подымутся народныя массы. Совѣтская Россія въ этотъ моментъ уже представляла собой насыщенный растворъ, готовый для кристаллизаціи, и не хватало только сильнаго толчка, чтобы этотъ процессъ начался.

Надо было имѣть громадное мужество для того, чтобы, собравшись въ самой крѣпости большевизма и на глазахъ у всесильнаго посланника Германіи, графа Мирбаха, объявить на всю Россію необходимость возобновленія войны съ Германіей и большевиками. Партія это сдѣлала*).

Она первая и единственная сдѣлала это. На Дону Красновъ, на Украинѣ Скоропадскій и кадеты, въ Финляндіи — Маннергеймъ, въ Москвѣ — большевики пресмыкались предъ побѣдителемъ и, какъ во время татарскаго нашествія, изъ ханскихъ рукъ получали власть надъ народомъ. Иные же боролись противъ болшевиковъ, но оставались нейтральными по отношенію къ Германіи**).

8-ой совѣтъ Партіи Соц.-Рев. не побоялся взять на себя иниціативу борьбы, какъ партія***). (VIII, 61—62).

„У насъ не было сомнѣній, что мѣстныя военныя организаціи при помощи Уральскаго казачества и крестьянства быстро справятся съ мѣстными большевицкими силами.

Но справиться съ мѣстными большевиками было просто. Гораздо труднѣе было создать серьезный антигерманскій фронтъ. Союзники (ихъ представители) обѣ-

---

*) „Опираясь на финансовую и военно техническую поддержку союзниковъ", какъ говорилось въ „тезисахъ" для партійныхъ агитаторовъ, изданныхъ на основѣ резолюціи 8 совѣта (Владимірова 216).

**) Намекъ на Добровольческую Армію.

***) Восьмой Совѣтъ партіи происходилъ 20—27 мая, т. е. тогда, когда волжскій планъ, по словамъ Брушвита, не только былъ разработанъ, но и осуществлялся.

щали прислать дессантъ въ Архангельскъ и въ Сибирь черезъ Владивостокъ.

Правда и германцамъ было нелегко, даже опираясь на послушный имъ Совѣтъ Нар. Комиссаровъ, отправить сколько-нибудь крупныя силы на Волгу. Они къ тому времени безнадежно увязли на Украинѣ и рисковать посылкой войскъ за полторы тысячи верстъ отъ своихъ границъ въ глубь страны, объятой возстаніемъ, для нихъ было бы громаднымъ рискомъ. На этомъ строились всѣ наши разсчеты. Вкратцѣ планъ былъ таковъ. Возстаніе на Волгѣ, захватъ городовъ: Казань, Симбирскъ, Самара, Саратовъ. Мобилизація за этой чертой. Высадка союзниковъ въ Архангельскѣ и ихъ движеніе къ Вологдѣ на соединеніе съ Волжскимъ фронтомъ. Другой дессантъ во Владивостокѣ и быстрое его продвиженіе къ Волгѣ, гдѣ мы должны были держать оборонительный фронтъ до ихъ прихода...

Волга была избрана, какъ наиболѣе удачное мѣсто, потому что она была достаточно удалена отъ центра большевицкихъ силъ, потому что на ней происходилъ уже рядъ стихійныхъ крестьянскихъ и городскихъ возстаній, потому что на Волгѣ имѣлось много эвакуированнаго съ фронта вооруженія и потому что она представляла собою естественный барьеръ, за которымъ легко было начать развертываніе всѣхъ нашихъ силъ. И, наконецъ, за Волгой уже боролось и съ большимъ успѣхомъ демократическое уральское казачество и съ нимъ крестьянство двухъ сосѣднихъ уѣздовъ — Николаевскаго и Новоузенскаго.

Единственно, чего мы не знали — это когда, гдѣ именно и какъ начнется наше возстаніе Но мы глубоковѣрили въ то, что оно начнется“ (63—64).

Разъ неизвѣстно было, гдѣ и какъ начнется возстаніе, то, совершенно очевидно, не было и продуманнаго плана, а были лишь теоретическія размышленія, осуществленіе которыхъ могло быть постановлено въ зависимость отъ обстоятельствъ. Такъ и ставилось дѣло въ „Союзѣ Возрожденія“. Поднимая вопросъ о созданіи восточнаго противогерманскаго и противобольшевицкаго фронта, хотѣли избѣжать авантюръ — онѣ могли погубить борьбу за осво-

божденіе Россіи*). Ген. Болдыревъ, который будто бы вмѣстѣ съ Лебедевымъ разрабатывалъ возможный планъ возстанія на Волгѣ, ѣхалъ на Востокъ, а вовсе не на Волгу, для того, чтобы „встать во главѣ вооруженныхъ силъ". Поэтому Болдыревъ безъ колебаній отклонилъ отъ себя сдѣланное ему въ Самарѣ предложеніе занять постъ военнаго министра (28)**).

Я остановился на трехъ указанныхъ версіяхъ организаціи борбы съ большевиками на Волгѣ потому, что самарскій фронтъ, созданный искусственно и преждевременно, возникъ скорѣе въ противовѣсъ планамъ „Союза Возрожденія" и „Національнаго Центра" — двухъ основныхъ политическихъ организацій того времени. Форсируя выступленіе въ Самарѣ, творцы этого фронта хотѣли создать фронтъ Учредит. Собранія и тѣмъ самымъ поставить другія общественныя группы передъ совершившимся фактомъ. Безъ достаточной подготовки самарскій планъ превращался въ „авантюру". Идя въ разрѣзъ съ намѣченными комбинаціями, это выступленіе осложняло дѣло, а въ своихъ итогахъ нанесло чувствительный ударъ антибольшевицкому движенію.

2. ВЪ САМАРѢ.

На Волгѣ „сосредоточивались эс-эровскія силы для борьбы за Учредительное Собраніе, Революцію и Россію" — говоритъ въ своихъ первыхъ записяхъ Лебедевъ (VIII, 56). Совершенно очевидно, что это не было знаменемъ „Союза Возрожденія". Союзъ удареніе дѣлалъ на послѣднемъ словѣ и относился отрицательно къ идеѣ возстановленія власти стараго Учр. Собр., съ которой носилась партія, не смогшая въ январѣ этого У. С. отстоять.

---

*) Информація въ Москвѣ была очень слаба. См., напр., № 1 Бюллетеня „Союза Возрожденія". Экземпляръ переданъ мною въ Пражскій Архивъ.

**) О восточномъ фронтѣ, о предложеніи ген. Лаверна М. В. Алексѣеву прибыть въ Самару, когда откроется возможность, „для руководства всѣми войсками, дѣйствующими противъ большевиковъ" и о планѣ „крайнихъ правыхъ" по отношенію къ командованію заволжскимъ фронтомъ см. Декинина III, 87—88.

Я достаточно подробно останавливался въ книгѣ „Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны“ на позиціи эс-эровъ послѣ октябрьскаго переворота, въ дни защиты Учр. Собр. и начала гражданской войны*). Позиція партіи была двойственной и противорѣчивой съ того момента, когда, по мнѣнію соц.-революціонеровъ, наступила гражданская война. Брушвитъ этотъ моментъ опредѣляетъ разгономъ Учредительнаго Собранія**). Но въ дѣйствительности лишь съ конца мая соц.-рев. болѣе или менѣе захватываетъ идея восточнаго фронта, лишь VIII Совѣтъ партіи съ большей опредѣленностью устанавливаетъ тезисы о внѣшней и внутренней войнѣ. По показаніямъ на московскомъ процессѣ 1922 г. одного изъ руководителей военной комиссіи эс-эровъ, Дашевскаго, въ качествѣ центра былъ избранъ Саратовъ (Владимірова, 230). Выступленіе чеховъ перевернуло всѣ планы, и спѣшно была выдвинута Самара***).

Въ Самарѣ существовала безпартійная военная организація во главѣ со шт. кап. Галкинымъ, установившая нѣкоторыя отношенія съ мѣстной группой эс-эровъ. Силы ея были слишкомъ недостаточны для самостоятельнаго активнаго выступленія****). Чешскій генералъ Чечекъ въ своихъ воспоминаніяхъ подчеркиваетъ, что онъ и Брушвиту и ранѣе прибывшему изъ Самары делегату говорилъ: „мы

*) См. гл. II. „Большевизмъ и октябрьскій переворотъ“ — Комитетъ спасенія Родины и революціи, Борьба за Учр. Собр., Кризисъ революціонной общественности.

**) Другіе такой датой считаютъ октябрьскій переворотъ. Поэтому совершенно неосновательно приписывать идею насильственнаго низверженія большевиковъ исключительно партіи соц.-рев. Это дѣлаетъ Лебедевъ; это дѣлаетъ и другой самарскій партіецъ С. Николаевъ въ „Волѣ Россіи“: „Партія с.-р. ранѣе всѣхъ поняла и правильно опредѣлила дѣйствительную природу большевиковъ и ихъ власти. Для нея было ясно, что власть эта можетъ быть устранена только насильственно и только организованными силами самого народа“ (VIII, 235).

***) Позже въ Саратовѣ было подготовлено выступленіе, имѣвшее цѣлью открыть совѣтскій фронтъ уральскимъ казакамъ. Соотвѣтствующій заговоръ въ 4 арміи былъ раскрытъ въ августѣ. (См. Владимирова „Работа эсеровъ въ 1918 г.“ Кр. Арх. XX, 156—165).

****) Галкинъ былъ командированъ Штабомъ Добр. Ар., но связей съ послѣдней не имѣлъ. Посланная позже изъ Добр. Арміи въ Сибирь делегація во главѣ съ ген. Флугомъ въ мартѣ не могла Галкина разыскать въ Самарѣ. „Отчетъ о командировкѣ“. Арх. Рус. Рев. IX, 249.

въ Самару войдемъ, но задерживаться въ Самарѣ не будемъ, ваша организація это должна знать" („В. Р." VIII, 257). Въ то время, какъ Брушвитъ велъ „политическіе" разговоры съ чехами въ Пензѣ, Климушкинъ прощупывалъ мѣстныя партійныя организаціи. Представители соц.-дем. ему отвѣтили, что „мѣстная организація принципіально раздѣляетъ" позиціи эс-эровъ и является „сторонницей активной борьбы съ большевиками", но въ силу позиціи Центр. Комитета партіи вынуждена „воздержаться отъ активнаго участія въ борьбѣ съ большевиками" („В. Р." VIII, 224). Пошли эс-эры „на всякій случай" и къ кадетамъ. Представители мѣстнаго губернскаго комитета задали интервьюерамъ вопросъ: „Есть ли у Васъ свѣдѣнія, что чехи пробудутъ на Волгѣ такъ долго, какъ это потребуютъ наши русскіе интересы". Климушкинъ отвѣтилъ: „ни свѣдѣній, ни увѣренности въ этомъ у насъ нѣтъ". Тогда предсѣдатель Комитета Подбѣльскій заявилъ: при такихъ условіяхъ кадеты будутъ считать организацію такого предпріятія опасной*). Согласилась поддержать эс-эровъ только группа народныхъ соціалистовъ (Ib. 225—26).

Совершенно непонятно при такихъ условіяхъ заявленіе Лебедева (въ упомянутомъ докладѣ), что власть въ Самарѣ была вручена Комитету У. С. „по единогласному рѣшенію всѣхъ политическихъ партій и общественныхъ организацій" (15). Таково было рѣшеніе только партіи соц.-революціонеровъ. На происходившемъ въ Самарѣ 5 августа съѣздѣ членовъ партіи, бывшихъ на территоріи У. С., членъ самарскаго комитета Голубковъ разсказалъ, что при обсужденіи въ Комитетѣ вопроса объ организаціи власти выявилось два теченія: одно высказалось за созданіе коалиціонной власти, включая к.-д., другое — за власть только членовъ У. С. „Остановились на послѣднемъ. Съ этимъ согласились и Ц. К. и поволжскія организаціи". Эс-эры

*) Членъ партіи к.-д. Соловейчикъ въ своей брошюрѣ „Борьба за возрожденіе", изданной въ 1919 г. въ Ростовѣ н/Д., говоритъ, что въ серединѣ мая къ с.-р-амъ и кадетамъ въ конспиративномъ порядкѣ обращался французскій консулъ Жано съ предупрежденіемъ, что надо быть готовыми къ свержению совѣтской власти. Встрѣчено было это сообщеніе скептически.

подмѣнили — комментируетъ большевицкій историкъ, — „намѣченную въ Москвѣ Директорію учредиловкой“. Эту „измѣну“ позиціи „Союза Возрожденія“ с.-р. Веденяпинъ на съѣздѣ объяснялъ такъ: „С. В.“ предполагалъ создать власть, основанную на военной (?) диктатурѣ, для чего имѣлось въ виду выдѣлить тріумвиратъ съ неограниченными верховными полномочіями. Такая власть въ настоящее время не встрѣтила бы поддержки со стороны населенія“ *).

На дѣлѣ все было еще проще. Пришли чехи и взяли Самару, „какъ граблями сѣно“, по выраженію Чечека („В. Р.“ VIII, 211)—большевики сдали Самару почти безъ боя**). Въ операціяхъ подъ Самарой приняли участіе и мѣстныя военныя организаціи и „партійныя силы“. О послѣднихъ подчеркнуто говорилъ на съѣздѣ Веденяпинъ. А мемуаристу Николаеву уже кажется, что Самара была взята „офицерскими и крестьянскими боевыми дружинами“ до прихода чеховъ (В. Р. VIII 235)***).

6 іюня Комитетъ членовъ У. С. объявилъ о сверженіи совѣтской власти и о принятіи имъ на себя функцій высшей государственной власти: „Собравшись въ нашей штабъ-квартирѣ въ 5 час. утра — разсказываетъ Климушкинъ — мы, всѣ 5 членовъ У. С. (Вольскій, Брушвитъ, Климушкинъ, Фортунатовъ, Нестеровъ), основная пятерка, взявшая на свою отвѣтственность организацію вооруженнаго движенія, сейчасъ же отправилась въ городское самоуправленіе и вступила въ исполненіе своихъ обязанностей“ (231). Нѣсколько по другому изображаетъ этотъ моментъ въ своихъ воспоминаніяхъ измѣнившій учредиловцамъ с.-д. Майскій. Съ довольно злой ироніей онъ говоритъ: „вышепоименованная пятерка въ чешскомъ автомобилѣ и подъ чешской охраной была доставлена въ зданіе городской Думы и здѣсь объявила себя правительствомъ“ (60). Но и самъ Климушкинъ на митингѣ въ Самарѣ въ началѣ сентября 1918 г. излагалъ обстоятельства, при которыхъ появилось

*) Владимірова 323—24. Авторъ пользуетея протоколами Съѣзда.

**) При взятіи Самары у чеховъ было убито 7 человѣкъ; большевики потеряли 30.

***) Помѣщая тутъ же воспоминанія Чечека, редакція журнала даже не сдѣлала оговорки.

самарское правительство, приблизительно такъ, какъ изображаетъ Майскій: „Когда мы ѣхали въ городскую Думу для открытія Комитета въ автомобиляхъ подъ охраной, къ сожалѣнію, не своихъ штыковъ, а штыковъ чехо-словаковъ, горожане считали насъ чуть ли не безумцами"... „Въ первые дни мы встрѣчались съ величайшими трудностями... Реальная поддержка была ничтожна, къ намъ приходили не сотни, а только десятки гражданъ. Рабочіе насъ совершенно не поддерживали" (Владимірова 324).

3. НАРОДНАЯ АРМІЯ.

Народная власть въ Самарѣ была поддержана „лишь небольшой кучкой интеллигенціи, офицерства и чиновничества" (слова Брушвита на митингѣ). Въ бесѣдѣ съ самарскими кадетами Климушкинъ высказывалъ увѣренность, что чехи „неизбѣжно задержатся на Волгѣ долго" и „будутъ искать контакта съ русскими силами". И все-же надо было быть готовымъ къ тому, что чехи, согласно директивамъ свыше, покинутъ Самару. Единственной реальной вооруженной силой, которая могла быть въ рукахъ объявившаго себя верховной властью Комуча, являлись на самомъ дѣлѣ только добровольческія военныя организаціи, т. е. фактически ставку эс-эрамъ приходилось дѣлать на офицерскую среду. Что такое офицерство военнаго времени? Это — пестрый конгломератъ, включающій всѣ оттѣнки русской интеллигенціи; эта ея органическая часть, въ своемъ политическомъ и бытовомъ обликѣ имѣвшая мало общаго подчасъ со старымъ кадровымъ составомъ офицерства. Прежде всего это новое офицерство было демократично. Его политическія симпатіи были столь же разнородны, какъ разнородно и все общественное мнѣніе.

Самарское офицерство въ большинствѣ, конечно, было безпартійно. Это вовсе не значитъ, что оно было „политически индифферентно", какъ думаетъ Климушкинъ: „Плохо разбираясь въ политикѣ, оно было равнодушно къ тому, съ кѣмъ итти, лишь бы только драться съ большевиками

и поскорѣе ихъ свергнуть" (227). Патріотическій лозунгъ покрывалъ партійныя знамена. Поэтому даже несочувствующая старому Уч. Собр. офицерская среда откликалась на предложеніе совмѣстнаго выступленія и поддерживала Комучъ, возглавившій антибольшевицкое движеніе на Волгѣ. Она приняла знамя Уч. Собранія, шла подъ водительствомъ членовъ У. С., но дѣлала прежде всего патріотическое, а не партійное дѣло. Едва ли въ сердцѣ у каждаго былъ какъ бы заранѣе выгравированъ „лозунгъ — военная диктатура", которымъ поступиться заставила лишь тактика.

Психологія офицерства достаточно отчетливо выступаетъ въ воспоминаніяхъ кадроваго офицера полк. Степанова, напечатанныхъ въ кн. I „Бѣлаго Дѣла" („Симбирская операція"). Степановъ командовалъ I-мъ чешско-словацкимъ стрѣлковымъ Яна Гуса полкомъ*). Лебедевъ далъ ему такую характеристику въ своихъ записяхъ: „Симбирскъ 26 іюля... Сегодня ночью... Мы сдружились — я и Степановъ... Въ немъ мнѣ чувствуется (не ошибусь ли?) глубокій демократъ, человѣкъ, безконечно любящій Россію, и человѣкъ съ огромной волей. Я сталъ ему говорить о своей завѣтной мечтѣ — походѣ на Казань, Н.-Новгородъ, Москву. Степановъ весь загорѣлся... Мы переживали чудныя минуты... Жали руки и заключали союзъ: итти на Москву, сдѣлать все возможное, чтобы эта мечта превратилась въ дѣйствительность." (133). Свои личныя переживанія Степановъ излагаетъ, приводя бесѣду подъ Уфой съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, „членомъ праваго крыла кадетской партіи". Послѣдній говорилъ: „Монархическіе принципы такъ заплеваны и загажены, что врядъ ли встрѣтятъ какой-либо откликъ среди народа... Потому, какъ это ни тяжело признать, монархическіе лозунги, если вы ихъ выбросите, — потерпятъ фіаско. Мой совѣтъ вамъ вести дѣятельную борьбу подъ флагомъ возстановленія попранныхъ правъ I-го Всер. Уч. Собр.". „Долго думать не приходилось — добавляетъ авторъ воспоминаній—такъ какъ единственной

*) Между прочимъ онъ разсказываетъ, что еще въ Тамбовѣ, гдѣ чешско-словацкій корпусъ сосредоточился всѣми своими эшелонами, онъ предлагалъ замѣстителю Массарика Богдану Павлу выступить на Москву. Но предложеніе это сочувствіе не встрѣтило.

реальной силой фактически были чехо-словаки, которые не сдѣлали бы ни одного шага для борьбы съ большевиками подъ монархическимъ лозунгомъ" *) (85). Очевидно Степановъ, демократически настроенный, никогда не предлагалъ положить свой животъ „во имя славнаго дѣла партіи с.-р.", какъ выразился однажды Вольскій. Неизбѣжно между руководителями партійной эс-эровской политикой и этимъ идейнымъ офицерствомъ (легко сказать „реакціоннымъ офицерствомъ!") все глубже и глубже сказывалось расхожденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ начиналось со стороны офицеровъ и тяготѣніе въ Сибирь.

* * *

Господствовавшее среди офицеровъ настроеніе смущало самарскихъ эс-эровъ. „Мы ясно видѣли — пишетъ Климушкинъ — что офицерская среда чужда намъ, положиться на нее цѣликомъ мы не можемъ. Но мы такъ были увѣрены въ силѣ демократіи, въ силѣ тѣхъ массъ, которыя шли за нами, что офицерскіе планы насъ не очень пугали" (227). Не столько эта увѣренность, сколько сознаніе что безъ офицерства бороться нельзя (слова с.-р Утгофа) заставило съ самаго начала пойти на созданіе коалиціоннаго военнаго Штаба во главѣ съ полк. Галкинымъ, которому были вручены „чрезвычайныя уполномочія" при формированіи арміи и командованіи военными силами (Приказъ № 1). Въ штабъ вошло 5 группъ. Ихъ такъ опредѣлилъ на партійномъ съѣздѣ докладчикъ, одинъ изъ работниковъ Штаба, Грачевъ: 1) соц.-рев.: 2) безпартійные офицеры, организовавшіеся въ подпольѣ и работавшіе съ соц.-рев.; 3) без-

*) Авторъ разсказываетъ о посѣщеніи полк. Чечека въ Уфѣ депутаціей отъ уфимскаго „монархическаго объединенія" во главѣ съ гр. Толстымъ. Послѣ его ухода Чечекъ въ довольно грубой формѣ сталъ говорить: „До сихъ поръ ко мнѣ не явился ни одинъ монархистъ, который предложилъ бы мнѣ свою жизнь и силы для освобожденія своей Родины отъ германскихъ ставленниковъ". Если Степановъ вѣрно передаетъ квалификацію Чечека, то, повидимому, послѣдній не совсѣмъ разобрался въ составѣ делегаціи, бывшей у него. Надо предполагать, что дѣло идетъ о гр. Толстомъ — извѣстномъ уфимскомъ земскомъ дѣятелѣ, членѣ первой Госуд. Думы редакторѣ „Уфимской Жизни", погибшемъ въ качествѣ заложника въ Сарапулѣ. Онъ принадлежалъ къ партіи к.-д. (Гутманъ Б. Д. III, 149; „Памяти павшихъ", 62—63).

партійные и неорганизованные офицеры; 4) организованные еще въ подпольѣ монархисты; 5) офицеры изъ поволжскаго большевицкаго округа. Главнокомандующимъ войсками Комуча былъ назначенъ чешскій полк. Чечекъ.

Создавая армію, самарское правительство начало съ принципа добровольчества, приказъ о чемъ былъ изданъ въ первый же день (приказъ № 2, 8 іюля). Отличительнымъ знакомъ новой арміи была принята георгіевская лента наискось околыша. Этимъ выражалась „идея беззавѣтнаго мужества". Эс-эровскіе политики публицисты и историки обычно въ довольно восторженныкъ тонахъ говорятъ о народной арміи и о поддержкѣ, которую Комучъ встрѣтилъ въ массахъ. „Характерно, что большевики замалчиваютъ въ своихъ газетахъ наше грандіозное возстаніе" — записываетъ Лебедевъ 26 іюля... „Оно понятно, Учредительное Собраніе и Народная Армія такъ страшны для нихъ, такъ популярны, что даже руганью сопровождаемыя о нихъ свѣдѣнія являются пропагандой въ нашу пользу". „Это вѣдь не Скоропадскій съ Красновымъ и Алексѣевымъ" — патетически заключаетъ авторъ свою тираду (125).

Въ дѣйствительности же добровольчество не дало ожидаемыхъ результатовъ. Ген. Болдыревъ, прибывшій въ началѣ августа въ Самару, исчислялъ количество этихъ добровольцевъ въ 3000 человѣкъ. Майскій, бывшій министромъ труда въ самарскомъ правительствѣ, доводитъ число добровольцевъ до 5—6 тысячъ. Эти добровольцы вмѣстѣ съ чехами (3—4 тыс.)*) и выносили всю тяжесть борьбы... Комучъ вынужденъ былъ перейти къ принудительной мобилизиціи всѣхъ родившихся въ 1897—98 г.г. Населеніе „предпочитало мобилизаціи",— утверждаетъ Лебедевъ. Послѣ захвата Казани (7 авг.) власть Комуча простиралась на губерніи Казанскую, Самарскую, часть Уфимской и Симбирской. Къ моменту пріѣзда Болдырева число мобилизованныхъ опредѣлялось въ 50—60 тыс., среди которыхъ, по словамъ Болдырева, вооруженныхъ бойцовъ

*) Позже число чеховъ на всѣхъ волжскихъ фронтахъ, повидимому, доходило до 10 тыс.

насчитывалось лишь 30 тысячъ. Дѣйствительная сила не превышала 10 тысячъ.

Можно было продекламировать, какъ это сдѣлалъ на крестьянскомъ съѣздѣ появившійся 20 сентября въ Самарѣ Черновъ: „Народная армія должна быть мужицкой“ („Вѣст. Ком. У. С.“ № 63). Но крестьяне въ армію не шли*) или шли неохотно. Это общій голосъ, а не только злопыхательство Майскаго, въ своихъ воспоминаніяхъ утверждающаго, что объявленіе мобилизаціи сразу „испортило отношеніе между крестьянствомъ и новой властью“ (158). Данное мѣропріятіе было воспринято крестьянствомъ, какъ покушеніе на свободу отъ всякихъ государственныхъ повинностей, которыя, казалось имъ, только что были завоеваны (134). Эти мобилизованные были глубоко заражены — дополняетъ со своей стороны Болдыревъ — тѣмъ „общимъ отвращеніемъ ко всякимъ жертвамъ государственнаго порядка, которое тогда рѣзко проявлялось со стороны городского и деревенскаго обывателя“ (31). У насъ имѣется аналогичное авторитетное свидѣтельство соц.-рев., участвовавшаго, какъ и Майскій, въ строительствѣ самарской власти, попавшаго изъ Уфы въ Совѣтскую Россію, но не принесшаго покаянія. Это Утгофъ, начавшій было печатать въ „Быломъ“ очерки изъ дѣятельности учредиловцевъ на Волгѣ. Въ первомъ очеркѣ онъ съ достаточной категоричностью говорилъ, что борьбу вели чехи и добровольцы: „Народная армія лишь отягощала казну“. Причину неудачи Утгофъ видѣлъ въ отвращеніи населенія къ жертвамъ — будь то власть Совѣтовъ, Учред. Собранія, Колчака (16). Оцѣнки Утгофа совпадаютъ съ выводами Болдырева: „Народная армія... представляла боевой матеріалъ весьма невысокаго качества и являлась скорѣе обузой, требовавшей значительныхъ средствъ на ея содержаніе“. Къ тому же организаціонныя увлеченія приводили къ обычному бюрократизму: молодой капитанъ, начальникъ одного изъ главныхъ управленій арміи имѣлъ штабъ въ 65 человѣкъ и... „почти никакого имущества“ (57).

*) Крестьянскіе отряды, не отличавшіеся одиако большой устойчивостью, были въ Вольскѣ и Николаевскѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ — послѣсловіе къ „дневнику“ 28 г., — Лебедевъ всѣ послѣдующія неудачи на волжскомъ фронтѣ и деморализацію арміи склоненъ объяснить тѣмъ разложеніемъ тыла, которое яко бы спеціально производили эмиссары Сибирскаго правительства вкупѣ съ агентами генераловъ Алексѣева и Деникина (VIII, 211)*).

П. Н. Милюковъ въ послѣдней своей работѣ „Россія на переломѣ“ утверждаетъ, что причиной разложенія народной арміи являлось введеніе въ нее „демократическихъ“ началъ, погубившихъ армію въ февральскую революцію. Подобное утвержденіе, какъ я указывалъ въ своей критикѣ работы Милюкова, можно дѣлать лишь съ очень большими оговорками, такъ какъ специфически „демократическихъ“ началъ вовсе не было въ обиходѣ народной арміи. „Лѣвые“ круги и большевицкіе историки предъявляютъ организаторамъ народной арміи какъ разъ противоположныя обвиненія. „Кадромъ этой арміи — говоритъ совѣтскій военный историкъ**)—являлась подпольная офицерская организація съ опредѣленно выраженнымъ черносотеннымъ и монархическимъ характеромъ, въ силу чего въ этой арміи начали вводиться и всѣ старые дореволюціонные порядки старой армія“ ***). Помощники Галкина

*) Имѣются у Лебедева аналогичные выпады и въ „записяхъ“ 18 г. „Снова черная сотня на помощь большевикамъ“—записываетъ онъ 26 іюля по поводу какого-то призыва ген. Думбадзе къ офицерамъ поступать въ Сибирскую армію (129). Въ іюлѣ „черная сотня“ въ Сибири была въ сущности эс-эровская! Агитація Юга сказалась въ томъ, что Добровол. Армія въ началѣ іюля послала своего „агента“ Моллера завязать связь съ чехами (185). Объ этомъ ниже.

Характерно, что въ самые дни Самарской эпопеи эс-эровскіе политики, когда было нужно, козыряли своею связью съ Добровольческой Арміей. Такъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Веденяпинъ писалъ русскому посланнику Гулкевичу въ Стокгольмъ: „Мы находимся въ сношеніяхъ съ Добровольческой Арміей на Сѣв. Кавказѣ, организованной ген. Алексѣевымъ“. Подчеркиваніе это было нужно Веденяпину для того, чтобы воздѣйствовать на американцевъ (Д. Шапиро. По Сибири. „Сиб. Огни“ 22, № 3, 137).

**) Н. Какуринъ. „Какъ сражалась революція“. 1925, т. I, 156.

***) „Я хорошо помню—разсказываетъ Майскій—какой переполохъ произошелъ какъ-то на частномъ совѣщаніи наиболѣе вліятельныхъ работниковъ Комитета, когда членъ У. С. Н. И. Ракитниковъ высказалъ мысль о необходимости въ цѣляхъ борьбы съ реакціоннымъ духомъ въ арміи, командировать членовъ Комитета въ отдѣльныя войсковыя части въ качествѣ комиссаровъ, надѣленныхъ широкими полномочіями“ (160).

по организаціи арміи эс-эры Лебедевъ и Фортунатовъ (одно время Боголюбовъ) понимали, что пресловутая „демократизація“ арміи ведетъ только къ ея ослабленію: никакихъ комитетовъ и комиссаровъ, безпрекословное исполненіе всѣхъ приказовъ и военно-полевой судъ для неисполняющихъ ихъ — такова программа штаба въ обрисовкѣ Лебедева*) (докладъ). Майскій обвиняетъ самарскихъ учредиловцевъ въ томъ, что они боялись шевельнуть пальцемъ для осуществленія дѣйствительной демократизаціи арміи и безъ боя отдали „эту огромную силу въ руки монархистовъ и тѣмъ самымъ подготовили собственную гибель“ (163). Комитетъ У. С. не сумѣлъ подчинить себѣ армію и „превратился въ ея игрушку“ (149). Одновременно Майскій совершенно правильно ставитъ общій тезисъ: „Въ 1918 г. для каждаго изъ существовавшихъ тогда въ Россіи правительствъ вопросъ объ арміи ставился такъ: кто кого? Правительство ли сумѣетъ взять въ руки защищающую его армію, превративъ въ инструментъ своей власти, или же наоборотъ, армія возьметъ въ свои руки охраняемое ею правительство, превративъ его въ простую этикетку на своей винтовкѣ“ (148). Самарское правительство не сумѣло подчинить своему вліянію армію, но не потому, что оно стало игрушкой „бандъ“ Галкина, какъ выражается въ мемуарахъ б. министръ труда Комуча, которому на первыхъ порахъ по пріѣздѣ изъ РСФСР все казалось „милымъ и пріятнымъ“ у самарскаго правительства: „никакого намека на соціалистическую революцію“ (33) — армія разошлась съ общей политической позиціей правительства и не хотѣла подъ чужимъ партійнымъ соусомъ дѣлать свое патріотическое дѣло. Поэтому такъ настойчиво, „почти ультимативно“, одинъ изъ самыхъ доблестныхъ вождей Народной Арміи, подлинный герой гражданской войны, погибшій во время „ледяного“ отступленія въ Сибири, полк. Каппель**), заявилъ прибывшему Болдыреву (нач. августа)

*) Исключеніе среди большевицкихъ историковъ представляетъ только Анишевъ, авторъ работы: „Очерки исторіи гражданской войны 1917—1920“. (Лен. 1925), онъ говоритъ о „демократическихъ бирюлькахъ“, ускорившихъ развалъ самарской арміи (219).

**) Каппель съ самаго начала проповѣдывалъ согласованную борьбу

о „необходимости немедленнаго общаго и политическаго объединенія“ (Болдыревъ 31).

Этого объединенія старалось избѣжать самарское правительство...

4. БОРЬБА СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ.

Я не буду описывать ни боевъ, ни захвата городовъ—вообще не коснусь стратегіи волжскаго фронта. Это не входитъ въ мою непосредственную задачу. Первые два мѣсяца народная армія — пусть главнымъ образомъ добровольческія и чешскія части — имѣла успѣхъ. Успѣхъ опьянялъ. Начало почти всегда сопровождается нѣкоторымъ энтузіазмомъ. Въ добровольцы шли наиболѣе активные элементы. Плохо вооруженные, какъ и вездѣ, добывая себѣ въ бояхъ патроны и снабженіе (особенно тяжело — отмѣчаетъ Болдыревъ—было уральскимъ и оренбургскимъ казакамъ), эти добровольческіе отряды мужественно боролись за освобожденіе Поволжья.

Чехо-словаки тоже переживали „медовый“ мѣсяцъ — мѣсяцъ надеждъ и порыва. Они вѣрили въ помощь союзниковъ, которая приближается. Представитель французской военной миссіи въ Челябинскѣ, Гинэ, усиленно поддерживалъ эту версію (Т. Г. Масарикъ. II, 83). На запросъ полк. Степановъ, Гинэ „дважды совершенно оффиціально“ завѣрилъ, что корпусъ японцевъ уже подходитъ къ Читѣ и въ Владивостокѣ высаживаются три дивизіи французовъ, англичанъ и американцевъ, по прибытіи которыхъ чехамъ будетъ данъ отдыхъ (Б. Д. I, 89). 28 іюля Галкинъ въ засѣданіи Правительства дѣлаетъ „внѣочередное заявленіе“ со словъ французскаго капитана Барда, прибывшаго въ Самару отъ Нуланса и ген. Лаверна, о помощи финансовой и матеріальной, которую союзники не замедлятъ оказать Комитету У. С. (Журналъ засѣданія № 17. Влади-

---

съ большевизмомъ, независимо отъ политическихъ взглядовъ и партійной принадлежности. Его бесѣда съ членомъ У. С. въ Симбирскѣ. (С. Николаевъ. Народная армія въ Симбирскѣ. „В. Р.“ X, 126).

мірова. 329). Бардъ въ Симбирскѣ подтверждаетъ Лебедеву, что союзники уже подходятъ къ Вологдѣ*) и тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени провоцируетъ Лебедева на захватъ Казани.

Самарское правительство вѣритъ, разсчитываетъ и торопитъ съ „интервенціей". „Во что бы то ни стало надо побѣдить инертность американцевъ" — пишетъ Веденяпинъ Гулкевичу: „Ихъ страхъ передъ интервенціей въ русскія дѣла основанъ, очевидно, на недоразумѣніи. Присутствіе ихъ въ достаточной мѣрѣ есть лучшая гарантія того, что военная поддержка союзниковъ не превратится въ интервенцію и длинную оккупацію... Каждое замедленіе въ помощи союзниковъ военной силой и продовольствіемъ намъ и чехамъ равносильно измѣнѣ. Дѣйствуйте на общественное мнѣніе въ этомъ смыслѣ". Такъ писалъ довольно „лѣвый" по своимъ настроеніямъ членъ партіи соц.-революціонеровъ. Самарскій министръ иностранныхъ дѣлъ черезъ нѣкоторое время получилъ отвѣтъ отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Пишона. Тотъ писалъ: „Будьте увѣрены, что французское правительство привѣтствуетъ всякій симптомъ національнаго пробужденія въ Россіи и всячески поддержитъ васъ въ вашей задачѣ ея возсозданія". Люди вѣрили. Близкая возможная помощь окрыляла надеждами.

Окружающія настроенія содѣйствовали нѣкоторому самообольщенію. Лебедевъ, съ излишнимъ упоеніемъ говорящій въ своемъ „дневникѣ" о вліяніи эс-эровъ въ деревнѣ, (93) въ одномъ правъ: на лѣвомъ берегу Волги создалось опредѣленно враждебное отношеніе къ большевикамъ. Не только въ деревняхъ, близкихъ къ возставшимъ казакамъ, но почти повсемѣстно. У меня сохранился докладъ лица, командированнаго изъ Москвы на Востокъ „Союзомъ Воз-

*) На процессѣ эс-эровъ въ Москвѣ Маршанъ обвинялъ французское генеральное консульство въ сознательномъ обманѣ — „Оно вело цѣлую кампанію лжи и преувеличенныхъ слуховъ"... „Мнѣ было приказно, напримѣръ, сказать, что уже началась на Дальнемъ Востокѣ высадка японской арміи въ размѣрѣ чуть ли не 200.000 человѣкъ, въ то время, когда самъ генеральный консулъ сказалъ мнѣ, что, можетъ быть, японцы и не пойдутъ" (Владимірова, 214).

рожденія" *). Разсказывая о встрѣченномъ имъ антибольшевицкомъ настроеніи, онъ передаетъ, между прочимъ, что чуваши и черемисы избиваютъ людей съ совѣтскимъ паспортомъ и красноармейскихъ развѣдчиковъ. Несомнѣнно настроеніе такое было создано многочисленными карательными отрядами большевиковъ, которые прошлись по заволжскому краю и которые повсемѣстно возбуждали крестьянскія возстанія. Послѣднія естественно учащались по мѣрѣ продвиженія народной арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали этому продвиженію.

Большевицкій историкъ гражданской войны на Уралѣ (Подшиваловъ), описывая взрывъ крестьянскихъ движеній на Южномъ Уралѣ и въ Поволожьѣ (стр. 123), долженъ признать „политическо-психологическую неустойчивость массъ": „Деревня за деревней выходили съ ружьями, съ вилами, возникли крестьянскіе штабы, руководившіе возстаніемъ, появилась знаменитая крестьянская конница, вооруженная однѣми косами, но смѣло выступавшая противъ винтовокъ и пулеметовъ и вооружавшаяся потомъ захваченнымъ въ бою оружіемъ". Такими возстаніями весной и лѣтомъ 1918 г. были охвачены Самарская губ., Красноуфимскій и Шадринскій уѣзды Пермской губ., часть Бирскаго, Уфимскаго и Златоустовскаго уѣздовъ Уфимской губ., вся сѣверная часть Оренбургской губ.

Лебедевъ, какъ всегда, когда дѣло хоть косьвенно затрагиваетъ эс-эровъ**), въ повышенныхъ тонахъ описываетъ восторгъ населенія при паденіи большевицкой власти.

„Въ самой Казани населеніе встрѣтило насъ съ безпредѣльнымъ восторгомъ. Въ теченіе 34-хъ дней, которые мы тамъ оставались, во всѣхъ церквахъ служились молебствія, въ мечетяхъ то же самое. Желѣзнодорожные рабочіе образовали дружины противъ боль-

*) Онъ переданъ въ Пражскій Архивъ.

**) Къ этому мемуаристу болѣе, чѣмъ къ кому либо слѣдуетъ отнести пожеланіе, которое высказываетъ въ той же „Волѣ Россіи" Сухомлинъ: „мы въ правѣ ожидать отъ с.-р. не апологіи своей партіи, а безпристрастное изложеніе фактовъ („Политическія Замѣтки" X, 156).

шевиковъ; университетъ цѣликомъ примкнулъ къ намъ, городское и земское самоуправленіе приняло самое дѣятельное участіе въ работѣ по защитѣ города, по организаціи всего движенія и по пропагандѣ въ пользу формированія народной арміи. На текущій счетъ фонда народной арміи, учрежденнаго мною при Госуд. Банкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней поступило свыше 8 милл. рублей... Состоятельные классы обложили себя добровольнымъ пожертвованіемъ на народную армію въ суммѣ 30 милл. рублей. Я просилъ мусульманское населеніе дать мнѣ кавалерію, и въ теченіе сутокъ былъ сформированъ эскадронъ кавалеріи. Студенчество горячо откликнулось на призывъ и вмѣстѣ съ лучшею частью рабочихъ пошло въ добровольческіе полки. Офицерство сформировало четыре инструкторскихъ батальона, гдѣ оно дралось простыми рядовыми. Была создана могущественная артиллерія. Въ Казани большевики нѣсколько разъ производили мобилизацію лошадей, и поэтому было весьма ограниченное количество лошадей; но когда я обратился къ Городской Думѣ съ просьбой доставить мнѣ лошадей, гласные въ теченіе ночи бѣгали по всему городу и къ утру было приведено 1500 лошадей. Крестьяне изъ окрестныхъ деревень вели лошадей для народной арміи. Даже тѣ, у кого было только 2 лошади, вели къ намъ одну на народную армію".

Въ противовѣсъ позднѣйшему заявленію Майскаго Лебедевъ подчеркиваетъ сочувствіе рабочихъ и непосредственное подчасъ ихъ участіе въ антибольшевицкой борьбѣ (Сызрань, Симбирскъ, въ Уфѣ создался особый отрядъ изъ желѣзнодорожниковъ). Подъ 26 іюля у него между прочимъ, записано: „Сегодня пришла пробравшаяся делегація отъ сормовскихъ рабочихъ изъ Нижняго-Новгорода" (128) *).

Каково было мѣстами настроеніе показываетъ знаме-

*) На Сормовскихъ заводахъ было ярко антибольшевицкое настроеніе. Когда въ іюнѣ большевики поставили вопросъ о націонализаціи заводовъ, изъ 18 тысячъ высказалось „за" — 300 и воздержавшихся было 150 человѣкъ. Въ томъ же іюнѣ латышскимъ отрядомъ была разогнана безпартійная конференція рабочихъ. Участникъ этой конференціи Уповаловъ говоритъ, что зданіе конференціи было окружено нѣсколькими тысячами рабочихъ („Заря" Берлинъ. 1923, № 2).

нитое въ лѣтописи гражданской войны августовское возстаніе въ Сарапульскомъ уѣздѣ во главѣ съ рабочими Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ. Это движеніе, проникнутое, какъ нигдѣ, идеалистическими побужденіями, показываетъ какихъ результатовъ можно было бы достигнуть среди населенія при подходящихъ условіяхъ. Конечно, и на отдаленномъ отъ Самары фронтѣ въ сущности дѣйствовало только меньшинство, и здѣсь мы встрѣтимся съ ослабленіемъ жертвенности по мѣрѣ растущихъ затрудненій. Это естественно, и не только въ періодъ гражданской войны настроенія быстро мѣняются *). И все-таки народное движеніе въ Сарапульскомъ уѣздѣ при всемъ трагизмѣ своего исхода отрадное явленіе народной жизни. Русскій народъ не такое ужъ быдло, какъ готовы изображать иностранные участники гражданской войны въ Россіи. Одно существованіе ижевско-воткинскаго фронта опровергаетъ само по себѣ „непреложный фактъ", который открыла впослѣдствіи нѣкоторая часть эмигрантской демократической публицистики, а именно: „народъ этой войны упорно не принималъ" (М. Вишнякъ „Сов. Зап. XL, 474)...

Сознательное меньшинство среди повстанцевъ стойко выдержало испытаніе, до конца выполнивъ клятву, о которой говоритъ тотъ же рабочій Уповаловъ — не поло-

*) И чѣмъ менѣе культуренъ человѣкъ, тѣмъ большую роль играетъ у него настроеніе. Это правильно отмѣтилъ, говоря о настроеніяхъ Сибири, передовикъ газеты „Сибирь" (№ 52). Можетъ быть, въ этомъ отчасти ключъ къ загадкѣ, которую съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ долженъ отмѣтить Сухомлинъ въ „Волѣ Россіи"; одни и тѣ же рабочіе, крестьяне, солдаты во время революціи переходили изъ одного лагеря въ другой (X, 158).

Въ ижевскомъ и воткинскомъ движеніи въ сущности такой перемѣны настроенія мы не замѣчаемъ — оно оставалось рѣзко антибольшевицкимъ. Было ослабленіе воли и жертвенности въ широкой массѣ, когда начались въ сентябрѣ тяжелые дни. Тогда на изолированномъ, предоставленномъ самому себѣ фронтѣ начинаетъ замѣчаться ослабленіе активной поддержки повстанцевъ со стороны крестьянъ. (Какуринъ I, 97). По свидѣтельству участника движенія Уповалова по мѣрѣ увеличенія арміи (она подъ руководствомъ на воткинскомъ фронтѣ кап. Юрьева и на ижевскомъ подъ начальствомъ кап. Федичкина, достигла болѣе 30 тыс. бойцовъ, имѣла 100 орудій, нѣсколько сотъ пулеметовъ, взятыхъ въ бояхъ) вообще ухудшилось ея качество („Заря" № 4). Исполнительный комитетъ принужденъ былъ даже утвердить примѣненіе смертной казни за бѣгство съ фронта; смертная казнь была введена въ октябрѣ распоряженіемъ штаба Нар. Арміи („Ижевел. въ огнѣ" 76; Гутманъ Б. Д. III 157).

жить оружія въ борьбѣ съ большевицкой деспотіей до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не взойдетъ солнце свободы („Заря“ 23 г. № 4). Мы встрѣтимся съ ними въ Сибири — это были лучшія части колчаковскаго войска, соединившіяся съ сибирской арміей ген. Пепеляева и эвакуировавшіяся вмѣстѣ съ частью населенія (20 тыс.) съ родины. Подъ руководствомъ Каппеля они прошли всю Сибирь — сдѣлали свой „ледяной походъ“. Безъ достаточнаго основанія всѣ заслуги по организаціи и руководству этимъ уральскимъ движеніемъ дѣятели Комуча приписываютъ себѣ. Возставшими была формально признана власть образовавшагося прикамскаго Комитета У. С. *). Все движеніе отнюдь не было связано съ агитаціей эс-эровъ и возникло въ значительной степени наперекоръ оффиціальной позиціи с.-д. Движеніе носило совершенно самобытный характеръ. Возникло оно въ союзѣ фронтовиковъ, гдѣ существовала нелегальная „офицерская“ организація во главѣ съ кап. Юрьевымъ („монархистомъ“ по квалификаціи с.-р. Ракитникова. Гутманъ называетъ его соц.-демократомъ). Получилось красивое содружество ко дню возстанія 8-го августа. 200 офицеровъ, работавшихъ на заводахъ (въ большинствѣ, повидимому, принадлежавшихъ къ мѣстному рабочему и крестьянскому населенію) организовали армію. Крестьяне дали хлѣбъ и обмундированіе. Рабочіе были то у станка, то временно уходили на фронтъ (Уповаловъ). Примкнули къ организаціи и эс-эры и отчасти меньшевики.

Непосредственнаго отношенія къ дѣятельности какихъ-либо партійныхъ организацій не имѣло и августовское возстаніе въ Красноуфимскомъ уѣз. Пермской губ., а равно и партизанскіе отряды въ Осинскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ **).

---

*) Ганъ (Гутманъ) въ цитированной статьѣ („Два возстанія“) указываетъ, что никакого энтузіазма здѣсь не наблюдалось. Въ роту Учр. Собр. записалось всего нѣсколько человѣкъ учащихся и интеллигентовъ („Б. Д.“ III, 152) См. также его книгу „Россія и большевизмъ“ ч. I Шанхай 1921 г.

**) На Уралѣ вообще были особыя условія. Брестъ-литовскій миръ оказался — разсказываетъ рабочій Струмилло въ „Запискахъ“, также напечатанныхъ въ берлинской „Зарѣ“ (23 г. № 4) — „поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи рабочихъ“. Забастовавшій Верхне-Тагильскій заводъ, бывшій цитаделью большевиковъ, превратился во враждебный имъ лагерь.

Успѣхъ легкаго продвиженія чеховъ и Народной Арміи въ первые два мѣсяца объясняется и состояніемъ военной силы большевиковъ. Лучше вооруженная, значительно превышавшая народную армію по количеству, техническому оборудованію — артиллеріей, броневиками, пароходами, — большевицкая армія на Волгѣ еще не представляла собой серьезной активной силы. Совѣтской власти, дѣйствительно, приходилось опираться на интернаціональную рать латышей, китайцевъ, мадьяровъ и добровольцевъ коммунистовъ. Только эти части дрались хорошо. Среди бумагъ Лебедева сохранилась показательная телеграмма командовавшаго фронтомъ Вацетиса изъ Сарапуля въ Москву 9 августа: „Бои за Казань — сообщаетъ Вацетисъ — обнаружили совершенную небоеспособность рабочихъ дружинъ, организація каковыхъ существовала лишь на бумагѣ... Къ вечеру шестого всѣ рабочія боевыя дружины разсѣялись... Войска оказались крайне недисциплинированными... вся тяжесть обороны легла на пятый латышскій стрѣлковый полкъ... Что касается русскихъ частей, то въ своей массѣ онѣ оказались къ бою совершенно неспособными“ (161). Приводитъ Лебедевъ и другой документъ, попавшій въ руки вождямъ народной арміи подъ Симбирскомъ: лента переговоровъ по юзу Тухачевскаго, находившагося въ Симбирскѣ, съ матросомъ Пугачевскимъ, командовавшимъ на линіи желѣзной дороги. „Что же — говорилъ послѣдній и тутъ слѣдовало невыразимое ругательство — не присылаешь подкрѣпленія. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: присылай“.

* * *

— „Развѣ же не знаешь—отвѣчалъ другой и слѣдовало то же самое ругательство — что вся моя сволочь разбѣгается“.

Сами большевики должны признать, что извѣстный приказъ назначеннаго командовать фронтомъ „лѣваго с.-р.“ Муравьева о прекращеніи гражданской войны и заключеніи мира съ чехо-словаками былъ встрѣченъ его арміей очень сочувственно („Прол. Рев.“ № 75, 65). Можетъ быть, Му-

равьевъ и образовалъ бы свою „лѣво-эс-эровскую поволжскую республику“ въ Симбирскѣ, а затѣмъ и перешелъ бы на сторону уже настоящихъ противниковъ большевиковъ*) — ничего принципіальнаго въ этомъ типичномъ авантюристѣ не было, — если бы такъ глупо не попался въ лапы латышскаго отряда.

Первоначальный успѣхъ рисовалъ передъ экспансивнымъ Лебедевымъ уже въ ближайшей перспективѣ Москву. Онъ недоволенъ, что Комучъ и Штабъ сдерживаютъ его пылъ: „Нашъ единственный, но вѣрный шансъ на побѣду— безостановочное движеніе впередъ. Комучъ долженъ быть правительствомъ въ вагонѣ и итти за арміей въ Москву, пока большевики дезорганизованы“ (125, 128—129). Принципъ въ гражданской войнѣ въ общемъ, быть можетъ, и правильный. Въ элементарной стратегіи волжскаго воителя, б. лейтенанта французской службы, все, однако, слишкомъ упрощено: „мы шли по Волгѣ такъ же, какъ шли къ Симбирску, т. е. оставляя вправо и влѣво на берегахъ Волги значительные отряды большевиковъ, не обращая вниманіе на то, что дѣлалось по бокамъ и сзади насъ, какъ бы загипнотизированные одной мыслью — взять Казань... Большевики, не ожидая такой необычайной дерзости, не предприняли никакихъ мѣръ для нашей встрѣчи“ (докладъ 39—40). И Казань была взята вопреки прямому запрещенію командовавшаго войсками Чечека.

Лебедевъ своей экспансивностью заразилъ и Степанова, и Каппеля и доблестнаго Швеца, самоубійство котораго, столь похожее на кончину нашего Каледина, запечатлѣло его имя на страницахъ міровой исторіи. И тотъ и другой своей смертью хотѣли остановить начинавшееся разложеніе — передъ однимъ были казаки, передъ другимъ чехо-словаки. Среди освободителей Казани былъ и вскорѣ погибшій подъ Зеленымъ Доломъ сербскій майоръ Благотичъ съ отрядомъ въ 300 человѣкъ**). Лебедевъ кокетни-

*) Въ приказѣ Муравьевъ предписывалъ двигаться вмѣстѣ съ войсками Народной Арміи противъ Германіи (В. Р. VIII, 209). Любопытно, что 4 губ. съѣздъ совѣтовъ одобрилъ поведеніе Муравьева и убійство Мирбаха. („Пролет. Рев.“ № 8).

**) При взятіи Казани 10 чел. сербовъ во главѣ съ музыкантами,играв-

чаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказывая о письмѣ Фортунатова въ Комитетъ У. С. съ просьбой отдать всѣхъ подъ судъ и разстрѣлять для примѣра войскамъ за неисполненіе боевого приказа. На побѣдителей сыпался „градъ поздравленій“ — отъ Комуча до Чечека*). Взятіе Казани передавало новой власти сконцентрированный тамъ значительный золотой запасъ. Но въ дѣйствительности Казань смогла удержаться въ рукахъ Народной Арміи только въ теченіе одного мѣсяца.

Ген. Андогскій, начальникъ Военной Академіи „плѣненный“ въ Казани, превозносившій „таланты“ эс-эровскихъ стратеговъ, въ разговорѣ съ Зензиновымъ докладывалъ, что взятіе Казани является „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ событій военной исторіи“. „Кажется — разсказываетъ Майскій — онъ сравнивалъ его съ взятіемъ Очакова Петромъ Великимъ“ (28). Но побѣда подъ Казанью скорѣе Пиррова побѣда. Этого не хотѣли понять Лебедевъ и Фортунатовъ. „Одержанная побѣда пьянила имъ голову, и они съ увѣренностью утверждали, что не позже, какъ черезъ два мѣсяца всѣ мы будемъ въ Москвѣ“ — такъ говорилъ Лебедевъ Майскому при встрѣчѣ въ Казани (Майскій 27). Самъ Лебедевъ записывалъ: „Сегодня ночью (4—5 авг.) былъ заключенъ настоящій союзъ. Степановъ и Каппель послѣ моихъ рѣчей о будущихъ походахъ подали другъ

шими марсельезу, привели въ крѣпость сдавшійся имъ латышскій полкъ.

*) Какъ легко post factum создавать легенды видно изъ освѣщенія вопроса о взятіи Казани, которое начинаетъ просачиваться уже въ литературу. Лебедеву теперь кажется, что отмѣна Чечекомъ продвиженія на Казань была сдѣлана подъ вліяніемъ „агентовъ“ Алексѣева и Деникина Добровольческая Армія сама первой хотѣла выйти на Волгу (Примѣчаніе 19 В. Р. VIII, 185). Авторъ книги „Чехословаки въ Россіи“ (1928) русскій чехъ Драгомирецкій, использовавшій огромную литературу, но, къ сожалѣнію, не всегда въ ней разбирающійся — мѣшала оправдательная тенденція, которая сквозитъ въ трудѣ — взятіе Казани приписываетъ уже интригѣ Сибирскаго правительства (182): Сибирь де не хотѣла соединиенія съ Деникинымъ, которое произошло бы, если бы былъ взятъ Саратовъ, какъ желало верховное чехословацкое командованіе. Такимъ образомъ г. Лебедевъ выступаетъ здѣсь какъ бы въ видѣ „агента“ Сибирскаго правительства! А вотъ объективный ходъ событій. Вольскій пишетъ Лебедеву 16 авг.: „По нашимъ свѣдѣніямъ къ Саратову приближается Алексѣевъ, но не будетъ брать Саратова, если мы двинемъ туда свои силы“ (В. Р. VIII, 168). Д. Армія была далека отъ принципа конкуренціи въ гражданской войнѣ.

другу руки и дали слово итти на Москву. Я... (многоточіе у автора С. М.), а Фортунатовъ сидѣлъ и блаженно улыбался. Это было въ каютѣ доктора Григорьева, недавняго приверженца Савинкова, пробившагося къ намъ. Милый докторъ просвѣтлѣлъ, улыбнулся и записалъ дату въ свою книжку. Эта дата... Здѣсь снова рѣшалась судьба Россіи. Здѣсь изъ мечтаній о Москвѣ выросла желѣзная рѣшимость дойти до Москвы. Какъ чудесно жить на свѣтѣ!.. Моя мечта о Москвѣ сбывается... Иначе и жить не стоитъ. Ночь эта была въ Богородскѣ на Волгѣ" (150). Сцена, зарисованная на подобіе исторической клятвы Герцена и друзей на Воробьевыхъ горахъ подъ Москвой, въ XX вѣкѣ не имѣетъ той наивной романтической прелести, которая вѣетъ со страницъ „Былое и Думы". Въ этихъ строкахъ подражанія знаменитому образцу чувствуется лишь искусственность и литературная фальшъ.

... „Если бы въ это время обѣщанная помощь (со стороны союзниковъ) намъ была бы оказана" — говорилъ впослѣдствіи въ своемъ докладѣ Лебедевъ — если бы у насъ въ это время было хоть два лишнихъ полка, мы несомнѣнно двинулись бы къ Н.-Новгороду и положеніе было бы совершенно инымъ... Но у насъ не было лишнихъ силъ... (47).

„Если бы мы знали навѣрное, что тѣ части японцевъ и американцевъ, составляющія въ общемъ не менѣе 50 тыс. человѣкъ, которыя высадились во Владивостокѣ, и не подумаютъ притти къ намъ въ ближайшее время на помощь, если бы мы знали, что нашъ фронтъ предоставленъ самому себѣ и чехамъ, то весьма вѣроятно, что мы, вмѣсто того, чтобы пробивать дорогу во Владивостокъ и растягиваться на протяженіе 7 тыс. верстъ въ глубину и 500 верстъ въ ширину на одномъ волжскомъ фронтѣ, сконцентрировали бы всѣ свои войска, двинулись бы на Москву еще въ іюлѣ или началѣ августа мѣсяца послѣ взятія Казани, и судьба Россіи была бы иная, потому что вмѣстѣ съ паденіемъ Москвы рухнуло бы и вліяніе совѣтской власти. Для этого марша у насъ было достаточно силъ, но у насъ не было достаточно силы для него при условіи защиты волжскаго

фронта и ожиданія союзниковъ, которые все не шли" (49-50).

Все это — „стратегическія" фантазіи. Болѣе уравновѣшенный Вольскій писалъ Лебедеву 16 августа: „Думаю, что едва ли правильно оторвать фронтъ еще дальше Казани. Силъ не будетъ впредь сдерживать врага. Чехи истомлены. Наши молодыя силы невелики и накопляются медленно". Лебедевъ и въ комментаріяхъ 1928 г. къ „дневнику" отстаиваетъ правильность своей тогдашней позиціи, причемъ онъ рисуетъ картину, которой, какъ мы видимъ, не было въ дѣйствительности.

„Демократическія и соціалистическія силы, сгруппировавшіяся вокругъ „Комуча", мощныя на Волгѣ, бывшія въ состояніи бросить въ августѣ мѣсяцѣ всѣ свои вооруженныя части впередъ и итти, въ случаѣ возможнаго успѣха въ центръ Россіи и къ Москвѣ, превращая „волжскій фронтъ" изъ гипотетическаго „Восточнаго" во фронтъ борьбы за немедленный захватъ власти, не могли этого больше сдѣлать въ ноябрѣ 1918 г. Ихъ связывали: общая съ ихъ разноголосыми союзниками военная и административная организація и проигрышъ кампаніи на Волгѣ, происшедшій какъ разъ въ этотъ періодъ на почвѣ обороны, диктовавшейся идеей превращенія Волги въ „Восточный фронтъ". Этотъ проигрышъ обезсилилъ силы демократіи и окрылилъ силы реакціи...

Все остальное явилось логическимъ выводомъ изъ этой основной предпосылки. Сжатыя между реакціей и большевизмомъ партія и руководимыя ею массы прекратили вооруженную борьбу" (211).

Виновниковъ отыскивать легко*). Но именно въ августѣ, въ „моментъ наивысшаго расцвѣта политическаго и военнаго могущества Комуча", началась на фронтѣ неудача.

---

*) Повѣствованніе Лебедева съ оттѣнкомъ большого самохвальства слѣдуетъ сопоставить съ критическими замѣчаніями Дикгофъ-Деренталя („Изъ перевернутыхъ страницъ" „На чужой Ст." 1923 г., II), Между прочимъ по его словамъ при взятіи Казани значительную роль играли остатки Савинковскаго отряда, спустившіеся послѣ неудачи въ Рыбинскѣ и Ярославлѣ внизъ по Волгѣ. Изъ семи участковъ четыре держали члены „Союза Защ. Род. и Св." (59).

Въ августѣ — въ началѣ августа, отмѣчаетъ уже Болдыревъ разложеніе арміи, организація которой едва еще началась. Боевые запасы приходили къ концу, а союзники занимались пока больше „совѣтами“. Начинается отступленіе — въ сентябрѣ Армія разбѣгается по домамъ или переходитъ на сторону „красныхъ“ (Какуринъ I, 157). Большевицкаго военнаго историка можно заподозрить въ пристрастіи, но въ сущности объ этомъ говорятъ факты. И Майскій утверждаетъ, что мобилизованные не сражаются (260), и чехъ кап. Голечекъ говоритъ, что народная армія въ „критическій моментъ напора большевицкихъ силъ почти совершенно разваливается“ *), и Савинковъ отмѣчаетъ, что Казань защищаетъ чешскій полкъ Швеца и послѣ смѣны его только офицеры добровольцы (Владимірова 336). Спасти положеніе дѣлъ не могли уже ни латышскіе батальоны, которые пытается организовать Брушвитъ**) для сопротивленія „нападающему германскому имперіализму“, ни партійныя добровольческія боевыя дружины, оживить которыя стараются въ Самарѣ (Майскій).

Самарскіе политики всю вину пытаются возложить на другихъ. Большевики перебросили на волжскій фронтъ якобы 150 тысячъ и получили въ свои руки чье-то опытное руководство. (Тогда успѣхи большевиковъ объяснились участіемъ нѣмецкихъ офицеровъ и даже нѣмецкихъ регулярныхъ частей)***). Въ этотъ моментъ Дутовъ, вступленіе котораго въ Комучъ довольно торжественно привѣтствовалось эсъ-эрами 15 іюля, не помогъ со своими оренбургскими казаками — не помогъ потому, что радовался де развалу фронта учредиловцевъ. Не помогло совершенно сознательно и Сибирское Правительство. По этому поводу Болдыревъ замѣтилъ: „Эгоизмъ Омскаго правительства оправдывался до извѣстной степени необходимостью окон-

*) Въ 1919 г. въ Иркутскѣ Инф.-Просв. Отдѣломъ Чехосл. Воен. Мин. была издана брошюра Голечека: „Чехословацкое войско въ Россіи“. стр. 77.

**) Собраніе 26 августа въ Самарѣ, на которомъ, по отчету „Сибири“, (№ 39) присутствовало до 400 представителей мѣстныхъ латышей.

***) Руководители кр. арміи на вост. фронтѣ дѣйствовали весьма рѣшительно, введя военно-полевые суды и разстрѣливая дезертировъ. (Анишевъ. Op. cit. 151).

чанія подготовки нарождающейся Сибирской арміи. Истинная причина была, конечно, гораздо глубже. При тѣхъ стремленіяхъ, какими было заражено Сибирское правительство, всякая неудача Самары, въ томъ числѣ и колебанія боевого престижа арміи „Учредилки", было несомнѣнно, весьма выгодно" (31). Большевицкій комментаторъ болдыревскаго текста Вегманъ не безъ основанія замѣчаетъ: „Упрекъ, который Болдыревъ дѣлаетъ Омскому правительству, крайне неоснователенъ. Армія Сибирскаго Правительства была въ то время столь незначительна, что о посылкѣ подкрѣпленія на волжскій фронтъ и говорить не приходилось" (Прим. 20, стр. 512). Эта армія была, кромѣ того, какъ указываетъ самъ Болдыревъ, отдѣлена отъ волжскаго боевого фронта и огромнымъ разстояніемъ" (59). Какъ ни ненормальны были взаимоотношенія Сибири и Самары — объ этомъ послѣ—предъявленное Сибири обвиненіе должно быть снято. Но какъ характерно для „экспансивнаго" Лебедева, отыскивающаго вездѣ виновниковъ неудачъ. Въ минуту самую тажелую онъ, — не хотѣвшій больше жить, если не будетъ движенія на Москву, легко оставилъ внѣшній фронтъ и промѣнялъ его на фронтъ внутренній. Онъ записываетъ 3—5 сентября: „Вольскій вызвалъ меня внезапно изъ Казани, шлютъ въ Уфу для подготовки Государственнаго Совѣщанія, съ диктаторскими полномочіями, увы, по охранѣ совѣщанія на случай заговора Сибири и... Галкина! Мнѣ подчинены рабочіе батальоны (батальонъ?) Уфы. Боятся, какъ бы во время Государственнаго Совѣщанія этотъ военный министръ Комуча вкупѣ съ Сибирью не арестовалъ Комуча" (183)...

* * *

Въ связи съ неудачами на фронтѣ стала измѣняться и психологія чеховъ. Чехи остались на Волгѣ „благодаря нашимъ настояніямъ" — докладывалъ Веденяпинъ на партійномъ съѣздѣ въ Самарѣ 5 августа. Владимірова дѣлаетъ къ этимъ словамъ основательное добавленіе: „и при поддержкѣ союзныхъ консуловъ" (232)*). Они остались, встрѣ-

*) См. также Майскій 52. Жано разсказываетъ, какъ на собраніи 13 іюня съ 9 час. веч. до 5 час. утра уговаривали чеховъ остаться, обѣщая имъ при ихъ содѣйствіи собрать армію до 500 т. („Pour la Rossie" № 15).

тивъ несомнѣнное сочувствіе среди населенія. „За все время нашего пребыванія на поволжскомъ фронтѣ — вспоминаетъ Чечекъ — мы не видѣли ни одного злодѣянія противъ насъ со стороны населенія“ (В. Р. VIII, 265). „Чехофильское настроеніе населенія значительно помогло нашимъ военнымъ успѣхамъ“ — добавляетъ Штейдлеръ. („В. Сиб.“ № 4, 25). Л. Кроль, со своей стороны, иллюстрируетъ это разсказомъ о первой встрѣчѣ съ чехословацкимъ отрядомъ: „Отношеніе къ нему жителей проявилось явно сочувственное. Солдатамъ несли яйца, молоко, масло“. Но „энтузіазма“ Кроль не замѣтилъ (58).

Не очень то уже довѣряя реальной военной помощи союзниковъ, оставшись изолированными въ Россіи, чехи искали опоры въ тѣхъ элементахъ страны, „которые пользовались довѣріемъ населенія“ *). Они дѣлали ставку на демократію. Къ сожалѣнію, слишкомъ часто здѣсь приводился знакъ равенства между демократіей и партіей с.-р. При такихъ условіяхъ помощь въ дѣлѣ „возрожденія и спасенія Россіи“ слишкомъ часто превращалась въ поддержку того партійнаго дѣла, отъ котораго теоретически они открещивались: „никогда нашъ солдатъ не будетъ орудіемъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ партійныхъ группъ“ — гласило самарское обращеніе чеховъ 15 сентября къ русскому обществу. Чешскій коммунистъ Шмераль, выпустившій спеціальную брошюру „Чехо-словаки и эс-эры“ (1922), контактъ съ партіей с.-р. объясняетъ необходимостью внушить солдатамъ мысль, что „они дѣйствуютъ, какъ революціонные соціалисты, и въ своей борьбѣ противъ большевиковъ руководятся русской соціалистической партіей“. Для чешкихъ соціалистовъ, конечно, это было важно. Въ омскомъ обращеніи въ іюлѣ къ „русскимъ соціалистамъ“, они говорили: „мы, какъ соціалисты, увѣряемъ васъ, что наша армія не будетъ и не можетъ быть использована въ цѣляхъ контръ-революціи“. Дальше шли лозунги, которымъ сочувствуютъ чехи: федеративная демократическая республика, созывъ Учредительнаго Собра-

*) Глосъ. „Чехословаки и Сиб. Об. Дума“ („В. С.“ IV, 32).

нія, передача всей земли народу и т. д. („Вѣст. Ком. У. С." № 30). Но чешская армія не была однородна. Чешской національной политикѣ присущъ былъ извѣстный оппортунизмъ. Окружающая обстановка побуждала — главнымъ образомъ военное командованіе — не игнорировать и другихъ силъ, которые могли помочь. Отсюда двойственность тактики. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что Чечекъ въ Самарѣ высказалъ живѣйшую радость по поводу возможности союза съ Добровольческой Арміей — обстановка была совершенно иная, чѣмъ раньше, когда проф. Масарикъ считалъ необходимымъ такъ рѣшительно отгородиться отъ Добровольческой Арміи *).

Чехословацкое войско, дѣйствительно, было въ трагическомъ положеніи. Оно пыталось на волжскомъ фронтѣ создать русско-чешскіе добровольческіе отряды. Майскій утверждаетъ, что это было сдѣлано въ цѣляхъ борьбы съ „черносотенной опасностью" со стороны арміи (160). Вѣроятно, причина была иная. Чешскіе отряда на первыхъ порахъ были болѣе устойчивы и выдержаны. Подобнымъ сліяніемъ достигалась большая компактность. Недаромъ эти отряды пріобрѣли быстро популярность.

Но все это были паліативы. Разочарованіе чешскихъ воителей шло crescendo. Характерную бесѣду въ послѣднихъ числахъ августа въ Челябинскѣ съ Б. Павлу передаетъ Майскій:

„Созданіе русской арміи и у васъ на Волгѣ, и въ Сибири идетъ слишкомъ медленно. Государственный аппа-

*) Лебедевъ подвергаетъ нѣкоторому сомнѣнію сообщеніе, проведенное въ изслѣдованіи Деникина: „Въ книгѣ Деникина слишкомъ много лжи и вѣрить его сообщеніямъ цѣликомъ невозможно" (185). И это говоритъ авторъ „дневника", напечатаннаго въ „Волѣ Россіи"! Дѣло заключается въ томъ, что, ставя „ближайшей задачей Д. Ар... выходъ на Волгу", ген. Алексѣевъ послалъ Моллера для выясненія возможности содѣйствія со стороны чеховъ и казаковъ. Моллеръ ознакомилъ съ письмами Алексѣева ген. Шохорова и Чечека. Чрезвычайно показательно, что, по словамъ Деникина (III, 97), первый уклонился отъ прямого отвѣта. Это подтверждаетъ еще разъ ненормальную двойственность, которую создавала для русскихъ военныхъ служба въ чехословацкихъ добровольческихъ частяхъ. Очень опредѣленно отозвался полк. Щепихинъ, состоявшій начальникомъ штаба у Чечека, указавъ, что прибытіе Добр, Арм. ожидается съ „самымъ живымъ нетерпѣніемъ, которое вызвано не только военной, но, пожалуй, въ большей степени политической коньюнктурой".

ратъ также налаживается плохо. Вмѣсто того, чтобы единымъ фронтомъ вести борьбу съ большевиками, отдѣльныя анти-большевицкія правительства начинаютъ грызню между собою. Насъ, чеховъ, всѣмъ этимъ вы ставите въ крайне затруднительное положеніе... Такъ долго продолжаться не можетъ. Если въ ближайшее время не произойдетъ радикальной перемѣны, намъ придется пересмотрѣть свою позицію" (172).

Еще болѣе опредѣленно констатируется неудача въ Самарскомъ обращеніи чеховъ, подписанномъ Медекомъ, Власекомъ и Чечекомъ. Оно цитировалось въ первой главѣ. Чехословацкому командованію уже въ августѣ приходилось считаться съ тѣмъ фактомъ, что солдаты не хотѣли замѣнять собой народной арміи (слова с.-р. Утгофа, стр. 19). На фронтѣ начинались уже „непріятныя осложненія" — чешскія войска, въ свою очередь, стали разлагаться. Отсюда пессимизмъ ген. Сырового, отмѣченный въ дневникѣ Болдырева (63).

Этой драматической стороны пребыванія чехословацкаго войска въ Россіи мы должны будемъ еще коснуться. Это отдѣльная страница въ исторіи гражданской войны.

5. ПОЛИТИКА ТЫЛА.

Дѣятельность арміи нельзя изолировать отъ правительства. Что-же, Комитетъ У. С. служилъ дѣлу партійному или общенаціональному? Въ концѣ концовъ ни тому, ни другому. Таковъ неизбѣжно будетъ выводъ, если отбросить всѣ внѣшнія декораціи. Вѣроятно, здѣсь кроется одна изъ основныхъ причинъ быстраго краха Комуча.

Несправедливо и не соотвѣтствуетъ фактамъ утвержденіе, что эс-эры изъ Комуча проводили на практикѣ политическую программу „лѣвыхъ с.-р." *). Самарское пра-

*) Это между причимъ говоритъ Милюковъ (II, 41), имѣя въ виду позицію эс-эровъ „лѣваго типа Чернова". Тѣмъ болѣе не правъ былъ А. И. Деникинъ, когда писалъ въ III т. (Изд. 24 г.) своей работы, что Комитетъ У. С. являлся „отображеніемъ совѣтскаго правительства" (98).

вительство, въ составъ котораго входило 14 с.-р., одинъ меньшевикъ и представитель военной власти полк. Галкинъ, прекрасно учитывало, что всякаго рода соціалистическіе эксперименты не къ мѣсту. Оно вело, по позднѣйшему выраженію Майскаго, борьбу всѣми способами, „не останавливаясь рѣшительно ни передъ чѣмъ для нанесенія смертельнаго удара первой въ исторіи человѣчества соціалистической республикѣ“ (43).

Въ области экономической политики „Комитетъ стремился къ полному возстановленію капиталистической системы хозяйства“ — такова общая характеристика, данная соц.-демократомъ, входившимъ въ составъ правительства *). Всѣ реквизированныя большевиками промышленныя заведенія до разрѣшенія вопроса о нихъ были переданы мѣстному самоуправленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказомъ отъ 9 іюля учреждалась особая комиссія по денаціонализаціи предпріятій и возмѣщенію владѣльцамъ убытковъ.

Декларировался незыблемымъ лишь одинъ законъ У. С. 5 января — законъ о землѣ. Впрочемъ, и здѣсь дѣлались уступки существовавшей практикѣ: право собрать урожай и др.

„Буржуазія“ на первыхъ порахъ поддержала Комитетъ У. С. Осложненія происходили вовсе не на почвѣ той соціальной политики, которую пытались проводить соціалисты, оказавшіеся у власти. Можетъ быть, многихъ раздражалъ красный флагъ надъ зданіемъ Комуча, чему немало дивился французскій предствитель Гинэ. (156). Все это были пустяки. Майскій утверждаетъ, что одной изъ главныхъ причинъ „ссоры“ Комитета съ поддерживавшими его „правыми элементами“ было допущеніе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Большевицкій Совѣтъ былъ распущенъ тотчасъ же послѣ переворота. Затѣмъ въ іюлѣ состоялась рабочая конференція, на которой были выработаны формы и сроки выборовъ въ новый Совѣтъ, уже какъ въ органъ „общественнаго мнѣнія“, а не „власти“. Онъ былъ созванъ въ началѣ августа и... принялъ большевицкую резо-

*) Глава: „Экономическая и соціальная программа Комитета“ стр, 82—98.

люцію (128). Меньшевики пришли въ смятеніе, эс-эры негодовали. Въ концѣ сентября Совѣтъ былъ ликвидированъ. Нѣтъ, не въ этомъ заключалось дѣйствительное расхожденіе въ данный моментъ Комитета съ „правыми“. Поскольку самарское правительство являлось правительствомъ областнымъ съ нимъ до нѣкоторой степени мирились, хотя оно и было, по выраженію Майскаго, „эс-эровскимъ предпріятіемъ“... Но Комучъ, устранивъ на другой же день наименованіе „самарскій“ комитетъ, склоненъ былъ себя разсматривать, какъ ядро всероссійской власти, которая должна собрать Учредительное Собраніе 1917 г. Мѣстное, временное эс-эровское „предпріятіе“ грозило сдѣлаться всероссійскимъ. Это даже Дану — лидеру меньшевиковъ, казалось „нелѣпой авантюрой“. Еще болѣе „нелѣпой“ казалась такая возможность широкой обывательской средѣ. Настроеніе было иное, чѣмъ въ 1917 г. *). И дѣятели Комуча настолько непосредственно это ощущали, что всячески противились пріѣзду „идеолога и вождя“ партіи, предсѣдателя б. Учр. Собр. Чернова, который появился въ Самарѣ лишь 20 сентября. Старое Учредительное Собраніе или вѣрнѣе его „охвостье“ (историческій терминъ: „охвостье“ Долгаго Парламента въ Англіи) — это фикція, за которую держались эс-эры. Учредительное Собраніи 1917 г. — это партійная фракція соціалистовъ-революціонеровъ! Такое знамя — отрицаніе общенаціональнаго дѣла. Это вызывало отпоръ, это раздробляло силы. Создавая приказомъ № 7—3-го іюля при самарскомъ правительствѣ особое министерство иностранныхъ дѣлъ для сношеній, между прочимъ, съ правительствами внутри Россіи, признающими Учредительное Собраніе — Самарское правительство тѣмъ самымъ ставило себя внѣ остальной противобольшевицкой Россіи. Вотъ гдѣ была зарыта собака, а не въ той „лѣвой“ соціальной политикѣ, которую проводитъ Комитетъ У. С. Вотъ почему образъ дѣйствія Комуча вызывалъ „правый уклонъ“ у мѣст-

*) Въ этомъ отношеніи показательны были городскіе выборы, прошедшіе на территоріи Комуча въ серединѣ августа. Они отмѣчали необычайный абсентеизмъ избирателей. Если въ Самарѣ соціалистическому блоку удалось получить $^1/_2$ голосовъ, то въ другихъ городахъ этого уже не было.

ныхъ кадетовъ, что такъ не нравилось пріѣхавшему изъ центра Л. А. Кролю (60). Партійная психологія правительства мѣшала ему слиться съ національнымъ движеніемъ: здѣсь слова расходились съ чувствомъ. Партійное правительство было подъ гипнозомъ фикціи, имъ созданной, отсюда его излишняя самоувѣренность до послѣдняго дня. Что можно въ этомъ отношеніи прибавить къ словамъ Вольскаго въ цитированномъ уже выше письмѣ 16 августа къ Лебедеву: „Идеи Комитета пріобрѣтаютъ при всей враждѣ къ нимъ все больше вѣса, и побѣды являются реальнымъ фактомъ убѣжденія враговъ и тупицъ (!!). Въ составѣ Комитета уже болѣе 40 членовъ У. С. Въ Сибири находится до 40. Это уже почтенная величина. Солидарность демократіи черезъ голову реакціоннаго Сибирскаго правительства растетъ все больше и, вѣроятно, послѣднее безсильно завянетъ, если не утонетъ. Все больше, все труднѣе, но и славнѣе наше дѣло, дѣло народа, дѣло возрожденія, дѣло демократіи, дѣло партіи соціалистовъ-революціонеровъ".

Поразительное самообольщеніе, исключительная самоувѣренность, а практика была элементарна и бѣдна. Только ли голосъ противника звучитъ въ надгробномъ словѣ Комуча, помѣщенномъ 12 ноября въ „Отечественныхъ Вѣдомостяхъ" (органъ Бѣлевскаго-Бѣлоруссова): Самарскіе эсэры не сумѣли создать „ни власти, ни аппарата управленія, ни арміи, ни пріобрѣсти авторитета въ населеніи". Прислушайтесь къ голосу с.-р. Утгофа, который съ откровенностью признаетъ, что самарская эпопея прежде всего показала, что у эс-эровъ не оказалось людей (а въ Самарѣ былъ цвѣтъ партіи, по характеристикѣ Майскаго), способныхъ руководить дѣятельностью государства въ такой сложной и запутанной обстановкѣ. Они не могли въ Самарѣ дать дѣловыхъ министровъ — самарскіе министры не пользовались фаворомъ даже среди партійныхъ товарищей. Эти „малограмотные" въ государственныхъ дѣлахъ партійные люди вели „странную и противорѣчивую политику, которая всѣхъ раздражала" (36)*).

*) Утгофъ приводитъ курьезный эпизодъ для характеристики дипломатическихъ хитростей самарскихъ министровъ-обывателей: Желая „одер-

6. ДЕМОКРАТІЯ У ВЛСТИ.

Демократическая власть въ Самарѣ фактически существовала лишь четыре мѣсяца. Много темныхъ пятенъ было на ея фонѣ. Впрочемъ, они объясняются, быть можетъ, ея кратковременностью. И все-таки чрезвычайно показательно, что за четыре мѣсяца своего существованія эта власть на практикѣ мало чѣмъ отличалась отъ другихъ властей, появлявшихся въ періодъ гражданской войны и не имѣвшихъ демократическаго нимба.

Никакой демократичности на территоріи Комуча не было — утверждаетъ Майскій. Были лишь — „широковѣщательныя заявленія“ (176). Въ житейскомъ обиходѣ своими пріемами эта власть не отличалась отъ пріемовъ власти „генераловъ черной сотни“ *) — Колчака и Деникина. Впрочемъ отличалась однимъ — своей претенціозностью. Все то, что впослѣдствіи ставилось на видъ Колчаковскому правительству довольно пышно расцвѣло съ самаго начала на территоріи Комитета У. С. И трудно сказать, каковы были бы результаты, если бы власть продержалась полтора года: сумѣла ли она побороть своего рода самарскую „атаманщину“? Демократическая власть не склонна признавать, что она подчасъ была безсильна бороться съ отрицательными явленіями, которыя порождала гражданская война и которыя окрашивали освободительную борьбу реакціоннымъ колеромъ. Нѣтъ это была сильная власть, не идущая по стопамъ „Керенскаго“...

„Мы не допустимъ, чтобы кто бы то ни было здѣсь, въ тылу, вонзилъ ножъ въ спину борцовъ за народовластіе“ — грозно и авторитетно говорилъ предсѣдатель Комуча Вольскій на рабочей конференціи 5 іюля. „Мы нахо-

---

нуть“ военнаго министра Галкина, который, по словамъ Майскаго, „сумѣлъ положительно терроризовать“ Комитетъ, Вольскій составилъ проектъ обращенія къ народу противъ Галкина. „Нечаянно“ оно было доставлено Галкину, Послѣдній самъ распространилъ возваніе „среди реакціоннаго офицерства“ (35). Этотъ случай вмѣстѣ съ тѣмъ довольно наглядно иллюстрируетъ взаимоотношенія на верхахъ — между правительствомъ и военной властью.

*) Образная квалификація с.-р. Святицкаго въ брошюрѣ „Реакція и народовластіе“. Изд. „Народъ“, 1920.

димся въ состояніи самой настоящей войны... Судьба рѣшитъ, кто возьметъ верхъ въ этой борьбѣ... Пока же снаряды рвутся... всѣ виновные будутъ подвергаться аресту и военному воздѣйствію..." („Сам. Вѣд."). „Въ настоящее время политика власти должна быть твердой и жестокой" — заявлялъ на партійномъ съѣздѣ 5 августа министръ внутр. дѣлъ Климушкинъ (Владимірова 326).

Въ чемъ проявлялась эта твердость власти? Приказъ № 1 Комуча гласилъ: „Всѣ ограниченія и стѣсненія въ свободахъ, введенныя большевицкими властями, отмѣняются и возстанавливается свобода слова, печати, собраній и митинговъ... Революціонный трибуналъ, какъ органъ, не отвѣчающій истинно-народно-демократическимъ принципамъ, упраздняется и возстанавливается окружной народный судъ". Это было 8 іюля. Заканчивалъ Комучъ свою дѣятельность созданіемъ 17 сентября чрезвычайнаго суда изъ представителей вѣдомствъ внутреннихъ дѣлъ, военнаго и юстиціи. По положенію (§ 5) судъ этотъ могъ назначать только смертную казнь. Тогда же было издано положеніе о министерствѣ охраны государственнаго порядка*), предоставлявшее огромныя полномочія министру охраны и его подчиненнымъ органамъ. „Реакціонный" органъ Бѣлоруссова впослѣдствіи замѣчалъ съ язвительностью: „у Самары деньги находились на эс-эровскія газеты и на обширный департаментъ полиціи" („От. В." № 5)**).

Комитетъ У. С. такимъ образомъ облекалъ въ одежду формальной законности репрессіи, происходившія въ порядкѣ повседневности. Посылая этотъ упрекъ, Майскій въ главѣ о „внутренней политикѣ" самарскаго правительства (175—187), главѣ, наполненной сообщеніями о дѣйствіяхъ карательныхъ отрядовъ и о другихъ политическихъ репрессіяхъ, какъ истинный ренегатъ, отмежевывается отъ коллективной отвѣтственности. „Возможно, что сторонники Комитета мнѣ возразятъ" — пишетъ онъ въ

*) На желѣзныхъ дорогахъ съ самаго начала было объявлено военное положеніе.

**) „300 прапорщиковъ Роговскаго" — такъ называли въ Самарѣ, по словамъ Дикгофа, агентовъ демократической полиціи. („На Чуж. Ст." II, 70).

своихъ покаянныхъ воспоминаніяхъ: „въ обстановкѣ гражданской войны никакая государственная власть не въ состояніи обойтись безъ террора. Я готовъ согласиться съ этимъ утвержденіемъ, но тогда почему же эс-эры любятъ болтать о „большевицкомъ терроръ“, господствующемъ въ Совѣтской Россіи?... Тероръ былъ въ Самарѣ, на той единственной территоріи, гдѣ волей историческаго случая и чехословацкихъ штыковъ эс-эры на краткій срокъ оказались носителями государственной власти“. Разницу между „эс-эровскимъ и большевицкимъ“ терроромъ Майскій видитъ въ томъ, что „эс-эровскій терроръ былъ направленъ противъ революціи и противъ рабочихъ, въ то время какъ большевицкій терроръ наносилъ и наноситъ удары контръ-революціи и буржуазіи. Эта разница радикально мѣняетъ политическую и моральную оцѣнку террора въ томъ и другомъ случаѣ. Всякій искренній революціонеръ не сможетъ принять эс-эровскаго террора, но онъ безъ труда приметъ терроръ большевицкій“ (186—7).

О „революціонныхъ“ вкусахъ спорить не приходится. Концепція Майскаго лжива въ своемъ фактическомъ обоснованіи. Съ кровавымъ и циничнымъ терроромъ большевиковъ самыя разнузданныя насилія гражданской войны не могутъ быть сравнены. Ничего подобнаго, конечно, на территоріи Комитета У. С. не происходило. Лживо утвержденіе ренегата, что большевицкій терроръ направлялся только на буржуазію*). Въ оцѣнкѣ системы террора дѣло не въ объектѣ, на который направленъ экспериментъ — такая „революціонная мораль“ изъ французскаго архива XVIII вѣка общественной этикой нашего времени должна быть отвергнута. Дѣло въ идеологіи террора, въ его проповѣди, въ его искусственномъ насажденіи. Такъ было у большевиковъ. У ихъ противниковъ мы видимъ эксцессы власти, ея агентовъ; проявленія мести и разнузданнаго человѣческаго темперамента. Вотъ въ чемъ разница — ея понять ренегатская психологія, очевидно не можетъ.

*) См. соотвѣтствующія страницы моей книги „Красный терроръ въ Россіи“, которой съ фактической стороны никто не опровергъ и опровергнуть не можетъ.

Въ отношеніи самарской власти Майскій правъ только въ одномъ. Проще было съ ея стороны безъ надобности не создавать демократическаго декорума, а сказать, какъ дѣлали это другіе, что и она была безсильна облечь гражданскую войну въ правовыя формы. Принципіальная демократичность грубо разбивалась жизнью, а сами носители демократической власти въ стремленіи проявить твердость легко сбивались на путь бюрократическаго произвола—притомъ произвола масштаба провинціальнаго, какъ и все, что было въ Самарѣ. Можно ли негодовать вмѣстѣ съ Майскимъ на то, что управляющій Самарской губ. устраиваетъ собранія редакторовъ, на которыхъ просто предписываетъ, какъ газеты должны себя вести, о чемъ писать и т. д., если самъ министръ внутреннихъ дѣлъ Климушкинъ, вспоминая блаженныя времена имп. Николая I, вызываетъ въ Уфу писателей Бѣлоруссова, Чембулова — нар. соціалиста, редактировавшаго газеты „Трудъ“, „Армія и народъ“, и держитъ имъ такую приблизительно рѣчь: „Мы хотимъ предоставить свободу печати, но газеты усвоили такой полемическій тонъ, который мы допустить не можемъ. Газетная полемика подрываетъ авторитетъ власти“. Чѣмъ же Климушкинъ недоволенъ? Въ „Отеч. Вѣд.“ была, напримѣръ, статья противъ Брушвита и самого Климушкина, гдѣ говорилось, что они неподготовлены занимать столь отвѣтственные посты. Нельзя и оспаривать вопросъ о созывѣ У. С., хотя де и самъ Климушкинъ отрицательно относится къ этому урѣзанному собранію. Ввести цензуры демократы не могутъ, они предпочитаютъ предупреждать, закрывать газеты и арестовывать редакторовъ. Бѣлоруссовъ попросилъ все это зафиксировать на бумагѣ. Климушкинъ отказался: „все равно бумаги мы не напишемъ“. Органъ Бѣлоруссова смогъ тѣмъ не менѣе позже воспроизвести для потомства эту изумительную бесѣду („От. Вѣд.“ 20 ноября, № 9).

Строптивые сотрудники сажались въ тюрьму „по административной ошибкѣ“. Такой случай по распоряженію самого Климушкина произошелъ съ виднымъ самарскимъ кадетомъ Коробовымъ за статью въ „Волжскомъ Дѣлѣ“.

Черезъ три дня, впрочемъ, Коробовъ былъ выпущенъ, т. к. арестъ его вызвалъ всеобщее возмущеніе: „забѣгали кадеты, заволновался торгово-промышленный классъ, выступило съ настоятельнымъ „представленіемъ“ военное вѣдомство“ (Майскій 177). Объявленная приказомъ № 1 свобода печати была въ Самарѣ весьма относительной. Обвинять за это правительство едва ли возможно. Не всегда и печать была на высотѣ, не всегда она учитывала обстановку гражданской войны. Можетъ быть изъ самыхъ хорошихъ побужденій органъ казанскихъ меньшевиковъ „Рабочее дѣло“ 27 августа писалъ: „Въ рабочихъ кварталахъ настроеніе подавленное. Ловля большевицкихъ дѣятелей и комиссаровъ продолжается, усиливается. И самое главное— страдаютъ не тѣ, кого ловятъ, а просто сознательные рабочіе: члены соціалистическихъ партій, профсоюзовъ, кооперативовъ. Шпіонажъ, предательство цвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ... Жажда крови омрачила умы. Особенно стараются члены квартальныхъ Комитетовъ... При большевикахъ рабочіе относились отрицательно къ комитетамъ самоохраны и въ выборахъ участія не принимали. Выбранными въ большинствѣ случаевъ оказались лавочники-спекулянты, домохозяева, а нерѣдко и просто всякіе темные дѣльцы... И теперь они „работаютъ“. Сильно тревожитъ рабочихъ неизвѣстная участь арестованныхъ ихъ товарищей. Распространяются слухи о поголовномъ будто бы ихъ разстрѣлѣ и прочее. Но кто, почему разстрѣлянъ — объ этомъ молчатъ“ (Владимірова 335). Я охотно допускаю, что здѣсь сгущены краски. Но какъ характерно само по себѣ, что эти факты отмѣчаются не въ сатрапіи какой-нибудь генеральской диктатуры, а на территоріи Комитета У. С. Содѣйствующіе власти легко ее дискредитировали. И неудивительно, если редакторъ самарской меньшевицкой „Вечерней Зари“ вызывался для „внушеній“ къ власти придержащей*); неудивительно, что оренбургскій атаманъ Дутовъ предавалъ на фронтѣ военно-полевому суду редактора с.-д.

*) Отчитывались иногда редакторы еще и передъ чешской комендатурой.

органа „Рабочее Утро“ за „возбужденіе одного класса противъ другого“.

Все это, если угодно, въ порядкѣ вещей. Но своеобразно то, что эс-еровскій министръ внутреннихъ дѣлъ вообще смотрѣлъ „на охрану государственной безопасности съ точки зрѣнія запретовъ“. Онъ недоволенъ оппозиціей „буржуазіи“ и запрещаетъ торгово-промышленный съѣздъ на территоріи Комуча. Тогдашняя жизнь не могла быть вложена, конечно, въ рамки Плеве, и съѣздъ тѣмъ не менѣе состоялся въ Уфѣ подъ охраной Уфимскаго военнаго командованія, пользуясь тѣмъ, что территоріальная независимость Уфы отъ Самары была неясна. На съѣздъ прибыло 133 делегата отъ Урала, Поволжья и Сибири — это было наканунѣ уже Уфимскаго Государственнаго Совѣщанія.

Примѣру министра слѣдовали и его агенты: „губернскими диктаторами“ — называетъ ихъ Майскій. „Временно“ (правила 6 іюля) этимъ губернскимъ уполномоченнымъ дѣйствительно были предоставлены исключительно широкія полномочія. Они могли безконтрольно, „своею властью“ арестовывать, отстранять служащихъ въ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, закрывать собранія и съѣзды, вызывать военныя власти и т. д. За высшими тянулись низшіе, и безсудные обыски и аресты стали въ дѣйствительности довольно обычнымъ явленіемъ на территоріи, подвластной соціалистическому Комучу. Случалось, какъ и въ другихъ мѣстахъ — на территоріи „генеральскихъ диктатуръ“, что эти обыски и аресты производились неизвѣстно кѣмъ, — и власти приходилось только безпомощно разводить руками. Напр., въ Казани, гдѣ гражданскими дѣлами завѣдывалъ особо уполномоченный самарскаго Комитета В. Г. Архангельскій, происходила конференція „безпартійныхъ рабочихъ“, обсуждавшая, по примѣру Самары, вопросъ о выборахъ въ новый Совѣтъ рабочихъ депутатовъ, „вмѣсто распущенной большевицкой своры“ *).

*) Выраженіе Архангельскаго въ статьѣ „Казань во время борьбы съ большевиками“. В. Р. X, 145.

Конференція по шаблону не большевицкой революціонной демократіи постановила: „признать необходимымъ созданіе политическаго классоваго органа Казанскаго пролетаріата въ видѣ совѣта рабочихъ депутатовъ, какъ организатора, руководителя задачъ рабочихъ массъ, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ стать или пытаться статъ органомъ власти". Во время конференціи „неизвѣстно по чьему приказу" нѣсколько делегатовъ было арестовано. Арестъ вызвалъ волненія среди рабочихъ. Помощникъ Чрезв. Уполном. обѣщался рабочимъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, но „при всемъ своемъ желаніи не могъ даже выяснить, по чьему распоряженію арестованы делегаты"...

Власть, дѣйствительно, не могла подчасъ разбираться въ сложной обстановкѣ. Вновь Майскій даетъ чрезвычайно показательную иллюстрацію. На территоріи У. С. существовало двѣ контръ-развѣдки: русская и чешская. Нравы всѣхъ контръ-развѣдокъ, и русскихъ и иностранныхъ, и демократическихъ и недемократическихъ, къ сожалѣнію, вездѣ оставляютъ желать лучшаго. Русская контръ-развѣдка, по словамъ Майскаго, была довольно плохо организована и потому проявляла себя сравнительно мало. „Чешская была организована гораздо лучше и потому очень болѣзненно давала себя чувствовать населенію. Система обысковъ и арестовъ примѣнялась контръ-развѣдкой весьма широко. Бывало, часто людей хватали направо и налѣво безъ сколько нибудь достаточныхъ къ тому основаній. Бывали поистинѣ поразительные случаи" (181). Майскій разсказываетъ, какъ въ его отсутствіе у него у самого былъ сдѣланъ обыскъ. „Это было недоразумѣніе", какъ объяснилъ министру труда начальникъ чешской контръ-развѣдки: „вышла ошибка, только всего, голова ни у кого не свалилась. Бываетъ хуже".

„Если такіе случаи возможны .были съ членами правительства, — добавляетъ авторъ, — то легко себѣ представить, каково приходилось рядовому обывателю. Дѣйствительно тюрьмы „территоріи Учредительнаго Собранія" были переполнены „большевиками", среди которыхъ было

много ни къ чему не причастныхъ людей. Въ Самарѣ, напримѣръ, во время моего тамъ пребыванія, число заключенныхъ доходило до 2.000, въ Оренбургѣ было около 800, въ Хвалынскѣ — 700, въ Бузулукѣ — 500 и т. д. При этомъ условія, въ которыхъ находились заключенные, были по большей части отвратительныя. Въ камерахъ, разсчитанныхъ на 20 человѣкъ, сидѣло по 60—80, питанье было плохое, и обращеніе нерѣдко вызывало острые конфликты между охраной и арестованными" (182—183) *).

Ренегаты не скупятся на „разоблаченія". Плохо не то, что они разоблачали, а то, что они дѣлали это въ странѣ, лишенной всякой печати, кромѣ казенной. Они писали тамъ, гдѣ истину о кровавой дѣятельности Ч. К. сказать было нельзя. Отсюда ихъ тенденціозность. Убавимъ многое съ того, что они разсказали, и все-таки останется немало. Вотъ разоблачаетъ на страницахъ „Извѣстій" (8 іюня 22 г.) учредиловскую практику бывш. управляющій дѣлами Комуча Дворжецъ. Густо положены у него краски:

„Было извѣстно только одно. Изъ подваловъ Робенды **), изъ вагоновъ чехо-словацкой контръ-развѣдки рѣдко кто выходилъ... Въ нашемъ штабѣ охранки оффиціально арестованныхъ было очень немного, но я знаю, что имѣли мѣсто словесные доклады начальника охраны Климушкину о томъ, что за истекшую ночь было ликвидировано собраніе большевиковъ, ликвидированъ заговоръ или обнаруженный складъ оружія... Въ особенности эта „славная" дѣятельность проявлялась послѣ замѣны начальника охраны членомъ Центр. Комитета партіи народныхъ соціалистовъ А. П. Коваленко***), при которомъ число ликвидированныхъ „возстаній" и „ликвидацій" стало огромнымъ.

„Подавленіе неоднократныхъ возстаній въ гарнизонѣ происходило съ неимовѣрной жестокостью; подробности извѣстны не бывали. Передавали, что въ Самарскомъ полку изъ строя былъ вызванъ каждый третій... Это совершалось въ центрѣ... Что дѣлалось въ провинціи... понятно безъ словъ... И все же это —

*) См. Владимірова 325. Большевицкіе историки, умалчивая о себѣ, любятъ, конечно, распространиться на тему объ „ужасахъ" въ Самарѣ.

**) Робенда — чешскій прапорщикъ, комендантъ Самары.

***) Такого члена Ц. К. не было.

только маленькая частица суровой черной дѣйствительности" *).

* * *

Политическіе дѣятели всю вину за нарушеніе демократическихъ принциповъ склонны всегда возлагать на армію**). Это до нѣкоторой степени естественно, ибо близость фронта выдвигаетъ на первый планъ военную власть. Въ ненормальныхъ условіяхъ гражданской войны слишкомъ богата почва для конфликтовъ между гражданской и военной властью и для развитія незаконом'рныхъ дѣйствій. Армія въ гражданской войнѣ часто самое себя содержитъ. Въ армію гражданской войны наряду съ героизмомъ проникаетъ типичный авантюризмъ, въ арміи гражданской войны падаетъ дисциплина и воцаряются вольные бытовые нравы. Все это засвидѣтельствовано наиболѣе правдиво вождемъ Добровольческой Арміи А. И. Деникинымъ.

Гражданская война жестока сама по себѣ, озлобляетъ населеніе, независимо даже отъ яко бы присущей русскимъ жестокости, которую открылъ въ русскомъ народѣ Горькій. Можетъ быть, даже наивно касаться этихъ элементарныхъ сентенцій. Во всякомъ случаѣ волжскій „демократическій" фронтъ не могъ представлять исключенія изъ общаго правила. Жестокость повсюду порождали большевики — эти отрицатели всякой „буржуазной" морали первые разнуздали гражданскую войну. На нихъ лежитъ вина за дикость произвола, они морально отвѣтственны за темныя пятна междуусобной борьбы***).

---

*) Естественно, что мѣстныя репрессіи били и по эс-эровскимъ организаціямъ. И дѣятелямъ Комуча не приходилось жаловаться на это на августовскомъ партійномъ съѣздѣ.

**) По образному выраженію одного изъ нихъ— на „черносотенно-зубодробительныя устремленія" бѣлогвардейцевъ, наполнявшихъ собой разные штабы.

***) Какое впечатлѣніе должно было производить на противниковъ большевиковъ чтеніе, напримѣръ, въ сарапульской газетѣ „Прикамье" описаніе звѣрскаго убійства 26 чеховъ на уфимскомъ фронтѣ или убійство сарапульскихъ заложниковъ на баржѣ въ іюлѣ 18 г. (Гутманъ „Два возстанія" Б. Д. III, 149)? Месть становилась почти „естественной" потребностью. Въ моей книгѣ о „красномъ террорѣ" приведены безчисленные примѣры, свидѣтельствующіе, что примѣнять терроръ во всѣхъ его видахъ

Большевицкіе историки подчеркиваютъ жестокости, которыми сопровождался захватъ народной арміей и чехословацкими войсками поволжскихъ городовъ. Въ цѣляхъ воздѣйствія на массы, московскій „Еженедѣльникъ ВЧК“ (№ 5), описывая „жестокость“ и „безчеловѣчность“ чеховъ и „бѣлыхъ“, увѣрялъ своихъ читателей, что все это „далеко превосходитъ всякіе примѣры массоваго террора со стороны совѣтской власти“. Можно подозрѣвать, что всѣ свѣдѣнія, идущія изъ большевицкихъ источниковъ, преувеличены до крайности. Напр., Климушкинъ рѣшительно отрицаетъ цифру 300 убитыхъ при захватѣ Самары: совершено лишь два самосуда надъ захваченными комиссарами Шнейдерскимъ и Венцисомъ (В. Р. VII, 231). При двухъ самосудахъ едва ли надо было издавать спеціальный приказъ о самосудахъ, какъ это сдѣлало самарское правительство. Очевидно Климушкинъ вдается въ противоположную крайность — отрицаніе того, что было въ дѣйствительности. „Усердіе черносотенцевъ было такъ велико — повѣствуетъ Майскій — что уже къ вечеру 8 іюля Комитетъ членовъ У. С. вынужденъ былъ издать приказъ № 3, въ которомъ говорилось: „призываемъ подъ страхомъ отвѣтственности немедленно прекратить всякіе добровольные разстрѣлы“.

Черносотенцы здѣсь были не при чемъ. Послушайте, какъ изображаетъ Лебедевъ настроеніе рабочихъ подъ Сызранью:

„На окраинѣ города мы натолкнулись на летящій намъ на встрѣчу грузовикъ. При видѣ насъ онъ повернулъ, и сидящій рядомъ съ шоффером высокій красавецъ... закричалъ:

— Спасайся, товарищи, бѣлые подходятъ!..

Въ моментъ онъ былъ стащенъ съ грузовика:

— А, такъ ты „красный“? Къ стѣнкѣ! Къ стѣнкѣ!

начали боьшевики. Финляндецъ Сванлюнгъ, активный участникъ борьбы противъ большевиковъ, въ своей книгѣ „Человѣкъ и Чудовище“ (Лондонъ 1928) говоритъ: „я охотно признаю, что мы... избивали красныхъ, не вникая въ отдѣльныхъ случаяхъ, совершили ли они какое-либо другое преступленіе, кромѣ того, что они были красные... но, насколько я видѣлъ, мы никогда не мучили и не пытали плѣнныхъ“.

И высокій человѣкъ былъ уже въ рукахъ десяти разъяренныхъ рабочихъ“ (104). Лебедевъ своимъ вмѣшательствомъ остановилъ убійство. Но вѣдь не всегда при такихъ сценахъ присутствовали „особо-уполномоченные“, да еще облеченные безапеляціонной властью!..*) Другая картина изображена Лебедевымъ въ дневникѣ отъ 23—25 іюля:

„ ... большевики снова ушли вверхъ, увозя съ собой двухъ нашихъ молоденькихъ солдатъ, захваченныхъ врасплохъ и безъ оружія въ одной изъ крайнихъ хатъ.

А на утро мы нашли ихъ на другомъ берегу Волги мертвыми, съ отрѣзанными ушами, носами, половыми органами и выколотыми глазами.

Бѣдныхъ мальчиковъ отвезли въ Самару. Вольскій приказалъ опубликовать всѣ подробности этого звѣрства во всенародное свѣдѣніе, а товарищами ихъ овладѣло дикое чувство ненависти“ (112).

Это дикое чувство овладѣвало и чехами, хотя среди нихъ, какъ оказывается, $^3/_4$ были соціалистами. Соціалисты не могли побороть, однако, ни чувства мести, ни чувства національной ненависти, которая выступала, когда чешскими плѣнниками являлись мадьяры. Эту черту отмѣчаютъ всѣ безъ исключенія мемуаристы того времени — Гутманъ, Кирилловъ, Кроль, Лебедевъ, Майскій и др. При первомъ же свиданіи съ Павлу Кроль обратилъ его вниманіе „на абсурдность того, что чехи не берутъ плѣнныхъ, въ особенности же мадьяръ, а обязательно убиваютъ ихъ“. Павлу отвѣтилъ, что онъ всецѣло раздѣляетъ взгляды Кроля, но что „очень трудно бороться съ настроеніемъ чеховъ-солдатъ, слишкомъ глубоко ненавидящихъ мадьяръ“ (63)**).

---

*) Рабочіе на Ижевскомъ заводѣ также требовали разстрѣла коммунистовъ... Пришлось протестовать Ижевскому Совѣту — не должно быть смертной казни при подлинно демократическомъ бытѣ („Ижевскъ въ огнѣ гражданской войны“. Ижевскъ 1927 г.). Такую чисто „стихійную месть“ большевицкіе мемуаристы отмѣчаютъ и при крестьянскомъ возстаніи въ Красноуфимскомъ у.; большевиковъ убивали вилами, косами, камнями. Это было еще до организованнаго „бѣлаго террора“ („Рабочая революція на Уралѣ“. Екатеринбургъ. 1921. 73—74).

**) Позже д-ръ Павелъ въ статьѣ о плѣнныхъ, напечатанной въ „Чехословацкомъ дневникѣ“ № 26 (31 января 1919 г.) объяснялъ ненависть солдатъ жестокостью, которую въ бояхъ проявляли мадьяры, находившіеся

Майскій регистрируетъ такую, повидимому, правдивую сцену, видѣнную имъ въ Казани днемъ 7 августа въ центральной части города:

„Я былъ невольно увлеченъ людскимъ потокомъ, стремительно несшимся куда-то въ одномъ направленіи. Оказалось, всѣ бѣжали къ какому-то большому четырехугольному двору, извнутри котораго раздавались выстрѣлы. Въ щели забора можно было видѣть, что дѣлается на дворѣ. Тамъ группами стояли плѣнные большевики: красноармейцы, рабочіе, женщины и противъ нихъ чешскіе солдаты съ поднятыми винтовками. Раздавался залпъ и плѣнные падали. На моихъ глазахъ были разстрѣлены двѣ группы, человѣкъ по 15 въ каждой. Больше я не могъ выдержать. Охваченный возмущеньемъ, я бросился въ соціалъ-демократическій Комитетъ и сталъ требовать, чтобы немедленно же была послана депутація къ военнымъ властямъ съ протестомъ противъ безсудныхъ разстрѣловъ. Члены комитета въ отвѣтъ только развели руками: — мы уже посылали депутацію, — заявили они, — но всѣ разговоры съ военными оказались безплодными. Чешское командованіе утверждаетъ, что озлобленію солдатъ долженъ быть данъ выходъ, иначе они взбунтуются“ (26—27).

Можно возмущаться вслѣдъ за Майскимъ, можно негодовать на несовершенство человѣческой натуры, ея примитивной психологіи, но придется признать, что на территоріи демократической власти этихъ насилій было не меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что не одно „реакціонное русское офицерство“ повинно въ нихъ. Намъ только и надо констатировать фактъ, что и Поволожье носило въ себѣ всѣ отрицательныя стороны гражданской войны. За общіе грѣхи приходится принимать и общую отвѣтственность.

* * *

Надо ли говорить, что формально самарское правительство не только не потакало этимъ мрачнымъ сторо-

---

въ рядахъ большевицкихъ войскъ. Не безъ остроумія онъ ихъ называлъ „шовинистскими интернаціоналистами“.

намъ гражданской войны, но посильно съ ними боролось. Однако и здѣсь неосторожныя слова отдѣльныхъ агентовъ власти могли потворствовать разнузданности страстей. Тѣмъ, кто такъ строгъ къ другимъ, надлежитъ прежде всего быть строгимъ въ отношеніи себя. Тотъ же Лебедевъ, получившій отъ Комуча неограниченныя полномочія, какъ по гражданской, такъ и по военной части (97), очень гордился впослѣдствіи тѣмъ, что онъ гдѣ то остановилъ начавшійся еврейскій погромъ*). Но экспансивный политикъ былъ въ дѣйствительности крайне неосторожень въ своихъ оффиціальныхъ призывахъ къ населенію. Вотъ примѣръ. Въ Казани въ газетѣ „Народная Жизнь“ (№ 2) появилась за подписью Лебедева грамота слѣдующаго содержанія: „Граждане! Крестьяне! Беззаконная грабительская совѣтская власть низложена... Не бойтесь ничего, расправляйтесь сами съ этими негодяями“... (Владимірова 334). 12 августа въ обращеніи къ Комитету членовъ У. С., опровергая „подлую ложь“ о разстрѣлахъ плѣнныхъ, Лебедевъ объявлялъ: ...„комиссарамъ мы пощады не дадимъ и къ ихъ истребленію зовемъ всѣхъ, кто раскаялся, кого насильно ведутъ противъ насъ“. (В. Р. VIII, 162). Подъ видомъ большевика можно было каждаго отправить на тотъ свѣтъ — вѣдь именно въ этомъ обвиняли агентовъ власти въ періодъ „генеральскихъ диктатуръ“. Положеніе послѣднихъ было сложнѣе, ибо не всегда тамъ можно было отдѣлить большевиковъ отъ другихъ „лѣвыхъ“ противниковъ — отъ соціалистовъ другого типа: они подчасъ дѣйствовали вмѣстѣ противъ диктатуры „черносотенныхъ генераловъ“.

На Волгѣ этого прискорбнаго явленія русской общественности не было. Здѣсь демократія (въ лицѣ с.-р. и отчасти с.-д.) боролась съ большевиками всѣми средствами. Эту борьбу поддерживала „буржуазія“, не сочувствовавшая лозунгамъ борьбы. Въ значительной степени правъ Майскій, дѣлившій населеніе этой территоріи на двѣ части: „государственно мыслящую“ и „большевицкую“. Такъ было, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ.

*) Дни.

Итакъ, власть Комуча volens-nolens должна была нести отвѣтственность за все, что дѣлалось отъ ея имени — во всякомъ случаѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ отвѣчаетъ власть всѣхъ другихъ временныхъ противобольшевицкихъ государственныхъ образованій: „Самарская армія вела себя не лучше, чѣмъ сибирская" — долженъ признать Ракитниковъ. Я нарочно беру свидѣтельство извѣстнаго дѣятеля партіи с.-р., а не коммуниста. Карательныя экспедиціи мало чѣмъ отличались отъ аналогичныхъ актовъ въ другихъ мѣстахъ и при наличіи власти, у которой не было ни такого сочувствія, ни такого вліянія среди населенія. „На крестьянскомъ съѣздѣ 18 сентября — говоритъ Ракитниковъ — волостные делегаты одинъ за другимъ разсказывали о поркахъ и экзекуціяхъ подъ видомъ розыска большевиковъ на почвѣ мобилизаціи и возмездія за аграрное движеніе 17 г." (25). „Безчинства карательныхъ отрядовъ — утверждаетъ другой с.-р., Утгофъ, — не встрѣчали противодѣйствія и озлобляли населеніе" (37). Даже „Вѣст. Ком. У. С.", смягчая выступленія крестьянскихъ делегатовъ, изображалъ доклады съ мѣстъ въ довольно мрачныхъ тонахъ. Напр., изъ Поповской волости — „послѣ переворота новая власть стала пускать нагайки"... „Порка" въ широкихъ размѣрахъ примѣнялась при мобилизаціи*), — при отказѣ крестьянъ давать рекрутовъ; Кроль утверждаетъ, что иногда и „добровольчество" не обходилось безъ этой мѣры воздѣйствія (62). Майскій заявляетъ, что въ подобныхъ упражненіяхъ принимали участіе, „не только черносотенные офицеры, но и представители эс-эровской партіи, посылаемые Комитетомъ въ деревенскіе районы для урегулированія столкновеній, возникшихъ въ связи съ мобилизаціей" (183)**). О „поркахъ" въ Бузулукскомъ уѣздѣ разсказываетъ ген. Сахаровъ („Бѣлая Сибирь" 9) и многіе другіе. Мы готовы не вѣрить дикимъ „похвальбамъ" о разстрѣлѣ 900 новобранцевъ въ день сдачи Самары или 120 плѣнныхъ красноармейцевъ на ст. Чишма***). Мы можемъ ослабить оцѣнку по-

*) „Порки" отказывавшихся при мобилизаціи, повидимому, наблюдались и у ижевцевъ. („Ижевскъ въ огнѣ", 70).

**) Майскій называетъ и имена.

***) Объ этомъ разсказываетъ (стр. 11) въ своей сумбурно написанной

давленія возстанія въ Сибирскомъ полку, даваемую Майскимъ (163) или докладовъ полк. Галкина объ обстрѣлѣ артиллерійскимъ огнемъ непокорныхъ деревень*); мы пройдемъ мимо захвата заложниковъ Комучомъ въ отвѣтъ на такую же мѣру большевиковъ (Кроль 136)**), — фактовъ и такъ будетъ немало. Читатель можетъ избавитъ меня отъ регистраціи и нанизыванія ихъ одинъ за другимъ. Это отчасти сдѣлано въ книгѣ с.-р. Буревого „Распадъ“ на стр. 31—32. Будетъ въ лѣтописяхъ самарскихъ и наказаніе плетьми желѣзнодорожныхъ рабочихъ на ст. Иманъ 10—15 сентября и разстрѣлъ городского головы с.-р. Горвица — фактъ аналогичный, если не худшій, повѣшенію ат. Красильниковымъ Канскаго городского головы въ Сибири. Будетъ въ этихъ лѣтописяхъ и жестокое усмиреніе рабочаго возстанія въ фабричномъ центрѣ Иващенковѣ, гдѣ, по словамъ Майскаго, на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ отъ „ряда достовѣрныхъ свидѣтелей“, было убито нѣсколько сотъ человѣкъ (184)***).

Если подойти къ оцѣнкѣ этихъ фактовъ съ точки зрѣнія, съ которой обычно подходятъ представители революціонной демократіи къ аналогичнымъ явленіямъ на территоріи Сибирскаго ли Правительства — этого „гнѣзда реакціи“, или правительства адм. Колчака, или ген. Деникина, то однимъ изъ реакціоннѣйшихъ правительствъ придется признать правительство Комитета членовъ Учр. Собранія ****).

брошюрѣ „Сибирскія авантюры и генералъ Гайда“ (Прага) Бор. Солодовниковъ (офицеръ съ „революціоннымъ прошлымъ“).

*) Ясно, что мобилизація въ Самарѣ вовсе не происходила „по системѣ воззваній и уговариваній“, какъ невѣрно въ свое время информировали Деникина (III, 97).

**) Сообщеніе Кроля вполнѣ подтверждается разсказами Старынкевича, говорившаго мнѣ, что въ періодъ Уфим. Совѣщанія Роговскій велъ съ нимъ на эту тему бесѣды. Но Сибирское правительство отказывалось ввести институтъ „заложниковъ“.

***) У большевицкихъ историковъ эта цифра неизбѣжно, конечно, вырастаетъ:—„бѣлые изъ общаго числа рабочихъ около 6000 человѣкъ вырѣзали 1500“. (Ссылка на сообщеніе „Приволжской Правды“ 27 окт. Владимірова 321).

****) Если послушать большевиковъ, то самый большой „разгулъ нагайки“ ниблюдался въ Ижевскѣ. Въ тюрьмахъ избивали, прикалывали штыками и т. д. („Ижевскъ въ огнѣ“ 80).

И совсѣмъ неумѣстной становится претенціозность этой власти. Когда упомянутая выше казанская рабочая конференція постановила затребовать отъ представителей власти объясненіе по поводу арестовъ членовъ конференціи, „чрезвычайные уполномоченные“ правительства, Лебедевъ и Фортунатовъ, отвѣтили: „власть, исходящая изъ всенароднаго голосованія, никакихъ требованій отъ частныхъ группъ населенія не принимаетъ и впредь отнюдь не допуститъ, не останавливаясь для того передъ мѣрами строгости“ („Кам.-Вол. Рѣчь“, 4 сент.; Владимірова 335). Рабочіе отвѣтили возстаніемъ. Оно было быстро ликвидировано. „По всѣмъ мѣстамъ — въ эпическомъ тонѣ разсказываетъ В. Г. Архангельскій — „былъ расклеенъ приказъ начальника гарнизона ген.-лейт. Рычкова и командующаго войсками Степанова о томъ что „1) въ случаѣ малѣйшей попытки какой-либо группы населенія и въ частности рабочихъ вызвать въ городѣ безпорядки... по кварталу, гдѣ таковые произойдутъ, будетъ открытъ бѣглый артиллерійскій огонь; 2) лица, укрывающія большевицкихъ агитаторовъ или знающіе ихъ мѣстонахожденіе и не сообщившія объ этомъ коменданту города, будутъ предаваться военно-полевому суду, какъ соучастники („В. Р.“ X, 148).

Очевидно, въ данномъ случаѣ это не было произволомъ военнаго командованія. Такъ проявляла свою „твердость“ уже сама демократическая власть.

ГЛАВА IV.

Сибирское правительство.

1. НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Отъ власти „демократической“ вернемся къ той власти, которая создалась въ Сибири и которую самарскіе правители окрестили „реакціонной“. Мы остановились на томъ моментѣ эволюціи сибирской власти, когда наряду съ Омскимъ правительствомъ центральной властью для Сибири объявили себя члены восточнаго комиссаріата во главѣ съ Дербером.

Такъ называемое дербероское правительство до свержения власти большевиковъ въ Зап. Сибири фактически большой дѣятельности не проявляло: его харбинскіе агенты горько жалуются на „полнѣйшее невѣдѣніе“ того, что творится на востокѣ“ (напр, письмо Неупокоева). Даже изъ Владивостока членъ правительства Захаровъ пишетъ о „полномъ отсутствіи информаціи“ о дѣятельности правительства въ Харбинѣ. Называя себя правительствомъ, распредѣливъ министерскіе портфели, вплоть до военнаго (Краковецкій), оно жило въ вагонѣ, предоставленомъ ему Хорватомъ. Министры не дѣлали никакихъ выступленій, жили, какъ частные люди, повидимому ни во что не вмѣшиваясь, не располагая „никакими средствами“ *), и „никакихъ претензій“ ни что не предъявляя. Такъ характе-

*) Нѣкоторую денежную помощь оказывалъ Дербер у „Закупсбытъ“.

ризовалъ правительство Дербера въ харбинскій его періодъ на допросѣ адм. Колчакъ (114).

Впрочемъ, одна претензія была: „на какое-то званіе членовъ правительства".

По словамъ Колчака, ген. Хорватъ, глава фактическаго правительства, существовавшаго на полосѣ отчужденія Вост. Кит. ж. д., въ это время не претендовалъ на формированіе власти. Харбинскія политическія организаціи (Дальневосточный Комитетъ активныхъ защитниковъ родины во главѣ съ прис. пов. Александровымъ) проявляли весьма слабую дѣятельность, которая выражалась въ поддержкѣ мѣстныхъ военныхъ отрядовъ. Послѣдніе какъ-бы подчинялись находившемуся въ Харбинѣ „Штабу россійскихъ войскъ полосы отчужденія" во главѣ съ ген. Плѣшковымъ, который однако рѣшительно не въ состояніи былъ утихомирить разгорѣвшіяся страсти" *).

Къ характеристикѣ, данной Колчакомъ и въ общемъ правильной, слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторые коррективы. Дербероское правительство пыталось на первыхъ порахъ занять на Д. Востокѣ центральное положеніе. Оно даже склонно было итти на соглашеніе съ „цензовыми" элементами. Уполномоченные правительства, Устругова и Сталь, посланные въ Пекинъ, оттуда опредѣленно писали, что „союзники, особенно японцы и китайцы, вѣрятъ только авторитету Д. Л. Хорвата, поэтому необходимо было бы зафиксировать участіе послѣдняго въ Сибирскомъ правительствѣ". (Письмо 28 марта). Въ отвѣтъ Дерберъ сообщаетъ: „сегодня велъ переговоры (съ) Хорватомъ, окончательнаго отвѣта не далъ, обѣщаетъ завтра... Завтра полагаемъ вести переговоры (съ) Путиловымъ относительно участія его (въ) выработкѣ финансового плана". Вмѣстѣ съ тѣмъ стало извѣстно о пріѣздѣ Колчака. Дерберъ добавляетъ: „предложите Колчаку отъ имени правительства вступить въ составъ въ качествѣ управляющаго морскимъ (вѣдомствомъ)". „Союзники дожны оказать — телеграфируютъ Дерберъ и Моравскій своимъ пекинскимъ уполномо-

*) Н. А. Андрушкевичъ. Послѣдняя Россія („Бѣлое Дѣло", IV, 117).

ченнымъ 1 марта — давленіе (на) Хорвата въ смыслѣ необходимости соглашенія (и) невозможности иной комбинаціи" *).

Наряду съ этими согласительными мотивами въ перепискѣ звучитъ и весьма несогласительная угроза, въ которой „Дальне-Восточный Комитетъ" именуется „авантюристической организаціей". „Вы должны ихъ (союзниковъ) предупредить и о гражданской войнѣ которая возникнетъ въ тылу у иностранныхъ войскъ, и о террорѣ, который разовьется въ случаѣ осуществленія комбинаціи власти сверху... Вообще нужно имъ дать понять, что своими дѣйствіями они объединяютъ всѣхъ съ большевиками, такъ какъ никогда организованныя общественныя силы (городскія и земскія самоуправленія, кооперативы, организаціи, дающія намъ милліоны рублей и объединяющія милліоны крестьянъ, національныя организаціи и другія) не примирятся съ иностранной властью въ образѣ русскаго Хорвата или авантюристической организаціей вродѣ Дальневосточнаго Комитета". При такихъ условіяхъ довольно естественно, что „цензовые" элементы, вѣрнѣе — харбинскіе кадеты во главѣ съ бывш. чл. Гос. Думы Вострогинымъ (Колосовъ. „Былое" XXI, 291)—уклонялись отъ соглашенія, и поэтому, вѣроятно, Хорватъ воздерживался отъ „категорическаго отвѣта".

Дерберовское правительство склонно было выступить съ декларацiей о добровольческой арміи и обращеніемъ къ союзникамъ, не дожидаясь какого нибудь соглашенія, но пекинскіе уполномоченные, ссылаясь на отзывы представителей союзниковъ, твердо отвѣчали, что такія выступленія преждевременны. Ясно было, что „опереточное правительство" могло перестать быть таковымъ только при содѣйствіи союзниковъ, т. е. образованія базы во Владивостокѣ, — какъ гласила программа дѣйствій правительства, — снабженія Англіей и Японіей всѣмъ необходимымъ и стратегическаго резерва изъ бригады-дивизія японцевъ.

*) Переписка эта въ матеріалахъ „Временное правит. Авт. Сибири" въ XXXIV кн. „Краснаго Архива".

Такъ тянулись дни. Поэтому не такъ далека уже отъ истины характеристика, данная на допросѣ Колчакомъ *).

* * *

В мартѣ впервые въ дни гражданской войны на сцену Сибири появился адм. Колчакъ. Въ показаніяхъ передъ слѣдственной комиссіей онъ подробно остановился на разсказѣ о своемъ пріѣздѣ на Дальній Востокъ. Разсказъ этотъ важенъ для опроверженія нѣкоторыхъ „легендъ", которыя уже сложились въ литературѣ.

По оставленіи Черноморскаго флота, Колчакъ былъ командированъ Врем. Правительствомъ въ Америку. Послѣ большевицкаго переворота и брестъ-литовскаго мира, желая активно участвовать въ войнѣ, Колчакъ предложилъ свои услуги англійскому правительству: „Для меня было ясно, — показывалъ Колчакъ — что этотъ миръ обозначаетъ полное наше подчиненіе Германіи, полную нашу зависимость отъ нея и окончательное уничтоженіе нашей политической независимости". Колчаку было предложено ѣхать въ штабъ месопотамскій армій. Въ Шанхаѣ, по дорогѣ въ Бомбей, Колчакъ получилъ отъ русскаго посланника въ Пекинѣ, кн. Кудашева, просьбу пріѣхать къ нему для переговоровъ по весьма важному дѣлу. Колчакъ отвѣтилъ, что не можетъ уже измѣнить маршрута. Въ Сингапурѣ онъ получилъ однако телеграмму отъ англійскаго правительства съ предложеніемъ, согласно ходатайству кн. Кудашева, вернуться въ Россію и начать дѣятельность на Д. Востокѣ, что, съ точки зрѣнія англичанъ, являлось болѣе полезнымъ для общаго союзническаго дѣла (106—7). Въ Пекинѣ Кудашевъ указалъ Колчаку на необходимость въ соотвѣтствіи съ работой, которая ведется Добровольческой Арміей, начать подготовку вооруженной силы на Д. Востокѣ. Существующіе отдѣльные отряды самочинны,

*) Во Владивостокѣ былъ членъ правительства Захаровъ, пытавшійся объединить вокругъ правительства мѣстныя общественныя силы въ „организаціонный коллективъ". Изъ Пекина ему давали совѣтъ: „сидѣть смирно". Мѣстные представители организованной демократіи воздерживались также отъ принятія функцій оффиціальнаго представительства власти.

„не подчиняются никому, зависятъ отъ тѣхъ иностранцевъ, которые имъ даютъ деньги". Происходитъ „полный хаосъ". „Надо постараться этотъ хаосъ привести въ порядокъ" (108). Колчакъ согласился, договорившись съ прибывшимъ въ Пекинъ Хорватомъ.

Въ первой половинѣ апрѣля Колчакъ прибылъ въ Харбинъ. „Въ первые же дни мнѣ было совершенно ясно — разсказывалъ Колчакъ — что Семеновъ дѣйствуетъ, не считаясь съ Хорватомъ, ни съ его распоряженіями, широко примѣняя въ полосѣ отчужденія ж. д. реквизиціонную систему, т. е. просто забирая все, что можетъ" (III). Колчакъ рѣшилъ непосредственно переговорить съ самимъ Семеновымъ, и въ началѣ мая поѣхалъ въ Манчжурію. Для Колчака въ дѣлѣ, повидимому, не было мелкаго самолюбія. Онъ самъ пришелъ въ вагонъ къ Семенову, такъ какъ казачій есаулъ не пожелалъ встрѣтить достаточно извѣстнаго своею дѣятельностью русскаго адмирала. Семеновъ отвѣчалъ „довольно уклончиво", отказался взять средства отъ правленія Вост.-Китайск. ж. д., заявляя, что онъ „сейчасъ ни въ чемъ не нуждается", получая средства и оружіе отъ Японіи, и что онъ не обращается къ Колчаку „ни съ какими пожеланіями и просьбами". „Тогда я убѣдился — говоритъ Колчакъ — что, въ сущности, и разговаривать не о чемъ". Колчаку „совершенно опредѣленно заявили, что Семеновъ получилъ инструкцію" ни въ какомъ случаѣ ему не подчиняться (119). Ясно, откуда была инструкція. Японскія военные власти боялись независимости, твердости и патріотической честности Колчака *).

„Изучивши средства и ресурсы Вост.-Кит. ж. д., я увидѣлъ — продолжаетъ Колчакъ — что создать здѣсь серьезную вооруженную силу не удастся и... что операціи надо вести главнымъ образомъ на Д. Востокѣ" (Владивостокъ). У япон-

*) Колчакъ передаетъ характерныя бесѣды, которыя онъ велъ до разговора съ Семеновымъ съ главой японской военной миссіи ген. Накашима. Рѣчь шла о передачѣ оружія въ счетъ суммъ, имѣющихся у правленія дороги.

— Какія компенсаціи можете предоставить за это?

— Я вовсе не прошу оружія, какъ милости... Продайте.

Накашина отвѣтилъ, что денежный вопросъ его совершенно не интересуетъ...

цевъ „въ это время обсуждался вопросъ объ интервенціи, и я думаю, что съ японской точки зрѣнія созданіе вооруженной силы на Востокѣ было въ то время совершенно нежелательно". Отсюда и конфликтъ съ японской военной миссіей и тѣ интриги, которыя велись противъ Колчака на почвѣ его „японофобіи". „Собственно говоря — добавляетъ К. — никакого японофобства и японофильства не было — нужно только было получить оружіе". Колчаку пришлось при одномъ незакономѣрномъ дѣяніи семеновскаго отряда принять рѣшительныя мѣры и, собравъ, отрядъ въ 40 человѣкъ, арестовать компанію и отобрать захваченное имущество. „Это вызвало страшное возмущеніе среди японцевъ и среди семеновцевъ". „Послѣ этого японская миссія повела себя совершенно открыто" и „по германской системѣ" стала разлагать тѣ маленькія части, которыя были у Колчака (125). Начались у Колчака нелады и съ Хорватомъ. Послѣдній продолжалъ оказывать помощь Семенову вопреки распоряженіямъ Колчака. Съ откровенностью Колчакъ говоритъ: „возможно... Хорватъ желалъ отъ меня отдѣлаться", считая „слишкомъ безпокойнымъ и слишкомъ несдержаннымъ" (137) *). Противодѣйствовать японской политикѣ Колчаку казалось безсмысленнымъ — для этого не было никакихъ средствъ. Колчакъ рѣшилъ поѣхать въ Японію и „совершенно открыто" поговорить съ начальникомъ генеральнаго штаба Ихарой. Въ Токіо русскій посланникъ Крупенскій ему сказалъ: „Знаете, вы поставили себя съ самаго начала въ слишкомъ независимое положеніе относительно Японіи, и они это поняли". Колчакъ на это отвѣтилъ: ...„Мои поступки не давали никогда основанія и повода къ тому, чтобы считать меня врагомъ Японіи. Я относился къ ней, какъ союзной державѣ... Я считаю, что я продолжаю ту войну, которую мы вели раньше". При свиданіи Ихара посовѣтовалъ Колчаку

*) Авторъ получившаго большую популярность дневника, который печатался въ „Архивѣ Рус. Револ." І. В. Гессена, бар. Будбергъ, на своемъ остроумномъ языкѣ называетъ Хорвата „удачливымъ ловцемъ разныхъ теченій". Такой характеръ мало подходилъ къ темпераментному Колчаку. Но Будбергъ съ чрезвычайными преувеличеніями описываетъ столкновенія, которыя были у Колчака (219—220).

временно остаться въ Японіи: „когда можно будетъ ѣхать, я скажу вамъ“... „Я протелеграфировалъ Хорвату общее содержаніе этой бесѣды, остался въ Японіи и рѣшилъ полечиться, потому что чувствовалъ себя не вполнѣ здоровымъ“ (126).

Въ это время пришло сообщеніе, что во Владивостокѣ образовалось правительство Дербера, а потомъ и правительство Хорвата.

... „Я понялъ — продолжаетъ Колчакъ — что мое возвращеніе нежелательно. Въ то время готовилась интервенція, т. е. вводъ иностранныхъ войскъ на нашу территорію. По всей вѣроятности, впечатлѣніе, которое осталось у японцевъ было таково, что я буду мѣшать этому дѣлу. Поэтому они желали, чтобы я не вмѣшивался въ дѣла Востока“ (138)... „Обдумавъ свое положеніе въ Японіи, я, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что при условіи интервенціи я врядъ ли буду имѣть возможность здѣсь, въ Россіи, что нибудь сдѣлать, потому что эта интервенція была мнѣ неясна прежде всего. Она носила оффиціальный характеръ помощи и обезпечиванія прохода чеховъ на Дальній Востокъ. Вслѣдъ за тѣмъ получилось извѣстіе, что чехи отправляются обратно на уральскій фронтъ, и смыслъ и суть этой интервенціи мнѣ были совершенно непонятны. Я... считалъ, что дѣлать мнѣ на Востокѣ здѣсь нечего... Я рѣшилъ ѣхать на югъ, постараться найти свою семью, а затѣмъ явиться въ распоряженіе Алексѣева“ (143).

* * *

Когда 29 іюня чехословаки свергли во Владивостокѣ совѣтскую власть, „правительство опереточное“ — Дерберъ и его министры, конспиративно перебравшіеся передъ тѣмъ изъ Харбина во Владивостокъ, — объявило себя „Временнымъ правительствомъ автономной Сибири“*). По словамъ бывшаго тогда на Д. В. ген. Флуга, оно склонно было ом-

*) Такъ какъ многіе склонны считать, что Японія оказывала правительству Хорвата совершенно исключительное содѣйствіе, слѣдуетъ отмѣтить, что, по словамъ гон. Степанова, этотъ переѣздъ свершился „не безъ настояній японцевъ“ при помощи субсидіи, полученной Краковецкимъ. (Деникинъ. III, 107).

ское правительство разсматривать только, какъ свой филіалъ (IX, 299). Въ декларацiи 29 iюня оно дѣйствительно довело до свѣдѣнiя „дружественныхъ Россiи державъ, какъ союзныхъ, такъ и нейтральныхъ“, что вступило „въ права и обязанности центральной государственной власти въ Сибири“. Временное правительство автономной Сибири считало себя въ правѣ принять функцiи центральнаго правительства Сибири на основанiи уполномочiй Областной Сибирской Думы, созданной на основѣ „представительства всѣхъ общественныхъ группъ Сибири“. Временное правительство, „съ сожалѣнiемъ“ констатируя фактъ „временнаго отсутствiя въ составѣ Обл. Сиб. Думы и правительства представителей цензовыхъ слоевъ населенiя“ и „считая безусловно необходимымъ объединенiе въ высокихъ органахъ государственной власти всѣхъ слоевъ населенiя страны“, „категорически“ завѣряло непредставленную въ Сиболдумѣ часть населенiя въ томъ, что имъ будемъ внесенъ въ первое же засѣданiе Думы законопроектъ о „справедливомъ и немедленномъ пополненiи состава Об. Думы“. (Полный текстъ декларацiи въ „Хроникѣ“ Прил. 50). Въ правительство „автономной Сибири“ вошли малоизвѣстные дѣятели изъ партiи с.-р. Оно поспѣшило назначить своихъ представителей въ Токiо и въ Вашингтонѣ и въ нѣкоторой наивной простотѣ разослать союзнымъ державамъ ноту, въ которой „съ особенной настойчивостью“ „предупредительно“ указывали, что „всякiя соглашенiя союзныхъ державъ съ отдѣльными лицами и организацiями частнаго характера, объявляющими себя правителями или государственной властью въ предѣлахъ Сибири, неминуемо встрѣтятъ въ населенiи Сибири единодушное осужденiе и будутъ приняты, какъ дѣйствiе враждебное по отношенiю къ самому населенiю, а потому союзныя державы, не преслѣдуя въ Россiи какихъ-либо иныхъ задачъ, кромѣ борьбы за обще-демократическiй миръ, и стремясь къ безпрепятственному и ускоренному его достиженiю совмѣстно съ Россiей, сочтутъ для себя необходимымъ въ дальнѣйшихъ своихъ мѣропрiятiяхъ на территорiи Сибири и дѣйствовать исключительно въ согласiи съ высшей территорiальной властью

Сибири, какою, несомнѣнно, является Временное Правительство Автономной Сибири". („Хр." Прил. 87).

Въ сущности параллельно съ центральнымъ правительствомъ Дербера во Владивостокѣ существовала, также эс-эровская, мѣстная власть — „областное земство" съ правительственными функціями, возглавляемое Медвѣдевымъ. Позиція земства была характерна — оно искало „путей мирнаго соглашенія съ большевиками" и не желало порывать съ органами „революціонной власти — совѣтами". Такъ опредѣляетъ „принципіально невыдержанную" позицію дальневосточныхъ эс-эровъ самъ бывшій предсѣдатель Сиболдумы *).

Въ противовѣсъ соціалистическому правительству 9 іюля было объявлено о созданіи „Дѣлового Кабинета Временнаго правителя" ген. Хорвата. Это была, по словамъ Колчака, „работа Дальневосточнаго Комитета", вдохновляемая к.-д. Востротинымъ**). Эс-эръ Алексѣевскій на засѣданіи слѣдственной комиссіи съ пристрастіемъ допрашивалъ Колчака объ его отношеніи къ акту 9 іюля, отыскивая въ „умонастроеніи" Колчака „предпосылку" къ необходимости единоличной власти: „вѣдь верховный правитель это, въ сущности, диктаторъ". Колчакъ отвѣтилъ: „Я считалъ, что надо привести Д. В. къ какому нибудь порядку, поэтому я считалъ вполнѣ понятнымъ, если бы Хорватъ распространилъ свою власть, кромѣ полосы отчужденія, и на соприкасающуюся Приморскую область... Во всякомъ случаѣ, я не считалъ, что это торжество единоличной власти" (139). Колчакъ разсказываетъ, какъ три власти отмѣняли постановленія другъ друга и боролись между собой. Колчакъ говоритъ, что такъ какъ онъ имѣлъ невѣрныя свѣдѣнія о характерѣ приморской власти, ему казалось наиболѣе резоннымъ начать организацію правительства черезъ

---

*) Ив. Якушевъ. „Дальневосточныя самоуправленія въ борьбѣ за власть" (1917—1919). „Мѣстное Самоупр." Труды общества въ Чехословакіи. (Прага 1926, стр. 196, 201).

**) Милюковъ изображаетъ такъ, что созданіе правительства „было подготовлено путемъ продолжительныхъ переговоровъ нашихъ дипломатическихъ представителей въ Пекинѣ и Токіо съ Японіей" (43). Едва ли это было такъ. См. Флугъ, 274.

дѣловое земство. Затѣмъ онъ убѣдился, что это земство носило характеръ полубольшевицкій.

Хорватъ, конечно, былъ „единственнымъ авторитетомъ“ въ этой средѣ. Его власть однако авансомъ была объявлени мѣстной „лѣвой“ демократіей реакціонной. „Удачливый ловецъ разныхъ теченій“ былъ, повидимому, прежде всего человѣкомъ дисциплины. Колчакъ подчеркиваетъ, что ген. Хорватъ всегда отстаивалъ законныя нормы борьбы. Хорватъ былъ большимъ джентльменомъ въ общественныхъ отношеніяхъ *). Вѣроятно, онъ такъ легко поэтому подчинился и Сибирскому правительству, и верховенству адм. Колчака, конкурентомъ котораго онъ являлся въ глáзахъ нѣкоторыхъ сибирскихъ общественныхъ круговъ **). Въ составъ дѣлового кабинета вошли отнюдь не только „правые“ элементы. Дѣловой кабинетъ составился изъ троихъ безпартійныхъ, двухъ членовъ партіи народной свободы, двухъ народныхъ соціалистовъ, изъ нихъ одинъ потанинскаго „кружка“ (имѣется въ виду, очевидно старый народникъ Курскій). Въ его средѣ былъ, между прочимъ, и инж. Уструговъ — прежде членъ Дербероѵскаго правительства, позже въ первую очередь приглашенный Директоріей на постъ министра путей сообщенія. Вошелъ въ него и представитель Добр. Арміи Флугъ.

4 іюля, получивъ свѣдѣнія о событіяхъ въ Приморской области, правительство Хорвата послало авангардъ подъ командой ген. Хрещатицкаго для занятія участка „русской территоріи“, гдѣ могла бы объявиться новая „россійская власть“. Но авангардъ ген. Хрещатицкаго былъ встрѣченъ „въ боевомъ порядкѣ“ чехо-словацкими войсками, „консульскій корпусъ“ же во Владивостокѣ предложилъ Хорвату „немедленно отозвать... войска въ предѣлы полосы отчужденія К. В. жел. дор., а самому ему обратиться

*) Это подтверждаетъ отношеніе Хорвата въ Харбинѣ къ дербероѵскому правительству, которому было оказано полное гостепріимство. Флугъ считаетъ „большой политической ошибкой“ со стороны Хорвата, что послѣ выясненія непримиримой позиціи этого министерства, Хорватъ нв принялъ мѣръ къ его „ликвидаціи или хотя бы къ невыпуску изъ Харбина“ (294).

**) Флугъ разсказываетъ, что Хорватъ „по собственной инипіативѣ“ обязался въ случаѣ соприкосновенія съ М. В. Алексѣевымъ „тотчасъ же уступить принятую на себя власть“ (274).

къ исполненію обязанностей Директора той же дороги (Флугъ, 297). Хорватъ попытался перенести со ст. Гродеково свою резиденцію во Владивостокъ, но здѣсь союзники вновь показали, что только они реальная сила на Д. Востокѣ: Хорватъ, прибывшій во Владивостокъ „съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ офицеровъ“, вынужденъ былъ этотъ „почетный эскортъ“ отправить въ Гродеково (Jb. 299).

Такимъ образомъ „обѣ претендующія на власть на Д. Востокѣ организаціи продолжали существовать рядомъ, взаимно одна другую парализуя“, или, по выраженію доклада ген. Степанова, „высиживая другъ друга на изморъ“.

28 іюля правительство „автономной Сибири“, (входившей въ составъ федеративной россійской республики), единственная законная и признаваемая на территоріи Сибири власть, призывавшая населеніе къ „объединенію“ и прекращенію гражданской войны*), послало Хорвату требованіе „сложить съ себя незаконно присвоенныя полномочія“. Тѣмъ не менѣе, по иниціативѣ союзниковъ, между обоими правительствами начались дипломатическіе переговоры. Но договориться было трудно, и особенно правительству Дербера, (Дербера съ 21 іюля на посту предсѣдателя замѣнилъ Лавровъ, кооптированный въ правительство отъ земства). Владивостокское правительство опиралось на „организованную“ соціалистическую демократію. Послѣдняя не очень склонялась къ уступкамъ, какъ свидѣтельствуетъ, напр., открытое письмо никольско-уссурійскаго городского головы Вакулина на имя Дербера. Вакулинъ, до котораго дошли слухи о переговорахъ съ ген. Хорватомъ, протестуетъ. Разговаривая съ Хорватомъ, Дербер порываетъ съ демократіей. Вакулинъ убѣжденъ, что „революцію спасти можно только организаціей однородной, т. е, соціалистической, власти“ (владивостокская „Власть Нар.“ № 17).

Уже 24 августа переговоры были прерваны. Дѣло въ томъ, что мѣстное офицерство, какъ и вездѣ на другихъ

*) Письмо мин. пр. Дербера въ „Вѣст. Вр. Пр. Авт. Сиб.“ № 4 „Хроника“, Прил. 86.

территоріяхъ, естественно стремилось къ объединенію военнаго командованія. На состоявшихся во Владивостокѣ совѣщаніяхъ представителей обѣихъ военныхъ группъ, въ роли общаго боевого начальника былъ выдвинутъ ген. Плѣшковъ, издавшій 23 августа соотвѣтствующій приказъ. Это было признано приморской властью попыткой фактически захватить власть (вѣроятно, такъ и это было — готовилось „пронунціаменто“). Здѣсь вмѣшались союзники и приказали разоружить войска, признавшія Плѣшкова. Операція эта была произведена „японскими и китайскими контигентами“.

„Этотъ позоръ дѣйствительно состоялся вечеромъ 25 августа, къ великому ликованію тѣхъ, равнодушныхъ къ вопросу національной чести русскихъ гражданъ, которые были его виновниками. Но вслѣдъ за этимъ, поруганное народное чувство среди болѣе чуткой части владивостокскаго населенія выразилось въ такихъ формахъ, которыя заставили иностранныхъ резидентовъ призадуматься относительно цѣлесообразности столь поспѣшно принятой ими мѣры. Явились предположенія о ея пересмотрѣ...

Окончательный толчокъ этимъ сомнѣніямъ дало прибытіе во Владивостокъ облеченнаго особыми полномочіями англійскаго генерала Нокса, въ результатѣ чего около половины сентября, русскому отряду, при подобающей обстановкѣ, было возвращено отобранное у него оружіе“ (Флугъ, 202).

Внѣ всякаго сомнѣнія, что инспираторами союзниковъ въ данномъ случаѣ были дѣйствительно лидеры „лѣвыхъ“. Оказалось, что ночью, въ моментъ разыгравшагося конфликта, эс-эры Краковецкій и Медвѣдевъ посѣтили англичанъ и японцевъ, которые и рѣшили поддержать управу. Это вызвало даже протестъ другихъ эс-эровъ, негодовавшихъ на вмѣшательство союзниковъ во внутреннія русскія дѣла („Путь Народа“ 5 сент.). На всю военную корпорацію инцидентъ съ разоруженіемъ русскихъ частей произвелъ крайне тяжелое впечатлѣніе.

... „Обезоружена и опозорена единственная приличная русская военная организація Волкова“ — записываетъ въ

дневникѣ Будбергъ... „Оффиціально подтверждается о разоруженіи офицерской организаціи Бурлина; это крупное несчастье, ибо на ней можно было положить основаніе созданія первой настоящей воинской части; она заключала въ себѣ много идейныхъ людей, думавшихъ не о себѣ, а о Россіи и ея спасеніи“ (XIII, 246).

Всѣ эти печальныя „оперетки“, „да еще съ третьеразрядными исполнителями“, по выраженію язвительнаго Будберга, вызывали лишь огорченія у Колчала, находившагося еще въ Японіи. „Для меня было ясно, что Хорватъ и его правительство не являются хозяевами на Востокѣ... Тамъ хозяйничаютъ союзники... Въ сущности этимъ и опредѣлялось мое отношеніе къ этимъ правительствамъ... Я рѣшилъ, что теперь наступило господство союзниковъ, которые будутъ распоряжаться, даже не считаясь съ нами“ (139).

* * *

Была, какъ мы знаемъ, въ восточной Сибири и еще одна власть, которую поддерживали почти исключительно иностранцы: отчасти французы и главнымъ образомъ японцы*). Это была власть атам. Семенова, самоопредѣлившагося на подобіе временнаго правителя забайкальской области. „Вскормленный Хорватомъ утенокъ отправился въ отдѣльное плаваніе“ — записываетъ Будбергъ 19 мая. Считать Семенова креатурой Хорвата едва ли правильно. Не безынтересно то, что правительство „Автономной Сибири“ къ семеновской власти въ этотъ періодъ относилось далеко не враждебно. Оно считало Семенова даже какъ бы своимъ авангардомъ— такъ и опредѣляетъ роль Семенова сибирскій кооператоръ Морозовъ, дѣлавшій 12 сентября докладъ о сибирскомъ правительствѣ архангельскому правительству. Къ Семенову нѣтъ отрицательнаго отношенія, ибо еще весной онъ призналъ и Областную Думу и Учредительное Собраніе. Изъ

*) Флугъ больше всего и обвиняетъ иностранцевъ, съ „благословенія которыхъ по невѣдѣнію“ въ атмосферѣ сибирскаго многовластія пышно расцвѣло на Д. Востокѣ „атаманство“ (298). Здѣсь было, очевидно, не одно только „невѣдѣніе“. Позже французская военная миссія продолжала организовывать самостятельные отряды „особаго назначенія“. См. „Кр. Арх.“ XXIX, 206 — свѣдѣнія относятся къ сентябрю.

журнала правительства 5 августа, опубликованнаго Вегманомъ въ примѣчаніяхъ къ воспоминаніямъ ген. Болдырева, мы узнаемъ, что Дербероvское правительство даже кредитовалось у Семенова (стр. 522, прим. 73)...

Семенову первому пришлось столкнуться съ двигающимися съ запада сибирскими и чешскими войсками подъ начальствомъ Пепеляева и Гайды. Взята была Чита; захвачена Амурская ж. д.; пали Благовѣщенскъ, Срѣтенскъ, Нерчинскъ. „На ст. Оловянная — разсказываетъ участникъ пепеляевскаго похода И. А. Кирилловъ — вскорѣ пріѣхалъ для переговоровъ полк. Афанасьевъ, представитель ат. Семенова, при чемъ самъ атаманъ Семеновъ не являлся, очевидно, выжидая событій.

„Полк. Афанасьевъ велъ переговоры весьма неопредѣленно и, казалось, что-то не договаривалъ.

„Въ виду неопредѣленности рѣшено было созвать экстренное засѣданіе военнаго совѣта, на немъ кап. Кадлецъ (чехъ), со свойственной ему прямотой, заявилъ, что если нужно силой оружія усмирить непокорныхъ, то онъ готовъ немедленно двинуть свой отрядъ.

„Послѣ совѣщанія полковнику Афанасьеву было предложено передать Атаману Семенову, что если онъ не признаетъ Сибирскаго Правительства, то противъ него немедленно будутъ открыты боевыя дѣйствія, при чемъ былъ данъ срокъ до 12 час. слѣдующаго дня.

„Атаманъ Семеновъ, не дожидаясь окончанія этого срока, — весьма акуратно явился въ штабъ, гдѣ извинился за свою задержку, сказалъ о своей готовности подчиниться Сибирскому Правительству и просилъ, какъ это ни странно, прежде всего о себѣ. Его безпокоила мысль, признаетъ ли Сибир. Прав. его атаманство, согласится ли оно его произвести въ полковники". („В. С." IV, 56—57).

Въ это же время пришло сообщеніе изъ Харбина, отъ Хорвата, о желаніи переговорить съ высшими чинами сибирской арміи. Встрѣча съ Гайдой и Пепеляевымъ произошла на ст. Борзя. „Свиданіе было весьма просто обставлено, безъ всякой помпы: у Хорвата не было ни караула, ни свиты. Генералъ Хорватъ произвелъ весьма выгодное

впечатлѣніе. Онъ сообщилъ, что до образованія Сиб. Прав., стремясь къ сохраненію русской государственности на Дальнемъ Востокѣ (полоса отчужденія), онъ объявилъ себя Правителемъ Дальняго Востока, и что теперь готовъ подчиниться Сибирскому Правительству" („В. С." IV, 57).

Одновременно пришло сообщеніе ген. Детерихса, что Приморье очищено отъ большевиковъ. Такимъ образомъ, былъ открытъ путь Сибирскому Правительству до самаго океана. Что же представляло изъ себя въ это время Омское Правительство?

2. НАЧАЛО КОНФЛИКТОВЪ.

„Правительство Вологодскаго — пишетъ Гинсъ — обладало двумя свойствами, которыя могли обезпечить ему политическій успѣхъ: во первыхъ, умѣренностью и трезвостью взглядовъ большинства и, во вторыхъ, несомнѣнной демократичностью происхожденія и соціальныхъ симпатій. Новую Россію должны создавать новые люди"... (I, 119).

Первымъ шагомъ правительства было распоряженіе объ анулированіи декретовъ Совѣтской власти (4 іюля) и ликвидація совѣтовъ (6 іюля), при чемъ постановленіе Вр. Пр-ва гласило, что „образованіе профессіональныхъ организацій, не преслѣдующихъ политическихъ цѣлей, не подвергается никакимъ ограниченіямъ" („Хроника". Прил. 73). 6-го же іюля было принято постановленіе, что „имѣнія, расположенныя на земляхъ собственныхъ и арендованныхъ, передаются въ завѣдываніе прежнихъ владѣльцевъ впредь до разрѣшенія вопроса о землѣ Всер. Учр. Собр." (Прил. 81) и проведена денаціонализація промышленныхъ предпріятій.

Уже роспускъ правительствомъ совѣтскихъ учрежденій показалъ, что въ средѣ сибирскихъ эс-эровъ здѣсь не будетъ единогласія. Большинство партіи находилось подъ гипнозомъ страха оторваться отъ массъ, настроеніе которыхъ по трафарету опредѣлялось представительствомъ въ органахъ такъ называемой организованной революціонной

демократіи, т. е. въ совѣтахъ. 27 іюня въ Омскѣ происходитъ конференція правленій профессіональныхъ союзовъ и фабрично-заводскихъ комитетовъ. Резолюція, на немъ принятая, была своеобразной смѣсью большевизанствующихъ настроеній съ отрыжкой меньшевицкихъ и эсэровскихъ лозунговъ 17 г.:

„Совѣты создаются въ данный моментъ не какъ органы государственной власти, но какъ боевая классовая организація, необходимая намъ для торжества революціи.

„Совѣты Рабочихъ Депутатовъ это тотъ парламентъ, въ которомъ должна выясняться воля рабочаго класса.

„Совѣты въ настоящее время не должны претендовать на государственную власть, но они должны быть органами контроля власти. Омскій пролетаріатъ, стройся въ боевыя колонны и противопоставь ихъ хищническимъ стремленіямъ буржуазіи! Да здравствуютъ Совѣты Рабочихъ Депутатовъ! Да здравствуетъ революція и соціализмъ! Да здравствуетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!“ („Хр.“ Прил. 75).

Отклоняется большинстомъ лозунгъ: „да здравствуетъ У. [С.“, отклоняется, конечно, и поддержка Сибирскому Правительству. Нѣсколько позже (5 іюля) въ Омскѣ происходитъ крестьянскій съѣздъ: онъ дѣлаетъ постановленіе о созданіи совѣтовъ трудового крестьянства съ оговоркой, что органы эти должны являться классовыми организаціями, но отнюдь не представлять собою органовъ власти.

Отъ этихъ трафаретовъ уже пахло архивной плѣсенью, но они производили впечатлѣніе на руководителей „революціонной демократіи“. Такъ Гинсъ разсказываетъ инцидентъ, происшедшій въ правительствѣ при обсужденіи указа о роспускѣ Совѣтовъ. На засѣданіяхъ Совѣта присутствовалъ для установленія преемственной связи бывшій членъ Зап. Сиб. Комиссаріата Сидоровъ. Онъ заявилъ, что, если бы члены Комиссаріата знали объ этомъ, они никогда не здали бы власти и что отнынѣ они изъ агентовъ правительства превращаются въ революціонеровъ и всѣ свои силы употребятъ „на борьбу съ нимъ“ (I, 123). Пусть

этотъ инцидентъ и былъ исчерпанъ на засѣданіи*), онъ былъ симптоматиченъ. Гинсъ совершенно основательно замѣчаетъ, что всѣ подобныя коллизіи свидѣтельствовали, что не изжитъ еще духъ партійности и классовой розни, что не борьба за возрожденіе родины — дѣйственный стимулъ... „Переворотъ произошелъ слишкомъ рано".

* *

Но самый трудный вопросъ, который сталъ передъ правительствомъ — это вопросъ о Думѣ. Около Думы разыгралась вся послѣдующая общественная борьба въ Сибири. Пражскій журналъ „Вольная Сибирь", редактируемый бывшимъ предсѣдателемъ Сиболдумы Якушевымъ и выражающій за границей преимущественно мнѣнія эс-эровской фракціи Сиболдумы, такъ формулируетъ мотивы недовольства Думой:

„Не нравилась правымъ группамъ не только общая конструкція Думы (система конвента французской революціи), по которой верховная власть принадлежала Думѣ; такъ что исполнительный органъ (министерство) долженъ былъ ей всецѣло подчиняться, но и то, что представительство буржуазіи было вовсе исключено". (III. 4).

Post factum редакція признаетъ, что исключеніе цензовыхъ элементовъ было „большой ошибкой", но по тогдашней обстановкѣ оно было вполнѣ понятно и объяснимо. Ошибку поняли нѣкоторые эс-эры еще тогда. Такъ, членъ правительства Дербера Моравскій уже 18 апрѣля въ интервью заявилъ, что наблюденія при поѣздкѣ въ Сибирь убѣдили его въ необходимости коалиціи съ цензовыми элементами**). Другіе такую склонность къ единому демократическому фронту продолжали называть „опортунизмомъ" (напр., Ракитниковъ).

---

*) Настроенія на засѣданіи правительства уже тогда часто носили нервозный характеръ. Напр., на засѣданіи 2 іюля с. р. Фоминъ докладывалъ, что въ арміи Пепеляева „есть люди, которые говорятъ: „перевѣшаемъ сначала большевиковъ, а потомъ будемъ вѣшать членовъ Вр. Пр." (Колосовъ. „Былое" XXI, 264).

**) „Красн. Архивъ" XXIX, 134

Приписывая себѣ бо̀льшую иниціативу, чѣмъ это было въ дѣйствительности*), Гинсъ говоритъ, что онъ совмѣстно съ Якушевымъ составилъ правительственное сообщеніе о созывѣ Думы на новыхъ началахъ: представительство цензовыхъ элементовъ и профессіональныхъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій вмѣсто „упраздненныхъ совѣтскихъ... самое имя которыхъ навѣки запятнано“ (122). Въ засѣданіи на этой почвѣ происходитъ столкновеніе съ с.-р. Шатиловымъ. Вопросъ о Думѣ правительство разрѣшаетъ такъ же, какъ онъ былъ разрѣшенъ при правительствѣ Дербера: Дума собирается въ прежнемъ составѣ, и правительство вноситъ на ея разсмотрѣніе первымъ проектъ о расширеніи избирательнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензовымъ группамъ предлагалось выбрать своихъ представителей и прислать ихъ въ Томскъ къ 20 іюля для того, чтобы „безъ промедленія принять участіе въ работахъ Думы“ („Хрон.“ Прил. 77). Но значительная часть сибирской общественности, а не только „правая печать“, отнеслась отрицательно къ самой идеѣ возобновленія Думы**). Прежде всего, противъ созыва Думы выступилъ омскій въ то время еще „соціалистическій“ блокъ изъ представителей соц.-рев. оборонцевъ, народныхъ соціалистовъ и соц.-дем. изъ „Единства“. Въ совѣщаніи своемъ 10 іюля блокъ вынесъ подробную мотивированную резолюцію, цѣликомъ напечатанную тогда въ нѣкоторыхъ газетахъ и воспроизведенную въ „Хроникѣ“ (Прил. 79).

„Созывъ Обл. Сиб. Думы, какъ органа верховной власти — гласило заявленіе блока — стоитъ препятствіемъ, чреватымъ катастрофическими послѣдствіями, на пути... укрѣпленія Вр. Сиб. Пр., создавая другого носителя верховной власти, низводя въ дѣйствительности и въ правосознаніи массъ Врем. Пр. до положенія органа исполнительнаго, могущаго выронить власть и

*) „Ознакомившись съ Положеніемъ о Думѣ, я пришелъ къ убѣжденію, о невозможности созыва ея въ прежнемъ составѣ (121)“.—Это было уже общее убѣжденіе.

**) Томская городская Дума съ самаго начала отклонила предложеніе Областн. Совѣта избрать депутатовъ въ Думу, будучи недовольна ея искусственнымъ подборомъ. (Ракитниковъ 4; Гинсъ I, 72).

до У. С., въ случаѣ коллизіи съ Обл. Думой"... „Вмѣстѣ съ тѣмъ то неустойчивое положеніе, которое должно занять Врем. Прав. въ ожиданіи Обл. Думы и возможнаго съ ней расхожденія, неизбѣжно уронитъ духъ защитниковъ Сиб. Пр., связавшихъ съ его программой, съ его линіей поведенія свою судьбу..." И быть можетъ самое главное, что выдвигала записка, — это ненормальное существованіе Думы, которая была сорганизована въ соотвѣтствіи съ формулой „единаго соціалистическаго фронта отъ н. с. до большевиковъ включительно..." „И по своему составу и по обстановкѣ въ которой Дума организовалась, она не можетъ функціонировать въ качествѣ органа, облеченнаго довѣріемъ и поддержкой сколько нибудь значительныхъ группъ".

Трудно найти что-нибудь реакціонное въ этомъ трезвомъ словѣ современниковъ. Совсѣмъ въ другихъ тонахъ прошло шумное выступленіе противъ Думы лидера омскихъ кадетовъ прис. пов. Жардецкаго на торгово-промышленномъ съѣздѣ 18 іюля. Талантливый человѣкъ, но, повидимому, съ очень не выдержаннымъ характеромъ и легко увлекающійся, онъ давалъ всегда своими выступленіями оружіе въ руки враговъ своихъ*). По газетному отчету („Заря" № 29) можно судить, сколь излишни были всѣ реплики Жардецкаго о „говорильняхъ", которыя являли собой представительныя учрежденія: „трафаретъ лѣнивой мысли говоритъ: какъ оставить власть безъ контроля. Лучшій контроль, по тому же трафарету — представительное учрежденіе. И вотъ посылаютъ на базаръ. Собираютъ 200—300 человѣкъ, и готово представительное учрежденіе. Вѣдь это униженіе правовыхъ воззрѣній государства до уровня сознанія батрацкаго депутата". „Время обаянія мифовъ и иллюзій миновало — общественная мысль пришла къ выводу, что въ странѣ, гдѣ ведется стремительное наступленіе врага, гдѣ бушуютъ страсти гражданской войны, тамъ неизбѣжно должна быть введена твердая единоличная власть, могушая спасти государство". Всѣ эти выкрики были излишни, ибо

*) Напр., въ засѣданіи областниковъ 23 іюля Жердецкій счелъ нужнымъ рѣзко отмежеваться отъ областничества отъ имени партіи к.-д. („Хр." 70).

Жардецкій заканчивалъ только предложеніемъ поддерживать членовъ правительства: „Они намъ были чужды. Соціалисты. Пусть. Не сомнѣваясь въ ихъ политической честности, мы ихъ признали и имъ вѣримъ. Они — верховная власть, этого довольно“ *).

Съѣздъ принялъ резолюцію о неизмѣнности пятичленнаго состава правительства, у котораго находится верховная власть страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ отказался производить выборы въ Сиболдуму **). Тактика бойкота въ данной обстановкѣ, конечно, была ошибочна. Было ясно, что Дума соберется.

* * *

Передъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ по иниціативѣ Иванова-Ринова состоялся въ Омскѣ и казачій съѣздъ—четвертый кругъ сибирскаго казачьяго войска. 9 іюля происходило объединенное засѣданіе представителей казаковъ, торгово-промышленниковъ, профессіональныхъ союзовъ, партій, на которомъ Вологодскій дѣлалъ докладъ о работѣ сибирской власти. Большевицкіе историки считаютъ, что именно съ этого момента сибирское правительство „круто поворачиваетъ вправо отъ намѣченнаго пути“ (Парфеновъ, 40). Съ этого времени началось и разногласіе, которое стало намѣчаться въ демократической средѣ кооперацiи. Вновь воскресшіе союзы маслодѣльныхъ артелей и даже нѣкоторые кредитные союзы сдѣлали кренъ направо и пошли по пути оборонческаго блока. Предсѣдатель всесибирскаго кооперативнаго быро А. В. Сазоновъ, предсѣдатель Съѣзда зап.-сиб. союзовъ В. В. Куликовъ и предсѣдатель союза маслодѣловъ А. А. Балакшинъ становятся лидерами „Союза Возрожденія“. Въ Омскѣ кооператоры издаютъ газету „Заря“, проводящую линію „оборонческаго“ блока и борющуюся съ Сиболдумой, которая одна, по мнѣнію пра-

*) Въ засѣданіи омской гор. Думы 5 іюля Жардецкій требовалъ роспуска Думы, состоящей изъ „неработоспособныхъ и демагогическихъ элементовъ“ и измѣненія избирательнаго закона. (Парфеновъ 42—43).

**) Бойкотъ, повидимому, прошелъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ „Сибири“ № 5 я встрѣтилъ указаніе, напр., на бойкотъ со стороны енисейскаго торгово-промышл. съѣзда.

вовѣрныхъ эс-эровъ, остается „вѣрной идеѣ демократіи“. (М. Кроль).

Несомнѣнно, вліяніе эс-эровъ ослабѣваетъ въ кооперації — особенно къ августу, когда выясняется нездоровая политика Сиболдумы. Крена направо тутъ не было, если этимъ „правымъ“ уклономъ не считать поддержку національно-государственной задачи того правительства, которое сумѣло выработать среднюю линію и, очевидно, пріобрѣсти авторитетъ, если заставляло такъ или иначе признавать себя дѣйствительно уже „право“ настроенными элементами. Эти настроенія довольно ощутительно стали сказываться въ омской общественности.

Иркутскій эс-эръ М. Кроль, прибывшій въ іюлѣ въ Томскъ для участія въ работахъ Думы, со словъ министра Шатилова, въ такихъ чертахъ — вѣроятно, сильно преувеличенныхъ — охарактеризовалъ настроенія въ Омскѣ: „Кругомъ только и говорятъ о диктатурѣ, переворотъ подготовляется на глазахъ у правительства, а оно точно разбито параличомъ, все видитъ, все слышитъ, но абсолютно ничего не дѣлаетъ для предотвращенія этого несчастья*) („В. С.“ IV. 78). Если „диктатура стала бредовой идеей всѣхъ политическихъ буржуазныхъ группировокъ, выплывшихъ на поверхность общественной жизни послѣ сверженія большевиковъ“, то этому въ значительной степени содѣйствовалъ страхъ передъ Сиболдумой, протягивавшей руку самарскому Комучу. Черезъ Обл. Думу „эс-эровское большинство пыталось утвердить свою диктатуру“, — такъ позже въ екатеринбургской лекціи 23 октября обрисовалъ тактику Думы проф. Новомбергскій, самъ числившійся въ рядахъ областниковъ и народныхъ соціалистовъ. („Заур. Кр.“ № 80). Этой диктатуры интеллигентская Сибирь въ то время во всякомъ случаѣ не хотѣла — не приходится говорить уже о Сибири военной.

Какъ только открылись сношенія съ Европейской Россіей, Комитетъ У. С. предъявилъ Сибирскому правительству требованіе передать полноту власти. Получивъ отказъ, Ко-

*) Призывъ къ „перевороту“ эс-эры усмотрѣли въ рѣчахъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ.

митетъ У. С., при содѣйствіи членовъ Областной Думы, пытался фактически захватить власть въ Сибири — такое заявленіе дѣлается въ запискѣ областниковъ, подписанной среди другихъ и Потанинымъ и составленной по поводу разыгравшагося въ сентябрѣ конфликта правительства съ Думой*). Записка областниковъ признавала ошибочнымъ то, что правительство вытащило изъ подполья Обл. Думу и тѣмъ самымъ оживило „представительство“ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ совдеповъ. Это представительство было использовано соціалистами въ Думѣ, во зло Сибири и Россіи („Сиб. Вѣст.“ № 13)**). По мнѣнію областниковъ, при самомъ „незначительномъ государственномъ пониманіи“ Дума должна была бы сойти съ политической сцены.

И вновь это — сужденіе не правыхъ, оцѣнка не „реакціонной военщины“, которая будто бы уже успѣла захватить цѣликомъ въ свои руки Сибирское Правительство, руководимаго „безвольнымъ и безпомощнымъ“ Вологодскимъ.

3. ВЪ СИБОЛДУМѢ.

Эс-эры изъ Сиболдумы не раздѣляли точекъ зрѣнія областниковъ, съ которыми ихъ такъ недавно еще связывала общая борьба противъ большевиковъ въ конспиративной и нелегальной работѣ.

Къ концу іюля въ Томскъ набралось довольно много бывшихъ членовъ Думы, которые образовали 4 фракціи: 1) соц.-рев.; 2) соц.-дем.; 3) представителей національностей и 4) автономистовъ. Къ послѣдней примыкали и безпартійные. Между фракціями происходили частныя совѣщанія. По словамъ участника ихъ М. Кроля „съ первыхъ же дней работъ частнаго совѣщанія стало ясно, что Областня Дума

*) „Агентомъ“ самарскаго правительства Гинсъ считаетъ тов. мин. вн. дѣлъ Павла Михайлова, скрывавшаго ленты переговоровъ по прямому проводу съ Самарой и за это уволеннаго. Отставка Михайлова вызвала въ Самарѣ „взрывъ возмущенія“. (I, 143, 147).

**) Повидимому, многіе боялись, что это представительство при созывѣ Думы будетъ даже коммунистическимъ. См. бесѣду Вологодского съ М. Кролемъ.

расходится на два абсолютно непримиримыхъ лагеря. Соціалистическія группы съ одной стороны и автономисты съ другой представляли собою два исключающихъ другъ друга міровоззрѣнія, двѣ противоположныхъ тактики, двѣ чуждыя одна другой психологіи. Соціалистическія*) группы стояли за укрѣпленіе Сиб. Обл. Думы, какъ высшаго законодательнаго органа края... Автономисты же рвались въ бой съ большевиками и лелѣяли мечту о военной диктатурѣ. Для нихъ разогнанное большевиками Всерос. Учр. Собр. перестало существовать. О созывѣ же новаго У. С. было рано еще думать. Главное ихъ вниманіе было обращено на организацію военной силы, способной продолжать борьбу съ совѣт. властью и коммунистами... Вся полнота власти, по ихъ мнѣнію, должна была быть сосредоточена въ рукахъ Сиб. Вр. Прав.**) (73). Психологія Кроля выступаетъ въ этихъ строкахъ чрезвычайно ярко — ему уже не нравится, что „автономисты рвутся въ бой съ большевиками“... А дальше еще опредѣленнѣе — борьба съ большевиками къ тому же и невозможна. Только при чемъ здѣсь вѣрность идеѣ демократіи, о которой ниже говоритъ Кроль!

„Вѣрными идеѣ демократіи оставались только соціалистическія партіи, всѣ же остальные бывшіе либеральные и даже радикальные элементы съ необычайной стремительностью шарахнулись вправо. Они могли разсчитывать только на нѣсколько десятковъ тысячъ офицеровъ, оказавшихся въ Сибири и на часть казачества.

„Это были ничтожныя силы, въ достаточной степени дезорганизованныя и деморализованныя. И съ такими силами правые элементы собирались напасть на большевиковъ, которые къ этому времени уже успѣли создать дисциплинированную красную армію, располагали колоссальными рессурсами“ ***) (74)...

Для того, чтобы разстроить „гнусный планъ“ упраздненія Думы, частное совѣщаніе послало спеціальную деле-

*) Подъ „соціалистическими“ группами подразумѣваются эс-эры и эс-деки.

**) Кроль самъ себѣ противорѣчитъ, приписывая областникамъ идею военной диктатуры.

***) Въ этомъ отношеніи Кроль оказывается въ полномъ противорѣчіи съ декларацією, оглашенной с.-д. Карповымъ отъ имени Сиб. Обл. Думы на Уфимс. Госуд, Совѣщ.

гацію въ Омскъ. Вѣрнѣе цѣлью делегаціи было оказать воздѣйствіе на правительство въ смыслѣ переѣзда его въ Томскъ. Правительство для борьбы съ реакціоннымъ Омскомъ должно связать свою судьбу съ Думой, которая „какъ никакъ являлась выразительницей надеждъ и чаяній всей демократической и революціонной общественности Сибири“... Делегаты должны были „раскрыть глаза и указать ему бездну, куда толкали его „воинственные патріоты“, въ ослѣпленіи своемъ потерявшіе способность понимать, что вокругъ нихъ происходитъ“ (77).

„Въ такой моментъ — говоритъ Кроль ниже — нельзя было топтаться на мѣстѣ. Сибирскому Правительству необходимо было бросить жребій: или объявить себя до конца солидарнымъ съ Областной Думой, переѣхать въ Томскъ, обратиться къ народу и потребовать отъ военнаго командованія полнаго и безоговорочнаго подчиненія или сказать сторонникамъ диктатуры: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣй“. Правительство же бездѣйствовало и отдавало себя покорно вихрю событій“*) (80).

Непонятно, какимъ образомъ Кроль при своемъ „пасифицкомъ“ настроеніи надѣялся черезъ Областную Думу „парализовать подпольную работу большевиковъ“. Вѣдь Сибирь въ это время еще не была освобождена отъ большевиковъ. До августа, когда была объявлена первая мобилизація, разложившіеся добровольцы сражались въ Сибири, какъ сражались они и на территоріи Комуча. Въ военныхъ кругахъ подобный „пасифизмъ“ разсматривался — и не безъ основанія — какъ своего рода большевизанство. Это былъ призывъ въ разгаръ гражданской войны кончать ее.

* * *

7-го августа Правительство подписало указъ о созывѣ Думы. Гинсъ признаетъ, что съ точки зрѣнія положенія о Думѣ „указъ правительства былъ излишенъ“. Но такова была конструкція власти въ общемъ сознаніи — прави-

*) Приходится признать, что „интрига“, которую Кроль приписываетъ Омску, велась въ нѣдрахъ Сиболдумы. Ея противники выступали совершенно открыто.

тельство, по неписанной конструкціи, разсматривалось какъ своего рода Директорія, пользующаяся неограниченными верховными правами (записка областниковъ). Безъ указа о созывѣ Думы послѣдняя не набрала бы кворума.

Къ моменту открытія Думы соотношеніе силъ было неблагопріятно для думскихъ „лѣвыхъ“ — это долженъ признать и Кроль.

„Правда, автономисты въ Думѣ были въ меньшинствѣ (около 20%), но у нихъ была сильная поддержка за стѣнами. Ихъ единомышленники были хорошо организованы и обладали реальной вооруженной силой*). Соціалистическія же группы Областной Думы представляли интересы широкихъ народныхъ массъ, фактически были оторваны отъ нихъ. Задача тѣснѣе связаться съ этими массами и организовать ихъ для борьбы съ врагами справа и слѣва была еще впереди**)...“.

При открытіи Думы, происходившей съ обычной помпой, Правительство въ оглашенной декларації дало понять, что выводитъ свою власть изъ „создавшаго переворотомъ фактическаго положенія“ (ср. записку областниковъ). Декларація подчеркивала, что „контръ-революцію справа питаютъ крайне лѣвыя теченія (декларація у Гинса, I, 165).

По словамъ Гинса, главенствовавшая фракція въ Думѣ предварительно сговорилась съ правительствомъ о программѣ работъ Думы. Она нигдѣ, однако, не была зафиксирована, и Дума тотчасъ же вышла изъ намѣченныхъ рамокъ работы по вопросу о посылкѣ делегаціи на собирающееся въ Челябинскѣ Совѣщаніе по организаціи всерос-

*) Раньше Кроль называлъ эту вооруженную силу „разложившейся“. Она насчитывала до августовскаго набора 40000 добровольцевъ. П. Н. Милюковъ (I, 44) неосновательно противопоставляетъ успѣху набора добровольцевъ въ Зап. Сибири попытку адм. Колчака въ Харбинѣ создать военную силу — онъ набралъ яко бы только 740 человѣкъ. Количественно харбинскіе вооруженные отряды, конечно, значительно превышали ее. Колчакъ предполагалъ набрать корпусъ въ 20000 человѣкъ. „Притокъ добровольцевъ былъ очень великъ“ — показываетъ Колчакъ (117). Остановка была за деньгами и, главнымъ образомъ, за оружіемъ...

**) У Парфенова (стр. 43) имѣется намекъ на то, что „пасифизмъ“ нѣкоторыхъ сиболдумцевъ былъ весьма относителенъ—для борьбы съ омской „реакціей“, повидимому, были предприняты нѣкоторыя попытки создать свои собственныя военныя части.

сійской власти и о включеніи въ составъ Думы членовъ У. С. отъ Сибири (152). Острыя пренія въ самой Думѣ возникли при провѣркѣ мандатовъ депутатовъ. Съ рѣшительными возраженіями выступилъ кооператоръ Бедра, оспаривавшій не болѣе, не менѣе, какъ 46 уполномочій, выданныхъ отъ организацій „самочинныхъ или уже отжившихъ“ (совѣты, фронтовые съѣзды и т. д.) *). С.-р. Колосовъ признавалъ, что критика съ формальной стороны во многихъ отношеніяхъ права, но существо вопроса другое: само правительство вышло изъ нѣдръ самочинной организаціи („Сибирь“. 21/VIII № 32) ...Оставляя исторію въ сторонѣ, приходилось однако признать, что „народовластіе“ Думы въ данной обстановкѣ становилось фикціей.

Вопреки мнѣнію правительства, Дума предоставила всѣмъ членамъ У. С. полноправное членство, т. е. тѣмъ сама увеличивала голоса и такъ уже первенствующей эс-эровской фракціи.

Два лагеря, намѣчавшіеся въ частномъ совѣщаніи, естественно рѣзко опредѣлились и въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ Думы. Одни въ существованіи Думы видѣли гарантіи созыва У. С. 1917; другіе его не признавали. Непримиримыя разногласія выявились при обсужденіи вопроса о всероссійской власти. Гинсъ (170) ихъ формулируетъ такъ: большинство стояло за признаніе В. У. С. полномочнымъ создать верховную власть и за организацію лишь временной всероссійской власти до возсозданія У. С. прежняго созыва. Меньшинство отстаивало созывъ новаго У. С., организацію безотвѣтственной и полномочной власти и совѣщаніе для избранія власти исключительно изъ областныхъ правительствъ. Какъ видимъ, съ самаго начала вскрылись тѣ чреватые послѣдствіями вопросы, которымъ суждено было раздирать русскую общественность еще долгіе мѣсяцы **).

*) Примѣры искусственнаго подбора „народныхъ представителей“ см. у Гинса, (I, 174).

**) Надо отмѣтить, что единодушія не было у эс-эровъ. Парфеновъ отмѣчаетъ (44) заявленіе, сдѣланное кооператоромъ с.-р. В. В. Куликовымъ отъ имени „Союза Возрожденія“ въ Ц. К. партіи по поводу „невозможности въ настоящій моментъ осуществлять парламентаризмъ и чистое народоправство и о необходимости „немедленнаго роспуска Думы“.

Въ Думѣ договориться не могли.

Взаимоотношенія, установившіяся въ Думѣ, чрезвычайно ярко сказались при выступленіи военнаго министра Гришина-Алмазова 16 августа. Встрѣченный „бурными аплодисментами“ одной части собранія, этотъ недавній соратникъ эс-эровъ (и даже членъ партіи) въ борьбѣ съ большевиками, становился уже фигурой ненавистной для партійныхъ политиковъ. Что же говорилъ Гришинъ-Алмазовъ? Его рѣчь сводилась къ тезису, что всѣ группы, партіи и классы пришли къ рѣшенію напречь силы для спасенія родины: — „Черезъ армію придемъ къ Сибирскому У. С. и къ сильной, единой, нераздѣльной Россіи“. Бурные аплодисменты сопровождали заявленіе министра, за исключеніемъ крайне лѣвыхъ — говоритъ газетный отчетъ „Сибири“ (№ 32). Характерна оцѣнка того самаго Кроля, воспоминанія котораго мы выше цитируемъ:

„Отрывистыми фразами, по-наполеоновски, онъ (т. е. Гришинъ-Алмазовъ) доказывалъ Областной Думѣ, что сибирская государственность переживаетъ критическій моментъ, что борьба съ большевиками предстоитъ отчаянная и что въ такіе моменты силы страны должны быть отданы для достиженія побѣды. „Все для побѣды!“ воскликнулъ онъ. Вся власть должна быть сосредоточена въ рукахъ военнаго командованія. О раздѣленіи властей въ такіе моменты не должно быть и рѣчи. „Народоправство очень хорошая вещь“, но съ этимъ слѣдуетъ подождать, пока надъ большевиками не будетъ одержана окончательная побѣда“. (В. С., IV, 79). „Соціалисты, конечно, самымъ рѣзкимъ образомъ осуждали позицію Гришина-Алмазова — добавляетъ Кроль, — но такъ называемые автономисты и безпартійные взяли его подъ свою защиту. Особенно неистовый характеръ приняли ихъ рѣчи послѣ моего выступленія. Я попытался расшифровать внутренній смыслъ рѣчи Гр.-Алмазова“..... „Трудно себѣ представить, какъ страстно и озлобленно реагировали на это мое заявленіе автономисты. Бывшій соціалистъ Филашевъ (членъ нар. соц. партіи С. М.), кооператоръ Бедра и другіе буквально съ яростью набросились на меня. Болѣе реакціонныхъ и проникнутыхъ

ненавистью рѣчей я раньше никогда въ жизни не слыхалъ. Они съ пѣной у рта защищали необходимость диктатуры съ безграничными полномочіями".

„Собраніе мертвыхъ душъ" — назвалъ омскій органъ кооператоровъ „Заря" (№ 12) дѣятелей Думы типа иркутскаго депутата...

Дума исчерпала свои занятія и указомъ Вр. Пр. 19 августа „въ виду принятія законопроекта о пополненіи своего состава" была распущена до 10 сентября, когда ей надлежало собраться уже въ новомъ составѣ. Роспускъ, повидимому, былъ нѣсколько неожиданъ для „лѣвой" фракціи Думы. Ея представители считали, что они договорились съ правительствомъ при вторичномъ свиданіи уже въ Томскѣ, и что будто бы получили отъ Вологодскаго согласіе на переѣздъ правительства въ Томскъ.

„Однако чуть ли не на второй день послѣ свиданія съ Вологодскимъ отъ него поступило въ частномъ порядкѣ предложеніе скорѣе закончить сессію Областной Думы... Такой головокружительный поворотъ въ настроеніи Вологодскаго поразилъ даже тѣхъ, кто отъ него всегда ждалъ той или иной перемѣны фронта. Какъ давнишній знакомый Вологодскаго, — пишетъ Кроль — я поспѣшилъ повидаться съ нимъ съ глазу на глазъ и выяснить причины такого внезапнаго рѣшенія покинуть Томскъ.

Я былъ принятъ немедленно, и на мой вопросъ Вологодскій вмѣсто отвѣта предложилъ мнѣ прочесть полученную имъ изъ Омска телеграмму. Подписанная министромъ Серебренниковымъ, она гласила приблизительно слѣдующее: если немедленно не вернетесь въ Омскъ, грозитъ опасность образованія новаго правительства. Заговорщики сняли маски и члены правительства смертельно испугались. Имъ даже въ голову не пришло дать отпоръ притязаніямъ заговорщиковъ. Ни на минуту ни Вологодскій, ни Серебренниковъ, ни другіе министры не подумали о томъ, что во имя престижа Правительства, во имя спасенія сибирской государственности, надо было сдѣлать попытку поставить реакціонную клику на подобающее ей мѣсто. Чтобы спасти жалкую фикцію власти Сибир. Правительства, Вологодскій рѣшилъ вернуться въ Омскъ и тѣмъ дать реакціонерамъ лишнее доказательство того, что фактически господами

положенія являлись они, и что Сибир. Правительства, избраннаго революціонной Областной Думой, на самомъ дѣлѣ больше не существовало" (81).

Гинсъ повѣствуетъ о томъ трюкѣ, къ которому онъ при роспускѣ Думы прибѣгъ, чтобы избѣжать колебаній правительства подъ напоромъ членовъ Думы. Онъ рѣшилъ устроить „политическій пикникъ за городъ"... А въ то время въ Томскѣ волновались парламентаріи, разыскивая министровъ и телеграфируя въ газеты о пріостановленіи опубликованія указа (179). Но „пересмотръ" указа былъ уже невозможенъ... „Забавна" эта исторія, но недостойна того серьезнаго дѣла, которое творилось въ Сибири.

„Надежды" Думы приступить къ „серьезной органической работѣ рука объ руку съ созданнымъ первой ея сессіей правительствомъ рухнули". „Внѣшне между Сиб. Пр. и Обл. Думой — говоритъ Кроль — въ моментъ перерыва ея засѣданій отношенія оставались дружественныя, но психологически между ними успѣла образоваться глубокая трещина. Эта трещина, какъ извѣстно, къ концу сентября превратилась въ непроходимую пропасть" (82)*). Сибирскіе эс-эры всемѣрно старались расширить эту „пропасть". Они стали всячески дискредитировать и ослаблять правительство — говоритъ позднѣйшая записка областниковъ... „Все это кончится страшной катастрофой" — пророчествовалъ со свойственной ему „повышенной нервозностью" Патушинскій (Кроль, 78)**). Скоро „внутреннія отношенія" членовъ правительства дѣйствительно стали „невозможны". Со стороны вліяли на „импульсивнаго" Патушинскаго и на слишкомъ „партійнаго" Шатилова, который предъявлялъ „ультиматумы" по всякому поводу (требованіе устранить Гр.-Алмазова и Михайлова отъ участія въ делегаціи на челябинскомъ совѣщаніи, переѣзда въ

*) За кулисами была сдѣлана попытка договориться. Гинсъ говоритъ о частныхъ собесѣдованіяхъ, организованныхъ въ Томскѣ однимъ изъ областниковъ.

**) См. характеристику Патушинскаго у Гинса, I, 119. Колосовъ говоритъ, что Фоминъ ставилъ даже передъ партійными организаціями вопросъ о совершеніи террористическаго акта противъ Михайлова, котораго считалъ наиболѣе активнымъ противникомъ Оболдумы и Комуча („Былое" XXI, 167).

Томскъ и т. д.). Начиналась „глухая и ожесточенная борьба“ среди членовъ самого правительства. Она происходила при крайне обостренныхъ отношеніяхъ Омска съ Комучемъ, сибирской выразительницей мнѣній и рѣшеній котораго считалась Областная Дума.

4. САМАРА И ОМСКЪ.

Самара была пристрастно враждебна къ Омску. Записка „областниковъ“, какъ было отмѣчено, основной мотивъ этой непріязни видѣла въ отказѣ со стороны сибирскаго правительства признать непререкаемый авторитетъ Комуча. Очевидно, здѣсь имѣется въ виду программа, выдвинутая учредиловцами на состоявшемся 15—16 іюля въ Челябинскѣ Совѣщаніи. Совѣщаніе это произошло подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, которыя съ момента взятія Уфы, выдвинули необходимость созданія единаго фронта*). На совѣщаніи Брушвитъ огласилъ „въ порядкѣ информаціи“ проектъ организаціи центральной всероссійской власти: верховной государственной властью признается Вс. У. С., временно до созыва У. С.; „высшимъ органомъ государственной власти является Комитетъ членовъ У. С.; основные законы... изъемлются изъ компетенціи Комитета и откладываются разрѣшеніемъ до созыва У. С.; центральный органъ правительства образуется „на началахъ коалиціи“ („Хроника“ Прил. 85). Сибирскіе представители заявили, что они не имѣютъ полномочій для разсмотрѣнія поставленнаго вопроса**). Что происходило за кулисами, въ сущности, мы не знаемъ. Конечно, послѣдующія обвиненія сибиряковъ въ „сепаратизмѣ“, въ противность „единству“, представляемому Комитетомъ У. С., притянуты искусственно (см. Майскій, 201). Одно пожеланіе самоупразднится въ

*) На немъ присутствовали: отъ Самары Брушвитъ, Веденяпинъ и Галкинъ; отъ Сибири: Гришинъ-Алмазовъ, Михайловъ и Головачевъ (тов. мин. ин. дѣлъ).

**) „Полный отчетъ“ о Совѣщаніи за подписью самарскихъ делегатовъ былъ напечатанъ въ казанскомъ „Нар. Дѣлѣ“ № 7.

глазахъ тѣхъ, кто считалъ себя „народными избранниками“, являлось уже проявленіемъ реставраціонныхъ настроеній.

Сколь позорны были по существу взаимоотношенія двухъ создавшихся областныхъ государственныхъ противобольшевицкихъ образованій, какую печальную картину разобщенности раскрывала передъ чехами*) русская общественность свидѣтельствуетъ разсказъ Льва Кроля, попавшаго въ Челябинскъ къ моменту Совѣщанія. Никогда нельзя забывать, что всѣ эти споры шли въ разгаръ боевъ съ германо-большевицкими силами, какъ любили подчеркивать тогдашніе политическіе дѣятели. Дѣло началось съ „дипломатической“ переписки между стоявшими другъ противъ друга поѣздами двухъ русскихъ правительствъ. Обмѣнъ „нотами“ продолжался цѣлыя сутки. Попытку найти выходъ предпринялъ Гинэ. Онъ предложилъ всѣмъ собраться въ вагонѣ-столовой Сибирскаго правительства, чтобы сняться. Самарцы однако не явились. За ними посылали, но они не шли. Тогда по предложенію Гинэ было единогласно принято положеніе, что никакихъ иниціаторовъ въ данномъ совѣщаніи нѣтъ. Въ концѣ концовъ. „самарцы явились на совѣщаніе сухо-оффиціально“ („Три Года“ 64—66).

Какое то постыдное ребячество проявили общественные дѣятели въ Челябинскѣ... Но это ребячество становилось трагичнымъ, такъ какъ отзывалось на большомъ государственномъ дѣлѣ**). Разговаривая о созданіи всероссійской власти, сибирское и самарское правительства, пока что сносились, какъ иностранныя державы, черезъ своихъ министровъ ин. дѣлъ***). Эти державы ведутъ таможенныя

---

*) Въ Челябинскѣ получился цѣлый съѣздъ державъ, такъ какъ помимо чеховъ, присутствовалъ французскій майоръ Гинэ.

**) Святицкій утверждаетъ, что Самарскій Комитетъ вообще охотно пошелъ бы на разрывъ и „покореніе“ Сибири, если бы поддержали чехи (80).

***) Между прочимъ, по словамъ Гинса, Сиб. Пр. рѣшило командировать своего уполномоченнаго въ Самару. Послѣдній просилъ разрѣшить ему посѣщеніе открытыхъ засѣданій Совѣта. Упр. Вѣд. Отвѣтъ получился „классическій“: „международное право не предусматриваетъ случаевъ, когда послы участвуютъ въ засѣданіяхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы“ (147). Какъ сообщалъ потомъ уполномоченный, переписка его перлюстрировалась, а присутствіе его игнорировалось. Показательная деталь: уполномоченный Самары Гуревичъ состоялъ въ Сибири не при правительствѣ, а при Областной Думѣ (148).

войны. Кто началъ? Самара повела кампанію — говоритъ Гинсъ. Повидимому, онъ правъ. По крайней мѣрѣ первая, помѣченная 13 августомъ бумага, начинавшая таможенную войну, принадлежитъ самарскому правительству, и подписана Веденяпинымъ. (Гинсъ. 49—51). Самара пыталась бить Сибирь рублемъ, запретивъ всякія „денежныя операціи". Сибирь, въ свою очередь, отвѣчала „таможенными заставами". Своеобразіе финансовой политики, практиковавшейся Комучемъ, выступаетъ въ убогой сценѣ, описанной Кролемъ. Здѣсь терпящей стороной является уже Уралъ. Такъ какъ Комучъ захватилъ въ Казани „несчетное количество марокъ и бандеролей", то Кроль отъ имени Уральскаго Обл. Прав. проситъ самарскаго министра финансовъ Ракова уступить „хотъ немного".

— Продадимъ съ удовольствіемъ,—отвѣчаетъ Раковъ.

— А по какой цѣнѣ?

— Да по номинальной.

— Какъ по номинальной? Тогда вѣдь наше населеніе будетъ платить вамъ налоги, а чѣмъ мы будемъ покрывать наши расходы? — Не хотите, не надо.

— Такъ лучше, чтобы населеніе намъ совсѣмъ не платило налоговъ? — Это ужъ, какъ вамъ угодно.

На этотъ разъ, однако, удалось урезонить, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Мы успѣли раньше изготовить марки и бандероли, чѣмъ получить ихъ изъ Самары". (94).

* * *

Между Самарскимъ и Сибирскимъ правительствами возникъ „курьезный" споръ изъ за Зауралья — споръ, въ значительной степени вновь на почвѣ претенціозности Самарскаго правительства. Сибирское правительство постановило включить въ сферу своего вліянія уѣзды Челябинскій и Золотоустовскій, которые на нѣкоторое время ходомъ борьбы съ большевиками были оторваны отъ Европейской Россіи. Самара протестовала на томъ основаніи, что „измѣненіе административныхъ границъ областей россійской федеративной демократической республики возможно не иначе, какъ суверенной волей Вс. Учр. Собранія". Самъ Злато-

устъ колебался въ выборѣ той или иной „оріентаціи“ (Майскій. 199)*). Но суть спора въ данномъ случаѣ, конечно, лежитъ не въ этой плоскости экономической или административной цѣлесообразности.

На Златоустъ претендовало и образовавшееся въ Екатеринбургѣ областное правительство Урала, которое, въ свою очередь, являлось камнемъ преткновенія. Гинсъ подчеркиваетъ взаимное пониманіе и единство политическаго настроенія между Екатеринбургомъ и Сибирью (135). Послушаемъ самого творца Екатеринбургскаго правительства Л. А. Кроля. Идея новаго областного правительства возникла въ дни Челябинскаго Совѣщанія. По мнѣнію Кроля, „выяснилось (?), что, для горнозаводскаго Урала совершенно не подойдетъ ни политика Самары, ни политика Омска“... Отдать той или другой сторонѣ освобожденный Уралъ означало въ обоихъ случаяхъ толкать его на большевизмъ. Въ поѣздѣ при возвращеніи изъ Челябинска Кроль выслушиваетъ жалобы комиссара Сибирскаго правительства по Челябинскому у., Будеско, на произволъ военной власти. Представители гражданской власти безсильны, а населеніе винитъ во всемъ гражданскую власть. Мысль о правительствѣ, при которомъ очевидно не будетъ этого „своеволія“ военной власти, еще глубже пускаетъ свои корни. Подумывалъ Кроль съ другими „возрожденцами“ о томъ, что именно въ столицѣ Урала можно будетъ создать власть, вполнѣ соотвѣтствующую по духу „Союзу Возрожденія“, независимую отъ Самары и Омска, которая и можетъ сдѣлаться центромъ будущей всероссійской власти. Такимъ образомъ искусственно рождали новаго претендента. Майскій назвалъ Кроля „умнымъ и хитрымъ“. Въ данномъ случаѣ онъ былъ однако скорѣе утопистомъ: реалистъ ген. Болдыревъ никакъ не могъ понять цѣлесообразности созданія новаго областного правительства. Въ Екатеринбургѣ къ моменту возвращенія Кроля уже созда-

*) Гинсъ, наоборотъ, утверждаетъ, что населеніе неоднократно выражало желаніе быть подъ эгидой Сибирскаго правительства. Подп. Солодовниковъ разсказываетъ, что уполномоченный Самары, Преображенскій, намѣревался силой оружія подчинить отложившійся Златоустъ. („Сиб. авант.“ 8).

лась мѣстная власть — „Комитетъ народной власти“, гдѣ руководящую роль играли эс-эры, высказавшіеся противъ допущенія к.-д. къ участію въ немъ (76). Всѣ обычные симптомы были уже на лицо. Такъ, начальникъ гарнизона Шереховъ былъ „не прочь разогнать“ новую народную власть. Между комитетами всѣхъ партій пошли „переговоры“. Не удержались общественные дѣятели отъ того, что въ заварившуюся политическую кашу не вмѣшать иностранцевъ. Представитель чеховъ Рихтеръ высказался „осторожно“ за власть Комуча. (Чехи не сочувствовали всякому „сепаратизму“). „Союзники“ настаивали на образованіи независимаго отъ Омска и Самары правительства. Майоръ Гинэ „настолько рѣзко подчеркнулъ, что чехи только подсобный элементъ для союзниковъ, а потому не должны позволять себѣ вести какую-либо сепаратную отъ нихъ политику, что Рихтеръ явно предпочелъ замолчать“ (72). Такъ создавалась Уральская областная власть, коалиціонная по своему составу.

Затѣмъ начались переговоры съ Омскомъ и Самарою. Автономный Уралъ не могъ, конечно, существовать безъ „суверенитета“ со стороны Омска или Самары. Сибирь, не сочувствовавшая раздробленію власти, шла въ лицѣ прибывшаго въ Екатеринбургъ Гришина-Алмазова на эту автономію. Пусть неискреное, только потому, что безъ такого „буфера“ неизбѣжны были, по мнѣнію Иванова-Ринова, вооруженныя столкновенія съ Комучемъ (85). Самара, столь горячо отстаивавшая потомъ областныя правительства, съ самаго начала рѣзко потребовала „безоговорочнаго подчиненія“ Комучу (77). Задавшись первоначально высокими цѣлями созданія какъ бы идеальной демократической власти, правительство Урала попало, какъ между молотомъ и наковальней, между боровшимися за „гегемонію“ Омскомъ и Самарой. ...„Мы“ должны были „лавировать“ — мягко говоритъ Кроль (86). Правительство хотѣло быть самостоятельнымъ, назначило также министра иностранныхъ дѣлъ для сношенія съ „милыми сосѣдями, какъ Омскъ и Самара“, а положеніе было такое, что не исключалась „возможность въ крайнемъ случаѣ, и установленія при по-

мощи чеховъ власти Самары", такъ какъ Комучъ не хотѣлъ примириться съ тѣмъ, что Уралъ будетъ „вассаломъ" сибирскихъ „сепаратистовъ".

Желающіе могутъ найти у Кроля изображеніе многихъ бытовыхъ чертъ, характеризующихъ борьбу силъ... и двурушнической дипломатіи самого мемуариста, съ чрезвычайной эластичностью пытавшагося проходить между попадавшимися на пути Сциллами и Харибдами. Кролю нужно „разсѣять предубѣжденіе Самары" и онъ изготовляетъ сборникъ документовъ, „ярко рисующихъ моральную физіономію Омска. Эффектъ въ Уфѣ получается „огромный" (93). Кроль встрѣчаетъ со стороны учредиловцевъ „совершенно новое отношеніе"...

5. АДМИНСОВѢТЪ.

Пришлось перевернуть довольно грустныя страницы для русской общественности. Нѣтъ охоты отыскивать виновниковъ. Допустимъ, что виноваты всѣ... У Омскаго правительства, во всякомъ случаѣ, было задора больше, чѣмъ слѣдовало. Но я не нашелъ никакихъ матеріаловъ, подтверждающихъ слова самарскаго министра труда: „Сибирское правительство дѣлало все, чтобы затруднить связи съ Европейской Россіей" (Майскій 198). Въ его изображеніи Сиболдума отстаивала связь съ Россіей, правительство же на первый планъ выдвигало свой автономизмъ*). Вредно было то, что подъ самарскимъ внушеніемъ руководители чехословацкаго общественнаго мнѣнія увѣровали въ сепаратизмъ сибиряковъ: „Намъ нужна великая Россія — она одна можетъ въ будущемъ быть намъ помощью, — и совершенно не нужна великая Сибиръ" — говорилъ Кролю

*) Поводъ давала неудачная формулировка на челябинскомъ Совѣщаніи Гришинымъ-Алмазовымъ взаимоотношеній автономной Сибири и „государства россійскаго", съ которымъ Сибирь дѣла не имѣетъ. Въ дѣйствительности подразумѣвалось непризнаніе намѣчавшагося въ Самарѣ „всероссійскаго правительства": „десятокъ человѣкъ соц. рев. не составляютъ всер. правительство" — сказалъ сибирскій военный министръ. („Д. Н." № 7).

д-ръ Павлу (83). Это усиливало враждебность чеховъ и къ правительству и къ верхамъ военной сибирской власти.

Конструкція сибирской власти была не отчетлива. Она была такой, какъ создала ее жизнь. Административно-гражданское управленіе находилось въ рукахъ дѣлового совѣта, функціонировавшаго по неписанному статуту. Въ актѣ о „высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ", составленномъ Гинсомъ 14 іюля, предусматривалось при правительствѣ особое „совѣщаніе" въ составѣ управляющихъ министерствами. Совѣщаніе существовало, но положеніе не издавалось (Гинсъ, I, 127). Практика показала, по словамъ Гинса, „политическую немощность" Сибирскаго правительства, его неспособность самостоятельно, безъ помощи управляющихъ министерствами, т. е. дѣлового аппарата управленія, находить опредѣленную линію" (185). Суть, конечно, не въ „политической немощности", а въ томъ, что дѣловая работа сосредоточилась у управляющихъ министерствами. При постоянныхъ разъѣздахъ членовъ Сибирскаго правительства исчезалъ кворумъ. Слѣдовательно, надо было передавать кому-нибудь текущую законодательную власть. Съ этой цѣлью 24 августа былъ учрежденъ такъ называемый Административный Совѣтъ, который вскорѣ оказался въ фокусѣ всѣхъ разыгравшихся конфликтовъ. Обратимъ вниманіе, что указъ о немъ подписанъ Вологодскимъ, Патушинскимъ, Серебренниковымъ и Шатиловымъ („Хр." Прил. 97). Предсѣдателемъ Адмінсовѣта былъ назначенъ Серебренниковъ. По конструкціи самымъ важнымъ правомъ Ад. Сов. было — „право обсуждать проекты постановленій и общихъ распоряженій Совѣта Министровъ, разсматривать кандидатуры на важнѣйшія административныя должности и право рѣшать... всякія дѣла, переданныя на окончательное рѣшеніе Адм. Совѣта. Такъ опредѣлилъ юридическую сторону самъ творецъ этого органа — Гинсъ (185). 7 сентября постановленіемъ правительства, подписаннымъ и „лѣвыми" его членами — обращаю на это вниманіе — Адм. Совѣту было предоставлено „на время отсутствія изъ Омска большинства изъ членовъ Вр. Сиб. Пр." „вносить и разрѣшать собственной властью... всѣ дѣла, относя-

щіяся къ текущей дѣятельности министровъ въ предѣлахъ дѣйствующихъ узаконеній... всѣ дѣла, поступившія въ Совѣтъ министровъ и до сего времени не разсмотрѣнныя". Кромѣ того, предсѣдателю Адм. Совѣта предоставлялось право „вносить на окончательное разрѣшеніе... и иные, не терпящія отлогательства дѣла". 8 сентября въ дополненіе къ предшествующему было внесено спеціальное постановленіе, предоставлявшее Адмінсовѣту „всѣ полномочія, принадлежащія въ отношеніи Обл. Думы Совѣту министровъ, въ частности, право перерыва работъ Думы или роспуска ея". („Хр." Прил. 105, 106). Подъ послѣднимъ постановленіемъ имѣется подпись и с.-р. Шатилова.

Власть фактически передавалась на время Адмінсовѣту. Его личный составъ такъ часто пытаются очернить. Это „чиновники, прошедшіе школу стараго режима" и проникнутые духомъ „антидемократизма" *). Несправедливость и пристрастность такого сужденія очевидна. Въ Адмінсовѣтъ входилъ въ качествѣ управляющаго министр. нар. пр. очень популярный въ Сибири общественный дѣятель проф. Томскаго университета Сапожниковъ, по своимъ политическимъ взглядамъ примыкавшій къ областникамъ (съ „уклономъ налѣво"). Даже такіе лицепріятные противники, какъ большевики, признаютъ его фигуру незапятнанной: онъ по натурѣ былъ чуждъ всякой интриги (комментаріи къ дневнику Болдырева, 515). Сапожникову было тогда 56 лѣтъ**). Болѣе молодой коллега Сапожникова, геологъ Гудковъ считался сочувствующимъ с.-д. меньшевикамъ — скорѣе всего безпартійный по характеристикѣ Гинса (190). Онъ былъ управляющимъ мин. торг. и пром. Управляющій мин. труда Шумиловскій самъ про себя сказалъ: „Я не партійный человѣкъ, хотя и былъ кандидатомъ въ У. С. отъ меньшевиковъ" (интервью въ „Пр. Вѣст." № 54). Съ меньшевиками былъ связанъ давно, ибо состоялъ отъ нихъ выборщикомъ во 2-ую и 4-ую Гос. Думу ***). Зефировъ,

*) Аргуновъ. „Между двумя большевизмами". 23.

**) Онъ умеръ въ Томскѣ въ 1924 г.

***) Насколько Шумиловскій былъ далекъ отъ „старорежимной" идеологіи видно уже изъ того, что будущій членъ Директоріи ген. Болдыревъ упрекаетъ его въ повадкахъ „министровъ эпохи Керенскаго": „все

завѣдовавшій статистикой въ Акмолинской области, былъ также близокъ къ соціалистамъ; онъ былъ выставленъ въ качествѣ дѣлового кандидата сибирскими народными соціалистами. Земледѣліе было въ рукахъ молодого экономиста доцента Петрова (с.-д.). Министерство внутреннихъ дѣлъ было въ рукахъ одного изъ активныхъ эс-эровъ первой революціи, вѣдавшаго въ то время военной организаціей партіи — прис. пов. Старынкевича. Гинсъ видитъ въ фигурѣ Старынкевича лишь напускную революціонность для политической карьеры (ссылка въ Сибирь?). Я не берусь характеризовать обликъ благополучно здравствующихъ общественныхъ дѣятелей. Отрицать демократичность взглядовъ Старынкевича едва ли кто можетъ. Самъ предсѣдатель Адмінсовѣта, Серебренниковъ — руководитель иркутской группы областниковъ — проходитъ въ У. С. отъ областниковъ по списку с.-р.

Я взялъ лишь нѣкоторыхъ*). О другихъ будетъ сказано ниже. Но и приведеннаго уже достаточно для нужнаго намъ корректива.

* * *

„Кто изъ состава Адм. Совѣта могъ быть наиболѣе одіозенъ партійнымъ лѣвымъ кругамъ?“ — какъ бы спрашиваетъ себя Гинсъ. Одинъ только Гришинъ-Алмазовъ представлялся „силой“, съ которой слѣдовало бороться, потому что за нимъ стояла — такъ по крайней мѣрѣ казалось — армія (194). Гришинъ вскорѣ и былъ устраненъ съ поста военнаго министра. Что Гришинъ былъ фигурой для многихъ „лѣвыхъ“ непріемлемой — это мы знаемъ. Но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для утвержденія, что самое увольненіе произошло по „интригѣ“ соц.-революціонеровъ, какъ категорически говоритъ Милюковъ: „эс-эрамъ удалось добиться увольненія диктатора Гришина-Алмазова, провинившагося въ томъ, что написалъ воззваніе, въ которомъ открыто развивалъ идеологію борьбы сибирской

еще продолжается идеологія рабочихъ, потерявшихъ вкусъ къ труду“ („Воспоминанія“ 74).

*) См. характеристики Гинса. 186—192.

арміи на новомъ русско-германскомъ фронтѣ“ (46). Какъ разъ Гришинъ формально обвинялся въ противоположномъ, — въ выступленіи противъ союзниковъ. Очевидно поэтому ген. Жаненъ, человѣкъ совершенно не сумѣвшій разобраться въ сибирской обстановкѣ, несмотря на знаніе русскаго языка и русскихъ военныхъ — онъ былъ въ Академіи Генеральнаго Штаба — позволилъ себѣ, съ нѣкоторымъ присущимъ ему легкомысліемъ, квалифицировать убитаго большевиками Гришина-Алмазова, какъ „Une canaille à tout faire“ („M. Sl.“, 25, III, 349).

Гинсъ, текстомъ книги котораго, повидимому, пользовался Милюковъ, (излагая однако, неточно), приписываетъ отставку перваго сибирскаго военнаго министра въ значительной степени интригѣ управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Головачева, который всегда призывалъ Совѣтъ не высказываться опредѣленно противъ Германіи, въ то время какъ Гришинъ упорно настаивалъ на возстановленіи русско-германскаго фронта. Въ началѣ августа въ связи съ мобилизаціей*) Совѣтъ опубликовалъ декларацію, въ которой говорилъ, что задачей Сибири является содѣйствіе возстановленію другихъ частей Россійскаго Государства, раздробленнаго Брестскимъ миромъ. Гришинъ, бывшій въ то время въ Челябинскѣ, былъ недоволенъ отсутствіемъ указанія на то, какъ само правительство относится къ Брестскому миру и категорически требовалъ яснаго заявленіа по этому поводу. Было составлено новое заявленіе,

* Успѣхъ этой мобилизаціи — несомнѣнная заслуга Гришина-Алмазова. Если, по мнѣнію Болдырева, эта мобилизація происходила все же въ размѣрахъ, не соотвѣтствовавшихъ матеріальнымъ рессурсамъ сибирскаго правительства, то вина не лежитъ на осторожномъ въ этомъ дѣлѣ военномъ министрѣ, который не форсировалъ мобилизацію, а скорѣе ее задерживалъ. „Хотя и были случаи принужденія съ помощью военной силы“ — отмѣчаетъ въ письмѣ-отчетѣ Чайковскому прибывшій въ это время изъ Архангельска въ Сибирь С. С. Масловъ „но въ общемъ мобилизація проходитъ успѣшно“. Подъ перомъ большевицкаго историка случаи принужденія становятся картиной общей. „Насильственный призывъ въ войска молодыхъ солдатъ“ въ очень немногихъ районахъ происходитъ безъ „шомпольныхъ воздѣйствій (Парфеновъ, 62). „Отряды офицеровъ и военноплѣнныхъ (вотъ ужъ по истинѣ съ больной головы на здоровую!) вылавливаютъ дезертировъ по всей сибирской деревнѣ“. Очевидно, въ дѣйствительности дѣло было не совсѣмъ такъ, разъ другой совѣтскій историкъ Анишевъ (225) признаетъ, что первую мобилизованную крестьянскую молодежь легко „впитали офицерскіе кадры“.

подписанное всѣми министрами. Очевидно, за это Гришинъ не могъ быть уволенъ. „Какъ оказалось — пишетъ Гинсъ — Гришинъ-Алмазовъ въ Челябинскѣ послѣ ужина съ выпивкой, возбужденный очень рѣзкими и непріятными для русскаго патріота ироническими замѣчаніями англійскаго консула въ Екатеринбургѣ, бросилъ замѣчаніе, что русскіе менѣе нуждаются въ союзникахъ, чѣмъ союзники въ русскихъ, потому что только одна Россія можетъ сейчасъ выставить свѣжую армію, которая, въ зависимости отъ того, къ кому она присоединится, рѣшитъ судьбу войны. Эти слова генерала дали поводъ для выступленія иркутскаго консульскаго совѣта, поднялся шумъ, и враги Гришина рѣшили использовать моментъ“ (196). Были ли сказаны на банкетѣ слова, которыя приписывались Гришину и которыя неудачно формулировали его мысль, установить трудно. На банкетѣ — записываетъ Болдыревъ, въ это время познакомившійся съ сибирскимъ военнымъ министромъ — Гришинъ „высказалъ много лишнихъ, рѣзкихъ, но по существу правдивыхъ обвиненій по адресу союзниковъ... Это обстоятельство въ связи съ внутренними интригами Сиб Прав. стоили Гришину-Алмазову его высокаго поста“ (34) *).

Играли ли здѣсь какую нибудь роль эс-эровскіе политики, могшіе воспользоваться тѣмъ, что Гришинъ не ладилъ съ чехами**), мы не знаемъ. Одно очевидно: за „интригами“ Головачева не могли стоять эс-эры. Головачевъ былъ связанъ совсѣмъ съ другими кругами, близкими „честолюбивому“ Иванову-Ринову. Все же, что концентрировалось вокругъ послѣдняго, „жаждало сверженія Гришина“

*) Какъ изображаютъ большевицкіе историки, слишкомъ легко извращающіе факты, показываетъ изложеніе Парфенова: „Заискивающе привѣтствуя выступленіе англо-французскихъ войскъ въ Архангельскѣ, онъ выразилъ надежду, что союзники помогутъ ему окончательно очистить отъ большевиковъ и территорію Сибири, дѣлая при этомъ болѣе, чѣмъ опредѣленный, кивокъ въ сторону нѣкоторыхъ своихъ коллегъ по правительству и областной Думѣ. Отъ лакействующей рѣчи полуграмотнаго генерала Гр.-Алм. сдѣлалось нехорошо даже нѣкоторымъ иностраннымъ представителямъ“ (45).

**) Кроль со словъ Павлу передаетъ, что на другой день послѣ банкета Гришинъ заявилъ Павлу: „если вамъ, чехамъ, у насъ не нравится, то вы можете уѣхать“. На это послѣдовалъ отвѣтъ Павлу: ... „въ политикѣ ожидать благодарности не приходится... Но я считаю, что мы своего дѣла еще не сдѣлали. Россія намъ нужна въ нашихъ интересахъ“... (86).

(Гинсъ. 107). — Онъ былъ не только конкурентомъ во власти; Гришинъ-Алмазовъ въ дѣйствительности старался проводить демократическую политику въ арміи. „Авантюристъ-диктаторъ“ ... „не одобрялъ правыхъ теченій, понимая ихъ несвоевременность“. (Кирилловъ въ „В. С.“ IV, 46). Вмѣсто демократически настроеннаго Гришина, обладавшаго несомнѣнно „организаторскимъ дарованіемъ, энергіей и рѣшимостью“ (Болдыревъ) былъ назначенъ временно командующимъ арміей Ивановъ-Риновъ — человѣкъ также иниціативный и энергичный, но стоящій гораздо ниже Гришина по своимъ моральнымъ качествамъ. И взгляды его были другіе. Онъ началъ свою дѣятельность отмѣной введенной Гришинымъ военной формы, схожей съ чехословацкой, — несправедливымъ указомъ объ офицерахъ, служившихъ у большевиковъ, законопроектомъ о введеніи смертной казни и назначеніемъ начальникомъ омскаго гарнизона горячаго сторонника настоящей военной диктатуры казачьяго полковника Волкова. Если причиной удаленія Гришина были „интриги“ лѣвыхъ — они тѣмъ самымъ облегчали правымъ задачу, которую имъ ставилъ Кроль. Если здѣсь бо̀льшую роль сыграли интриги правыхъ, то этотъ фактъ самъ по себѣ показываетъ, что „авантюристъ“ подъ Наполеона (а по мнѣнію Болдырева подъ Керенскаго) старался въ жизни проводить среднюю политическую линію, намѣтившуюся у Адмінсовѣта.

Увольненіе Гришина вызвало новыя осложненія въ правительствѣ. Лучше всего вновь разсказать о нихъ словами Гинса, какъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Увольненіе Гришина произошло такъ, что Адмінсовѣтъ ничего объ этомъ не зналъ; не зналъ объ указѣ даже самъ Гинсъ, управлявшій дѣлами Совѣта министровъ, не запрошено было и мнѣніе Адмінсовѣта о замѣстителѣ. На засѣданіи Адмінсовѣта, обсуждавшаго инцидентъ, явился Головачевъ и заявилъ, что Ивановъ-Риновъ вступилъ уже въ командованіе и что объ этомъ дано знать по прямому проводу всѣмъ военнымъ частямъ... *).

*) Правдивый Вологодскій, какъ сообщаетъ Гинсъ, — открыто заявилъ въ засѣданіи Адмінсовѣта: „я чувствую себя виновнымъ въ томъ,

Ночью въ квартирѣ Гришина происходитъ засѣданіе въ присутствіи Михайлова и Пепеляева. Гинсъ изображаетъ это засѣданіе — и онъ былъ туда вызванъ — въ довольно безобидныхъ тонахъ. „Впослѣдствіи мнѣ сообщали — добавляетъ онъ — что Гришинъ дѣлалъ попытку призвать на помощь одну часть, но его распоряженіе было перехвачено. Я считаю это сообщеніе похожимъ на правду. Въ эту ночь я увидѣлъ въ Гришинѣ маленькаго честолюбиваго и самоувѣреннаго человѣка, не умѣвшаго вести большой игры“... (200)*).

Какъ ни расцѣнивать того, что происходило ночью въ квартирѣ Гришина, совершенно ясно, что тамъ обсуждался вопросъ о своего рода государственномъ переворотѣ. Едва ли имѣются хоть какія нибудь основанія усмотрѣть здѣсь выступленіе со стороны „правыхъ“. Вѣрнѣе это была своеобразная попытка, диктуемая, возможно, обиженнымъ честолюбіемъ, найти выходъ изъ той ненормальной обстановки, при которой такъ причудливо переплетались между собой „лѣвые“ и „правые“, союзники и чехи...

„Что дѣлалось въ это время въ Совѣтѣ министровъ —говоритъ Гинсъ — я не знаю. Хотя я оставался управляющимъ дѣлами, но меня не приглашали на засѣданія. Предсѣдатель Совѣта министровъ объяснилъ мнѣ, что засѣданія носятъ такой неприличный характеръ, вслѣдствіе постоянныхъ личныхъ столкновеній между отдѣльными министрами (главнымъ образомъ Михайловымъ и Патушинскимъ), что невольно хочется придать имъ замкнутый характеръ“ (198). Совершенно ясно, что въ эти дни и былъ предъявленъ правительству со стороны большинства „ультиматумъ“, въ результатѣ котораго появилось то постановленіе правитель-

---

что принялъ рѣшеніе, не посовѣтовавшись съ вами, и если бы сейчасъ возможно было, я счелъ бы себя обязаннымъ уйти въ отставку“ (280).

*) Характеристики людей чрезвычайно субъективны. Повторяющій часто чужія слова Глосъ называетъ Гришина „злымъ духомъ правительства“. (Чешскіе представители, зараженные вліяніемъ Самары, вообще были враждебно настроены къ верхамъ Сибирской арміи. Это отмѣчаетъ и Болдыревъ. Ихъ сужденія въ данномъ случаѣ всегда нѣсколько пристрастны). Фантастично утвержденіе Глоса, что Гр.-Алмазовъ предполагалъ разогнать Думу, опираясь на чеховъ.

ства, которое приводилось выше — въ частности относительно Думы.

Разобраться въ закулисной сторонѣ еще трудно. Гдѣ была интрига, гдѣ была неуравновѣшенность, которая питалась всей нервной обстановкой того времени? Во всякомъ случаѣ, увольненіе Гришина-Алмазова явилось большой ошибкой со стороны правительства, подчинившагося различнымъ и противорѣчивымъ вліяніямъ извнѣ. Каждый необдуманный шагъ чреватъ послѣдствіями. Шила въ мѣшкѣ нельзя было утаить. Увольненіе военнаго министра было „злобой дня". Всѣ о немъ говорили, всѣ его по своему комментировали. И если отрѣшиться на моментъ отъ всѣхъ политическихъ оцѣнокъ и поставить себѣ вопросъ, какое впечатлѣніе должна была производить описанная выше правительственная и общественная „неразбериха" въ широкихъ военныхъ кругахъ, не посвященныхъ въ закулисную сторону „интригъ", личной и партійной политики, — не придется ли признать, что естественно и законно рождалась въ этой военной средѣ мысль о спасительности диктатуры? Между тѣмъ эпоха „интригъ" и „заговоровъ" подъ сибирскимъ созвѣздіемъ только еще начиналась.

6. СТОЛКНОВЕНІЕ СЪ ДУМОЙ.

13 сентября Патушинскій подалъ заявленіе, что не находитъ возможнымъ оставаться въ составѣ Совѣта министровъ въ виду „глубокаго расхожденіа съ Адм. Совѣтомъ и возрастающимъ вліяніемъ послѣдняго на политическую дѣятельность правительства". Мнѣ кажется „вспыльчивому" Патушинскому въ значительной степени просто надоѣла обстановка борьбы и конфликтовъ. Считая себя все таки министромъ, избраннымъ Думой, онъ не сочувствовалъ переходу власти къ Адмінсовѣту, быть можетъ, не учитывая достаточно того, что излишне строгая „принципіальность" вообще мало подходила къ тогдашней обстановкѣ. Съ уходом Патушинскаго правительство оказалось въ нѣтяхъ. Вологодскій, взявъ съ собой Гинса, уѣхалъ на Востокъ для отвѣтственныхъ переговоровъ съ союзни-

ками (въ частности о займѣ) и для ликвидаціи „опереточныхъ“ правительствъ на Д. Востокѣ. Серебренниковъ отправился въ Уфу на Государственное Совѣщаніе, Шатиловъ въ Томскъ на открытіе Думы. Крутовскій, стоявшій вообще нѣсколько въ сторонѣ отъ дѣлъ, жилъ въ Красноярскѣ. Изъ членовъ правительства въ Омскѣ оставался самый молодой, но, можетъ быть, самый энергичный изъ нихъ, Михайловъ. Такимъ образомъ, въ полномъ соотвѣствіи съ принятыми постановленіями фактически государственная власть переходила къ Адм. Совѣту.

10 сентября въ Томскѣ открылась Дума. Работа ея вновь была установлена заранѣе по соглашенію съ правительствомъ. Съ самаго начала возникъ конфликтъ. Прежде всего Дума, въ свою очередь, избрала комиссію для посылки на Дальній Востокъ. Цѣль избранія была ясна: делегація должна была дѣйствовать тамъ параллельно Вологодскому и „парировать его выступленіе“ (Майскій. 250), т. е. воздѣйствовать на Лавровское (Дербероское) правительство въ томъ отношеніи, чтобы оно не сдавало власти, и завязать непосредственныя отношенія съ союзниками. Это Якушевъ въ разговорѣ съ Вологодскимъ по прямому проводу называлъ „информаціонными цѣлями“! Делегація была уже въ дорогѣ, когда появился рѣшительный протестъ со стороны Вологодскаго. Делегація была задержана 16—17 сентября въ Иркутскѣ командующимъ войсками и „принудительно въ товарномъ вагонѣ отправлена“ въ Томскъ. Закономѣренъ ли этотъ „безпримѣрный въ парламентской практикѣ эпизодъ“ или нѣтъ, — но, быть можетъ, только въ силу происшедшей задержки миссія Вологодскаго увѣнчалась успѣхомъ.

Съ Хорватомъ достигнуто было 27 сентября соглашеніе, по которому послѣдній, какъ и Сибирское правительство, признавалъ власть образовавшейся уже тогда всероссійской Директоріи. Хорватъ становился „генеральнымъ комиссаромъ“ новой власти.*) Лавровское (Дербе-

*) Соглашеніе являлось немаловажнымъ фактомъ, такъ какъ омскіе напр., кадеты ставили условіемъ поддержки всероссійской власти обязательное соглашеніе съ Хорватомъ.

ровское) правительство тоже сравнительно легко самоупразднилось, отчасти, можетъ быть, считаясь съ наличіемъ конкуренціи а н Дальнемъ Востокѣ (Флугъ), отчасти въ силу тяжелаго матеріальнаго положенія (Гинсъ). Въ моментъ сдачи власти пришло однако сообщеніе о происшедшемъ въ Омскѣ конфликтѣ. Гинсъ передаетъ, что тогда министръ Моравскій отказался сдавать дѣла и разослалъ шифрованную телеграмму почтовымъ и телеграфнымъ служащимъ съ призывомъ не подчиняться Сибирскому правительству (229).

Была попытка со стороны Думы (части ея, конечно), воспользовавшись отъѣздомъ Вологодскаго и пріѣздомъ бывшаго министра Дербероѵскаго правительства Новоселова, измѣнить составъ омской власти и ввести въ рамки подчиненія Думѣ Адмінсовѣтъ, которому было предоставлено право полномочнаго Совѣта Министровъ „безъ вѣдома Думы“ (слова Якушева). (Позднѣе сибирскіе эс-эры приписывали Адмінсовѣту иниціативу въ создавшемся конфликтѣ („В. Сиб.“ I, 10). Безспорно, что иниціатива въ данномъ случаѣ исходила отъ дѣятелей Сиболдумы).

18 сентября с. д. фракція поставила на обсужденіе Думѣ вопросъ о необходимости выяснить отношеніе Думы къ правительству. Вопросъ этотъ обсуждался въ закрытомъ засѣданіи Думы, признавшей необходимымъ принять энергичныя мѣры противъ беззаконій правительства (Майскій. 210). Подъ „безаконіемъ“ главнымъ образомъ подразумѣвалась тактика представителей Сибирскаго правительства на происходившемъ въ Уфѣ „Государственномъ Совѣщаніи“, тактика эта противорѣчила резолюціямъ Думы. Представитель Думы, Якушевъ, въ позднѣйшемъ разговорѣ по прямому проводу съ Вологодскимъ, уже членомъ Директоріи, избранной въ Уфѣ, въ очень мягкихъ тонахъ изображаетъ то, что говорилось въ Думѣ. „Непримиримость Сибирской делегаціи“ — говорилъ онъ — внушала тревогу, что „можетъ разрушить работу по созданію центральной власти. Дума, однако, учитывая всю сложность ситуаціи, не рѣшалась обсуждать въ закрытомъ засѣданіи (очевидно „открытомъ“) явное расхожденіе правительствен-

ной делегаціи въ Уфѣ съ постановленіями Думы, но считала вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ долгомъ оказать вліяніе на делегацію въ смыслѣ приближенія ея позиціи къ думской. Съ этой цѣлью было устроено закрытое засѣданіе Думы, на которомъ была подвергнута разбору линія поведенія правительственной делегаціи въ Уфѣ, при чемъ Дума памятуя, что въ столь тяжелый моментъ всякое недовѣріе, выраженное правительству, чревато большими, тяжелыми осложненіями во внутренней жизни страны, ограничилась только вопросомъ Совѣту министровъ, чѣмъ объясняется расхожденіе точка зрѣніи правительственной делегаціи отъ мнѣнія, выраженнаго Думой".

Все это было въ дѣйствительности не такъ безобидно, какъ пытался представить Якушевъ. Дума хотѣла и измѣнить составъ делегаціи и обуздать Адмінсовѣтъ. Для этого нужно было получить „лѣвое" большинство въ основномъ правительствѣ. Рѣшили ввести Новоселова въ составъ правительства — была сдѣлана, по выраженію Майскаго, „попытка устроить маленькій государственный переворотъ", введя Новоселова „революціоннымъ путемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ сиболдумцы уговорили Патушинскаго взять свою отставку назадъ.*) „Революціонному пути" былъ приданъ своеобразный „конституціонный" характеръ. Ссылаясь на какую-то телеграмму Михайлова, запрашивавшаго томскаго губ. комиссара о наличности мѣстнаго гарнизона, Якушевъ говорилъ Вологодскому, что Дума увидѣла здѣсь угрозу роспуска. Необходимо предотвратить необдуманный и незакономѣрный шагъ.

Лучше всего разсказать дальнѣйшее со словъ самого Якушева. Онъ ѣдетъ въ Омскъ, вызываетъ туда Крутовскаго. За нимъ пріѣзжаетъ Шатиловъ, все съ той же цѣлью „пріостановить работу Административнаго Совѣта".

20 сентября Крутовскій собралъ Совѣтъ Министровъ. На засѣданіи присутствовали Михайловъ и Якушевъ, въ

*) Патушинскій обратился съ заявленіемъ по поводу своей отставки въ Думу. Оно обсуждалось, по словамъ Якушева, въ президіумѣ при участіи совѣта старѣйшинъ, ибо, если бы вопросъ былъ поставленъ на разрѣшеніе Думы, это могло бы „повести къ кризису власти, который не входилъ въ расчетъ Думы".

качествѣ предсѣдателя Думы. Засѣданіе было сорвано, такъ какъ Михайловъ покинулъ его при обсужденіи вопроса, который Крутовскимъ былъ поставленъ предварительно о вступленіи въ исполненіе обязанностей Патушинскаго и Новоселова. Не надо забывать, что къ возвращенію отказавшагося Патушинскаго и кооптаціи кого нибудь въ правительство, отрицательно отнеслись отсутствовавшіе члены правительства Вологодскій и Серебренниковъ. За кулисами въ дѣйствительности шли болѣе серьезныя подготовленія. Намѣревались изъ состава упразднившагося дербероскаго правительства ввести въ омскую власть еще Краковецкаго. Якушевъ велъ соотвѣтственные разговоры съ Уфой и Иркутскомъ, при чемъ ленты разговора, по утвержденію Гинса, уничтожались (221).

Гинсъ между прочимъ ссылается на разоблаченія, сдѣланныя на открытомъ засѣданіи Думы депутатомъ Соболевымъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не было данныхъ для провѣрки указаній, можетъ быть, нѣсколько субъективныхъ, историка-мемуариста. Но вѣдь планъ Сиболдумы и такъ уже ясенъ изъ разсказа ея предсѣдателя.

Какъ отнеслась непартійная общественность къ возникшему конфликту? „Заря“ опредѣленно заявила, что Обл. Дума „утратила всякое представленіе о существѣ своихъ функцій и работаетъ на государственный развалъ“. (Цитирую по „От. Вѣд.“ № 4). Вологодскій телеграфно призналъ своевременнымъ перерывъ работъ Думы... 21 сентября Адмиц. Совѣтъ распустилъ Думу... Дума не подчинилась приказу и единогласно открытымъ голосованіемъ приняла резолюцію эс-эровской фракціи:

„На основаніи „Положенія о временныхъ органахъ управленія въ Сибири“ считать: 1) административный совѣтъ незаконно созданнымъ и подлежащимъ немедленному роспуску; 2) министра финансовъ И. А. Михайлова и тов. министра внутр. дѣлъ Граціанова считать уволенными отъ занимаемыхъ ими должностей и подлежащими суду по обвиненію въ попыткѣ государственнаго переворота.

Временнымъ Сибирскимъ Правительствомъ Областная Дума считаетъ правительство въ составѣ избран-

номъ Думой въ январѣ 1918 г.. за исключеніемъ министра финансовъ И. А. Михайлова.

Дума постановляетъ:

1. Временно предоставить всѣ права Думы, а также право временнаго устраненія министровъ и всѣхъ должностныхъ лицъ отъ занимаемыхъ должностей „Комитету Областной Думы“ въ составѣ по два представителя отъ каждой фракціи для возстановленія насильственно прерванной дѣятельности Областной Думы и совѣта министровъ, и для предоставленія выборнымъ Думой министрамъ возможности исполнять возложенныя на нихъ обязанности.

2. По минованіи чрезвычайныхъ достиженій (?) поставленныхъ цѣлей означенному Комитету сложить свои полномочія и дать отчетъ въ своей дѣятельности Сибирской Областной Думѣ“...*)

Въ „Комитетъ Областной Думы“ избирается по два представителя отъ фракціи с.-р., с.-д. и національностей. Фракціи областниковъ и безпартійныхъ отсутствуютъ... Это отвѣтственное Собраніе Думы было созвано наскоро, ночью — въ „революціонномъ“ уже порядкѣ („Заря“).

Крайность часто порождаетъ другую крайность. Въ отвѣтъ на „грамоту“ **) Думы—доносилъ Гаттенбергъ Михайлову—„всюду на заборахъ надпись: Боже, Царя Храни“...

Рано утромъ того же дня (21-го) Крутовскій, Шатиловъ, Якушевъ и Новоселовъ были въ Омскѣ арестованы начальникомъ гарнизона полк. Волковымъ „по обвиненію въ томъ, что этими лицами замышлено и приступлено къ совершенію государственнаго переворота“. Обстановка ареста соотвѣтствовала уже установившимся въ Омскѣ нравамъ. Члены правительства, по словамъ Якушева, обманомъ были вызваны въ штабъ для переговоровъ по прямому проводу

*) Выдержки изъ протокола напечатаны составителемъ „Хроники“ изъ матеріаловъ Сиб. Обл. Думы. (Прил. 109).

**) Записка областниковъ подчеркиваетъ, что грамота, изданная отъ президіума Думы, подписана все лицами „юными“ или „совершенными новичками на общественномъ поприщѣ“. Предсѣдателемъ „президіума“ былъ проф. Никоновъ, „соціалистическая“ и „демократическая“ принципіальность котораго легко устанавливается тѣмъ, что онъ былъ ставленникомъ достаточно прославленнаго министра народнаго просвѣщенія Кассо и былъ послѣ революціи удаленъ изъ петербургскаго университета (Гинсъ I, 179).

съ военнымъ министромъ въ Уфѣ и отвезены конвоировавшимъ ихъ офицеромъ на частную квартиру (Волкова): „На нашъ протестъ противъ насилія, намъ отвѣтили, что дѣйствуютъ по распоряженію законныхъ властей, и что намъ будетъ представлено распоряженіе Адм. Совѣта“...

Оффиціальное сообщеніе Сибирскаго Правительства по этому поводу говорило:

„Арестъ былъ произведенъ безъ вѣдома не только замѣстителя Предсѣдателя Совѣта министровъ и предсѣдателя Административнаго Совѣта И. А. Михайлова и самого Административнаго Совѣта, но и безъ вѣдома временнаго управляющаго военнымъ министерствомъ генералъ-майора Матковскаго. Въ этотъ же день отъ В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова были получены прошенія объ отставкѣ.

„Въ 7 часовъ вечера 21-го сентября, непосредственно передъ назначеннымъ въ тотъ день засѣданіемъ, были получены въ зданіи Административнаго Совѣта замѣстителемъ предсѣдателя Совѣта министровъ и временно управляющимъ военнымъ вѣдомствомъ отъ начальника гарнизона донесенія о произведенныхъ арестахъ. Административный Совѣтъ, обсудивъ эти донесенія, единогласно постановилъ: немедленно освободить изъ подъ стражи В. М. Крутовскаго, М. Б. Шатилова и И. А. Якушева, о дѣйствіяхъ начальника гарнизона полковника Волкова сообщить командующему арміей. Вслѣдствіе же направленія дѣла начальникомъ гарнизона объ арестѣ Новоселова прокурору Омской судебной палаты, вопросъ объ освобожденіи Новоселова былъ признанъ подлежащимъ обсужденію названнаго прокурора“ (Гинсъ. I, 234—5).

23 сентября Новоселовъ былъ убитъ сопровождавшимъ его въ областную тюрьму конвоемъ. Сказать, что Новоселовъ „палъ жертвою расправы, учиненной какимъ то добровольцемъ“ какъ это сдѣлалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Серебренниковъ (14), конечно, совершенно невозможно*).

*) Нѣкоторыхъ деталей этой расправы мы коснемся ниже въ связи съ оффиціальнымъ разслѣдованіемъ дѣла. Поразительно, что редакція „Вольн. Сиб.“ къ словамъ Серебренникова въ видѣ какого то исключенія не сдѣлала никакой оговорки.

„Въ засѣданіи — продолжаетъ оффиціальное сообщеніе — тов. мин. вн. д. А. А. Граціановъ, посѣтившій В. М. Крутскаго и М. Б. Шатилова по ихъ освобожденіи, сообщилъ, что прошенія объ отставкѣ, по объясненію В. М. Крутовскаго, имъ и Шатиловымъ были подписаны подъ угрозой разстрѣла*), далѣе А. А. Граціановъ, со словъ того же Крутовскаго сообщилъ, что Крутовскому и Шатилову, по освожденіи ихъ, было предъявлено лицами, ихъ арестовавшими, требованіе покинуть Омскъ въ теченіе 24 часовъ. Заявленіе В. М. Крутовскаго и М. Б. Шатилова о вынужденной подачѣ ими прошеній объ отставкѣ и вынужденномъ ихъ отъѣздѣ, а также невыясненность обстоятельствъ убійства А. Е. Новоселова нызвали единодушное рѣшеніе Административнаго Совѣта о немедленномъ образованіи Верховной слѣдственной комиссіи изъ трехъ членовъ Административнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ управляющаго мин. торг. и пром. проф. Гудкова“...

Все-ли гладко въ этотъ постановленіи Адмінсовѣта? Между строкъ чувствуется какое то формальное отношеніе къ разслѣдованію событій. И, дѣйствительно, актъ ареста какъ бы развязалъ руки въ борьбѣ. Арестованные министры — больше не министры, хотя бы отказъ ихъ былъ вынужденнымъ. Опасный прецедентъ для будущаго!.. И уже недопустимымъ было формальное отношеніе къ оставленію Новоселова подъ арестомъ. Правительство должно было знать о настроеніяхъ среди казачьихъ офицеровъ омскаго гарнизона. Правительство обязано быть предусмотрительнымъ въ такихъ случаяхъ и разслѣдовать болѣе открыто и рѣшительно. Своимъ формальнымъ отношеніемъ оно санкціонировало тотъ актъ ареста, отъ котораго оффиціально отгораживалось. Но такое утвержденіе еще да-

*) Въ показаніяхъ слѣдственной комиссіи Крутовскій говоритъ, что онъ не желалъ подписать прошенія объ отставкѣ по „старости лѣтъ“ и „болѣзни“. Тогда одинъ изъ офицеровъ (Нарбутъ) подошелъ къ нему вплотную со словами: „Три минуты на размышленіе, или вы подпишите или мы васъ увеземъ на автомобилѣ и вы будете разстрѣляны“. Крутовскій подписалъ. Подписалъ и Шатиловъ. Новоселовъ и Якушевъ считали, что они сдѣлали это напрасно: „молодежь только пугаетъ“. Отрывокъ изъ показаній Крутовскаго приведенъ въ примѣчаніяхъ Вегмана къ тексту воспоминаній Болдырева. (Прим. 42).

леко отъ обвиненія кого-либо изъ членовъ правительства въ соучастіи въ преступленіи. Широкое распространіе получила версія, приписывавшая, если не непосредственную организацію убійства Новоселова, то роль его вдохновителя и подстрекателя И. А. Михайлову. Къ нему съ легкой руки противниковъ приклеили этикетку въ видѣ суровой клички „Ванька-Каинъ". Къ дѣятельности и отчасти къ личности Михайлова мы еще подойдемъ. Нужно однако заранѣе имѣть въ виду, что ненависть къ Михайлову со стороны нѣкоторыхъ „лѣвыхъ" круговъ въ значительной степени объясняется его активнымъ участіемъ въ борьбѣ съ Комучемъ и Сиболдумой. При такихъ условіяхъ добиться безпристрастія невозможно. Михайловъ, можетъ быть, въ силу молодости былъ самымъ страстнымъ борцомъ противъ эс-эровскаго „народовластія": бывшему эс-эру этого простить не могли. Конечно, Михайловъ къ убійству Новоселова отношенія не имѣлъ — это пятно должно быть съ него смыто. Самъ Новоселовъ, пріѣхавшій въ З. Сибирь, какъ бы по командировкѣ лавровско-дербероскаго правительства, повидимому, не очень стремился ввязываться въ организацію власти*) и быть назначеннымъ министромъ тѣмъ конституціонно-революціоннымъ путемъ, который измыслилъ предсѣдатель Сиболдумы. И Новоселовъ сдѣлался „несчастной жертвой чужой игры". Такъ охарактеризовала это убійство омская „Заря" (№ 6). Большевицкіе историки назвали убійцъ Новоселова „колчаковскими наймитами" (!!!) **)

* * *

Томскій губернскій комиссаръ прис. пов. Гаттенбергъ — „крайне правый", въ дѣйствительности же членъ потанинскаго кружка („Сиб. Огни" 28, I, 139), быстро ликвидировалъ начинанія Сиболдумы, арестовавъ новое выбор-

*) Это онъ подчеркивалъ Вологодскому при встрѣчѣ въ Иркутскѣ (Гинсъ, I, 214), то же въ Омскѣ говорилъ онъ Якушеву и не давалъ положительнаго отвѣта, ссылаясь „на усталость" и „литературныя занятія" (изъ разговора съ Вологодскимъ).

**) Березовскій „А. Е. Новоселовъ" („Сиб. Огни" 1922, 157).

ное „правительство“ *). Тогда предсѣдатель Думы Якушевъ обратился за помощью къ чехамъ. Это безотговорочно констатируется въ запискѣ областниковъ-кооператоровъ: получивъ свободу, Якушевъ, по собственному заявленію, поставилъ себя подъ защиту чеховъ и этимъ самымъ поставилъ сибирскую армію подъ угрозу кровопролитной схватки съ чехами. Якушевъ просилъ представителя чехословаковъ вмѣшаться въ конфликтъ — другой реальной силы у Сиболдумцевъ не оказалось **). Глосъ былъ какъ бы своимъ человѣкомъ въ Сиболдумѣ — участвовалъ даже въ конспиративныхъ засѣданіяхъ, которыя шли въ совѣтѣ старѣйшинъ (Гинсъ. I, 240). Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Вольн. Сиб.“ (№ 4) и показывающихъ, что д-ръ Глосъ не всегда разбирался въ обстановкѣ, не ясно представляя себѣ и фактическую сторону дѣла (напр. характеристика его августовскаго „самороспуска“ Думы), онъ считаетъ нужнымъ указать, что его работа, какъ политическаго уполномоченнаго чехословаковъ, шла по линіи всемѣрнаго содѣйствія демократіи. Поэтому Глосъ такъ энергично протестовалъ противъ роспуска Думы. Не сознавая того, Глосъ говорилъ лишь съ чужихъ словъ.

Чехи совѣщались, какъ имъ поступить. Когда разыгрывались томско-омскія событія, въ Уфѣ происходило уже государственное совѣщаніе. Тов. предсѣдателя Нац. Совѣта д-ръ Павлу былъ, очевидно, сторонникомъ ареста чешскими военными силами Михайлова, какъ иниціатора „переворота“. Объ „иниціативѣ“ Михайлова доносилъ ему изъ Омска со словъ секретаря Якушева чешскій уполномоченный Рихтеръ 21 сентября. Павлу передавалъ эти сообщенія чешской делегаціи въ Уфѣ. Та въ свою очередь, спрашивала совѣта Болдырева. Послѣдній уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта, „смутно представляя себѣ обстановку Омска“... Черезъ нѣкоторое время Рихтеръ, на основаніи уже новой информаціи, передавалъ, что у арестован-

*) Гаттенбергъ опирался, повидимому, на поддержку командира сибирскаго корпуса ген. Пепеляева. Какъ разъ въ этомъ корпусѣ наиболѣе казалось, сильны были связи сибирскихъ эс-эровъ.

**) Подтвержденіе см. у Аргунова (27) и у Майскаго (253).

ныхъ по приказу Михайлова лицъ нашлись документы, свидѣтельствующіе о какой то попыткѣ переворота налѣво и о непричастности къ убійству Новоселова военнаго министра. Информація была противорѣчива, тѣмъ не менѣе по распоряженію изъ Челябинска ген. Сырового начальникъ чешскаго военнаго контроля, подполковникъ Зайчикъ, арестовалъ начальника омскаго гарнизона Волкова и тов. мин. вн. дѣлъ Граціанова. Пытался онъ арестовать и Михайлова, но послѣдній скрылся. Все это было сдѣлано — осторожно говоритъ Болдыревъ — „по иниціативѣ нѣкоторыхъ демократическихъ группъ“ *).

Всѣ арестованные чехами, однако, скоро были выпущены. Можетъ быть, повліяло на это новая информація со стороны Рихтера. Можетъ быть, оказало свое дѣйствіе обращеніе, появившееся 26 сентября въ „Зарѣ“. Эту статью никто изъ чешскихъ бытоописателей сибирскаго анабазиса не упоминаетъ, между тѣмъ, она чрезвычайно знаменательна. Къ сожалѣнію только къ голосу этой части сибирской демократіи чехи мало прислушивались. Обращеніе адресовалось къ „братьямъ-чехамъ“. Въ немъ говорилось: по городу разнеслись слухи, что вы хотите арестовать министра Михайлова и его сотрудника Бутова и уже арестовали тов. мин. Граціанова... Вы можете себѣ представить, братья, какимъ ударомъ грома была разнесшаяся вѣсть, что вы хотите арестовать ихъ. Это было такъ неожиданно и непонятно, что мы подумали, не осуществляется ли какая то нѣмецкая провокація **), въ которой вы являетесь слѣпымъ орудіемъ. Братья! Вашей неосвѣдомленностью въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ кто то пользуется для достиженія цѣли, гибельной для общаго дѣла.

Протестовала не только „Заря“, не только круги, близкіе ей. Съ полнымъ основаніемъ, нѣсколько, пожалуй,

---

*) Записка областниковъ указываетъ, что Якушевъ и непосредственно обращался къ Сыровому. Для чеховъ получалось неразрѣшимое противорѣчіе — съ одной стороны невмѣшательство въ русскія внутреннія дѣла, съ другой стороны — Сыровой командовалъ и русскими и чешскими частями.

**) „Нѣмецкая провокація“, очевидно, вставлена для воздѣйствія на падкихъ къ этому чеховъ.

преувеличивая, Ивановъ-Риновъ писалъ 30 сентября кн. Львову, уѣзжавшему за границу: вмѣшательство чеховъ „вызвало взрывъ чувства національной обиды... Самыя разнородныя группы отъ промышленниковъ до умѣренныхъ соціалистовъ одинаково высказались передъ представителемъ чехо-войскъ, а казачество было взволновано настолько, что можно было опасаться вооруженнаго столкновенія".

Серебренниковъ считаетъ, что „попытку чехо-словаковъ въ Омскѣ совершить переворотъ" остановило только избраніе Всероссійскаго правительства (15). Къ этому дѣйствію мы и перейдемъ. При Директоріи произошла ликвидація уже всего разсказаннаго на послѣднихъ страницахъ конфликта Сиболдумы съ Адмінсовѣтомъ. Тогда же было разслѣдовано и дѣло объ убійствѣ Новоселова.

ГЛАВА V.

Уфимское Совѣщаніе.

1. ЕДИНАЯ ВЛАСТЬ.

Жизнь сотворила къ августу на территоріи Россіи 19 автономныхъ правительствъ. Были правительства съ территоріей, были правительства безъ нея; были правительства областного типа, были правительства національныя. Разнаго калибра были эти подчасъ эфемерныя образованія съ различными по объему правительственными функціями. На такъ называемомъ восточномъ фронтѣ, конечно, только самарское и сибирское правительства представляли собой конкурирующія силы, которыя такъ или иначе могли претендовать на всероссійское значеніе.

Комучъ такъ и ставилъ свои задачи. Подъ знаменемъ возродившагося Учредительнаго Собранія должно произойти объединеніе Россіи. Пока же носителемъ идеи верховной власти является Самарское правительство. Поэтому всякаго рода организаціи съ оттѣнкомъ правительственной власти, возникшія на освобожденной отъ большевиковъ территоріи, эс-эровская власть считала какъ бы „юридически незаконными“ (Майскій. 189).

Сибирское правительство формально ставило себѣ только областныя задачи, выдвигая лозунгъ: черезъ Сибирь къ возрожденію Россіи. Въ дѣйствительности и оно претендовало на всероссійское значеніе и не очень то склонно было уступать свою миссію. При установившейся

въ нѣкоторыхъ кругахъ соціалистической демократіи презумціи, согласно которой Сибирь съ самаго начала дѣлалась „осинымъ гнѣздомъ реакціи", а Самара воплощеніемъ народовластія, было чрезвычайно трудно провести нити соглашенія между обоими создавшимися центрами. Соц.-рев. Колосовъ, въ началѣ революціи настроенный „весьма умѣренно и государственно" *), въ іюнѣ 18 года выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь со спеціальной цѣлью, по его собственнымъ словамъ, для борьбы съ грядущей реакціей („Былое" XXI, 262). Въ виду непрочности совѣтской власти и неорганизованности демократіи онъ прозорливо предусматривалъ эту реакцію еще въ маѣ, въ статьѣ, напечатанной въ эс-эровскомъ оффиціозѣ „Дѣло Народа". Призракъ контръ-революціи, болѣзненная боязнь ея, такимъ образомъ, надѣвали повязку на глаза даже „весьма умѣренныхъ и государственно настроенныхъ" членовъ партіи. Она лишала ихъ возможности объективно оцѣнивать существовавшее положеніе. Предвзятость точекъ зрѣнія заставляла ихъ жить фикціями и гоняться за миражемъ.

Люди болѣе реалистическіе, и прежде всего та военная среда, которая съ оружіемъ въ рукахъ устанавливала первенство въ междоусобной борьбѣ, нѣсколько по иному подходили къ политическимъ вопросамъ. Для нихъ объединеніе фронтовъ, единое командованіе, конкретно возможное только при единой политической власти, становилось sine qua non самаго успѣха противобольшевицкой акціи. Я уже приводилъ бесѣду Болдырева съ Каппелемъ, въ которой Каппель „почти ультимативно" ставилъ вопросъ о политическомъ объединеніи разрозненныхъ общественныхъ силъ. „Армія и офицерство ждутъ всероссійскаго правительства", — передаетъ Утгофъ мнѣніе полковника Галкина, который требовалъ (по выраженію Болдырева въ „не особенно почтительной формѣ") въ дни уже Уфимскаго Государственнаго Совѣщанія отъ членовъ У. С. прекратить „болтовню" и реально помочь фронту (34). Тѣ же члены Уфимскаго Совѣщанія заслушиваютъ „секретное"

*) Въ оцѣнкѣ В. Гуревича: „Февральская революція въ Красноярскѣ". В. Сиб., II, 127.

сообщеніе ат. Дутова о необходимости ускорить созданіе единаго командованія, а слѣдовательно и центральной власти, ибо на фронтѣ плохо и „долго при нынѣшнемъ положеніи казаки не въ состояніи будутъ тянуть“ (103)*). У военныхъ сознаніе это было сильно — еще полк. Пишонъ въ докладѣ о возможности интервенціи отмѣчалъ необходимость въ такомъ случаѣ организовать „временное коалиціонное правительство, пріемлемое для союзниковъ“ (55).

Вопросъ объ единой власти становился жизненнымъ вопросомъ и для чехо-словаковъ, несмотря на склонность ихъ руководящихъ политическихъ круговъ поддерживать по тактическимъ соображеніямъ партійную демократію эсэровъ. Въ этомъ отношеніи они оказывали давленіе на несговорчивыхъ политиковъ изъ Самары. Въ докладной запискѣ, представленной въ Уфимское Совѣщаніе, суммируя то, что не разъ уже декламировалось въ различныхъ обращеніяхъ къ русскому обществу, Отдѣленіе Чехосл. Нац. Совѣта писало:

„Чехо-словацкое войско, выступая три мѣсяца тому назадъ противъ большевицкаго насилія, въ первый моментъ должно было защищать свою свободу, но начиная со второго дня нашего наступленія, мы поставили себѣ задачу — не продолжать свой прерванный путь черезъ Владивостокъ во Францію, а оказать содѣйствіе братскому русскому народу.

...„Чехо-словацкое войско въ надеждѣ, что русское общество возьмется за дѣло возстановленія своей военной и государственной организаціи, рѣшило принести посильную жертву во имя спасенія братской Россіи. Къ сожалѣнію, дѣло возстановленія не только политической, но и военной власти подвигается слишкомъ медленно. Вмѣсто того, что было бы болѣе естественнымъ, а именно, чтобы чехо-словацкая армія помогла русскимъ войскамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родины, до сихъ поръ тяжесть военныхъ дѣйствій неравной мѣрой падаетъ на чехо-словацкихъ солдать. Принципъ созданія добровольческой арміи ни въ Сибири, ни на территоріи Самарск. Ком. не далъ удовлетворительныхъ результатовъ. Частичная мобилизація была

*) Ген. Болдыревъ, настроенный въ то время даже излишне оптимистично, склоненъ видѣть въ выступленіи Дутова лишь политическій маневръ — „пугалъ тяжелымъ положеніемъ на фронтѣ (44).

осуществлена только *) на территоріи Самарск. Ком. среди казаковъ и башкиръ, но результатъ этого призыва до сихъ поръ мало только былъ использованъ на фронтѣ...

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ, чехо-словаки должны поставить себѣ вопросъ... какія причины этого безсилія...

Вмѣсто общегосударственнаго строительства, мы являемся свидѣтелями какой то таможенной войны между отдѣльными частями русскаго государства. Оттуда уже недалеко къ незнанію или непризнанію единаго русскаго государства.

„При такой обстановкѣ не можетъ быть споровъ о томъ, что настоящее политическое положеніе властно требуетъ немедленнаго созданія центральнаго всероссійскаго правительства, которое могло бы взять на себя задачи возстановленія Россіи“... („Хроника“. Прил. 102).

Основной вопросъ ставился ясно и опредѣленно.

* * *

Въ августѣ на территоріи Комуча и Сибири появились представители тѣхъ политическихъ организацій, которыя объединились въ Москвѣ вокругъ двухъ центровъ — „Союза Возрожденія“ и „Національнаго Центра“. Они выработали свою платформу, и единую тактику борьбы, въ основѣ которой лежало созданіе единой центральной Всероссійской власти. Я не буду касаться дѣятельности этого союза и отошлю читателя къ своей книгѣ „Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны“. (Гл. III. Союзъ возрожденія Россіи — планъ созданія всероссійской власти).

Случилось такъ, что дѣятели „Нац. Ц.“ попали на югъ, а на востокъ прибыли представители „С. В.“, т. е. представители лѣвыхъ теченій договорившихся сторонъ. Они не афишировали московскаго соглашенія, устанавливавшаго и форму организаціи власти и даже ея персональный составъ. Дѣятели „С. В.“ должны были въ своихъ партійныхъ организаціяхъ проводить выработанную линію и тѣмъ самымъ содѣйствовать соглашеніямъ различныхъ политическихъ круговъ. „Союзъ Возрожденія“ былъ какъ

*) Это невѣрно. Мобилизація была и въ Сибири.

бы полуконспираціей въ партійной средѣ. Такая тактика объяснялась, очевидно, нежеланіемъ раздражать мѣстныхъ людей, какъ бы навязывая имъ столичныя рѣшенія. Было ли это правильно для успѣха той агитаціи, которую надлежало вести членамъ „С. Возр.“? Съ одной стороны, какъ будто бы да: Кроль разсказываетъ, напр., какъ раздражало партійныхъ дѣятелей, типа Климушкина, упоминаніе о Москвѣ: „важно... не то, какъ смотритъ Москва, ибо правительство здѣсь, а не въ Москвѣ“ (60). Но на вѣсы надо положить и другое. Тактика умолчанія сдѣлала въ концѣ концовъ позицію „С. В.“ нѣсколько спутанной и неясной — не только для рядовой массы, но отчасти даже и въ сознаніи оффиціальныхъ представителей Союза. Они дѣйствовали противорѣчиво, вразбродъ. Эта тактика помѣшала развитію Союза къ тому моменту, когда ему надлежало уже выступить въ роли организованной объединенной силы *). Во всей печати того времени, которую мнѣ удалось просмотрѣть, я встрѣтилъ едва ли не единственную замѣтку въ газетѣ „Сибирь“ (№ 46), гдѣ „по слухамъ“ излагался планъ „представителей к.-д. и правыхъ с.-р.“, намѣтившихъ персональный составъ будущей всероссійской власти**). Ни опроверженій, ни поясненій на эту замѣтку не послѣдовало. Думаю, что успѣхъ агитаціи лишь колебался тактикой умолчанія. Довольно значителенъ и показателенъ, былъ, напр., тотъ фактъ, что члены „С. В.“ не вошли въ составъ Комитета У. С. (какъ-то А. А. Аргуновъ). Печать этого не отмѣчала. Впослѣдствіи въ газетахъ писалось, что кандидатура Н. Д. Авксентьева въ Мо-

*) „С. В.“ въ Сибири — утверждаетъ Гинсъ — существовалъ больше на бумагѣ“. „Поэтому лидеры его не могли опереться на союзъ“ (I, 260).

**) Самая декларація „С. В.“ и „Н. Ц.“, ставящая принципіальные вопросы, была напечатана, напр., въ омской „Зарѣ“ (18 сент.) въ видѣ „письма“ московскаго политическаго дѣятеля отъ 24 іюля. Информація „Сибири“ давала далеко неточное представленіе о московскихъ кандидатахъ. Она называла: Милюкова, Набокова, Авксентьева, Аргунова, Болдырева. О Милюковѣ при его тогдашней „нѣмецкой“ оріентаціи не могло быть и рѣчи. П. Н. Милюковъ, возражая въ „Посл. Нов.“ (№ 2983) на мои указанія о большихъ неточностяхъ, допущенныхъ авторомъ въ изложеніи московскаго „соглашенія“, указываетъ, что первоначально была комбинація: „Милюковъ—Алексѣевъ“. Очевидно, до автора, какъ и до Сибири, дошли лишь слухи.

сквѣ оказалась непріемлемой для „Нац. Ц." и что Авксентьевъ будто бы обѣщалъ свою кандидатуру снять. Это не опровергалось и не разъяснялось.

* * *

Я заглянулъ немного впередъ при характеристикѣ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя оказывали давленіе на несговорчивыхъ представителей существовавшихъ правительствъ. Оффиціальная обстановка — обстановка недовѣрія и выжиданія, содѣйствовала тому, что Челябинское совѣщаніе, назначенное на 1 августа, состоялось только въ концѣ мѣсяца. Отвѣчая Лебедеву, который убѣждалъ Комучъ „съ этой дрянью", т. е. съ Сибирскимъ правительствомъ, не вести „никакихъ переговоровъ" (VIII, 129), Вольскій писалъ въ извѣстномъ намъ письмѣ изъ Самары 16 августа: „По вопросу о Совѣщаніи я также думаю, что не мѣшаетъ его отложить, но, видимо, оно все же состоится числа 21-го". Жизнь дѣйствительно не ждала. По характеристикѣ Утгофа въ августѣ было лишь два исхода: „или погибнуть въ неравной борьбѣ двухъ губерній со всей совѣтской Россіей или, создавъ Всер. Пр., обезпечить себя изъ рессурсовъ Сибири и союзниковъ" (15). И Самара вынуждена была, по словамъ Буревого*), принять участіе въ Уфимскомъ Совѣщаніи. Комучъ разсчитывалъ, что къ нему будутъ присоединяться освобождающіяся изъ подъ большевицкой власти области. Это не осуществилось. Даже тѣ области, которыя были связаны съ Комучемъ, постепенно эмансипировались отъ него; напр., Оренбургскій атаманъ Дутовъ, лавировавшій на первыхъ порахъ между Комучемъ и Сибирью, объявилъ свою территорію 12 августа „особой областью":

„Войсковое правительство Оренбургскаго казачьяго войска — гласила декларація — согласно постановленія всѣхъ казачьихъ круговъ о конституціи государства Россійскаго въ видѣ федеративной республики, полагаетъ своевременнымъ и необходимымъ объявить территорію

*) „Колчаковщина", 13.

войска Оренбургскаго особой областью государства Россійскаго и впредь именовать ее „Область войска Оренбургскаго“. („Хроника“. Прил. 98).

„Предварительное Государственное Совѣщаніе“ въ Челябинскѣ подъ предсѣдательствомъ Н. Д. Авксентьева происходило три дня (23—25 августа). Мы не имѣемъ подробнаго отчета Совѣщанія; въ сущности, это совѣщаніе само по себѣ мало интересно. Довольно безплодны были споры о правѣ тѣхъ или иныхъ областныхъ правительствъ участвовать на Совѣщаніи въ Уфѣ (Самара возражала противъ Урала и отстаивала право національныхъ правительствъ; Сибирь держалась противоположной позиціи) такъ какъ заранѣе было рѣшено, что всѣ вопросы будутъ рѣшаться по соглашенію. Но обстановка была напряженная и въ этомъ отношеніи показательная. Споры о мандатахъ „инородческихъ“ правительствъ, по выраженію Майскаго, приняли „вулканическій характеръ“. Противъ говорили В. Н. Пепеляевъ и Ивановъ-Риновъ. Здѣсь Майскій фиксируетъ такую сцену:

„...Уже послышались личные выпады, уже прозвучали крѣпкія слова. Предсѣдатель, желая ввести дебаты въ парламентское русло, поднялся со своего мѣсти и, обращаясь къ особенно волновавшемуся Пепеляеву, примирительно началъ:

— Товарищъ Пепеляевъ, ради Бога успокойтесь!

Пепеляевъ вскочилъ, какъ ужаленный и во все горло заоралъ:

— Я вамъ не товарищъ, прошу не забываться!

Выпадъ Пепеляева подѣйствовалъ на меня, какъ ударъ хлыста. Я вскипѣлъ и, бросившись къ кадетскому представителю, угрожающе закричалъ:

— Да, вы намъ не товарищъ! Прочь отсюда!“...

Сцена характерна для тѣхъ, кто хотѣлъ дѣлать общее политическое дѣло. Но болѣе существеннымъ всетаки былъ вопросъ о мѣстѣ Совѣщанія. Комучъ намѣчалъ Самару. Оффиціальнымъ мотивомъ выставлялась большая близость Самары къ Москвѣ — Совѣщаніе, созванное въ Самарѣ, легче будетъ воспринято страной, какъ всероссій-

ское. „Фактически“ — добавляетъ Майскій — Комитетомъ руководили нѣсколько иныя соображенія. Комитетъ опасался усиленія на Совѣщаніи правыхъ элементовъ... Въ Самарѣ Совѣщаніе было бы въ демократическомъ окруженіи“ (206). Этотъ вопросъ, какъ и всѣ остальные, предварительно обсуждался въ согласительной комиссіи. Она большинствомъ 10 голосовъ противъ 9 предложила мѣстомъ будущаго совѣщанія оставить Челябинскъ. Чрезвычайно интересно, какъ тогда уже распредѣлились голоса. За Челябинскъ: представители с.-д. „Единство“, „Союзъ Возрожденія“, партія нар. св.; сибирское войско; оренбургское войск. прав.; пред. казачьяго войска; Сибирское пр.; уральское войсковое пр.; обл. пр. Урала.

За Самару: соц.-дем.; пр. Алашъ-Орды, Туркестанъ; нац. упр. тюрко-татаръ; прав. Башкиріи; съѣздъ зем. и гор.; эс-эры; Комитетъ У. С.; нар. соціалисты*). („Хроника“. Прил. 100).

Намѣтилось два опредѣленныхъ лагеря, которые по трафарету мемуаристовъ надлежало бы окрестить: лагеремъ „реакціоннымъ“ и лагеремъ „демократическимъ“. Не такъ это было въ дѣйствительности...

На другой день делегація Комитета У. С. пошла на компромиссъ, вмѣсто Самары была выдвинута Уфа. Компромиссъ этотъ былъ какъ бы „побѣдой“ Комуча — ему уступили, показавъ, что „правый лагерь“ дѣйствительно хочетъ соглашенія.

2. ЗА КУЛИСАМИ.

Такъ родилось Уфимское Государственное Совѣщаніе, которому надлежало создать Всероссійское Правительство. Совѣщаніе это въ основѣ своей было до нѣкоторой степени ошибкой. Оно разсматривало себя, какъ пупъ земли

*) Представителемъ нар. соц. былъ Ф. З. Чембуловъ. Онъ разошелся съ представителемъ „С. Воз.“ Его позиція вообще не очень понятна и нарушала директивы Центр. Ком. партіи, который онъ представлялъ въ Совѣщаніи. Многое въ его дѣйствіяхъ объясняется, очевидно, той неосвѣдомленностью, о которой мы говорили.

русской, совершенно не считаясь съ тѣми государственными образованіями, которыя создались на югѣ Россіи. Между тѣмъ, конечно, оно должно было стремиться къ созданію центральнаго правительства только для восточной Россіи, гдѣ образовался самодовлѣющій антибольшевицкій фронтъ, не претендуя на объявленіе себя съ самаго начала, безъ соглашенія съ югомъ, властью всероссійской. Авторитетъ власти заставилъ бы слиться съ нею другія государственныя образованія. Естественно, на это толкнули бы или дѣла новой власти, или имена правителей; на послѣднее и разсчитывали въ Москвѣ. Для того, чтобы эта власть была признана, надлежало ее создать такъ, чтобы она была пріемлемой для самыхъ разнообразныхъ круговъ. Къ сожалѣнію, эти условія не были соблюдены въ Уфѣ, и поэтому новая власть съ самаго начала имѣла претенціозный характеръ. Претенціозность всегда дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ. Фактически власть эта создавалась только для востока, для объединенія дѣятельности многочисленныхъ областныхъ правительствъ и прежде всего самарскаго и омскаго.

* * *

До послѣдняго времени наиболѣе полно и съ политической и съ бытовой стороны знаемъ мы о томъ, что происходило въ Уфѣ 20—23 сентября (нов. ст.), изъ воспоминаній Л. А. Кроля*). Въ настоящее время въ изданіи Русскаго Ист. Архива въ Прагѣ появился отчетъ (по копіямъ) общихъ собраній Совѣщанія и согласительной „комиссіи по организаціи власти". На основаніи опубликованнаго матеріала легче представить себѣ политическій обликъ Совѣщанія. Документъ этотъ производитъ тяжелое впечатлѣніе.

Мы познакомимся съ тѣмъ, что происходило на оффиціальныхъ собраніяхъ. Но, быть можетъ, не менѣе показательна закулисная сторона Совѣщанія, все еще недостаточно выясненная и мало отвѣчающая той внѣшней

*) Касаются болѣе или менѣе подробно Уфимскаго Совѣщанія и Болдыревъ и Майскій. См. тоже упомянутую статью Утгофа въ „Быломъ".

помпѣ и тѣмъ декларативнымъ заявленіямъ, на которыя не скупились нѣкоторые изъ участниковъ Совѣщанія. Ораторскія фіоритуры не передаютъ, конечно, драматичности условій, въ которыхъ протекало отвѣтственное Государственное Совѣщаніе. Эту закулисную сторону — атмосферу сплетенъ, интригъ, а порой недвусмысленныхъ угрозъ — участникъ Совѣщанія ген. Болдыревъ рисуетъ въ очень непривлекательныхъ краскахъ (44—45). Его характеристика мѣстами тенденціозна — тамъ, гдѣ она писана въ добровольномъ уже „изгнаніи".

Дѣло вовсе, конечно, не въ „интригахъ", а въ разномъ пониманіи сущности дѣла и въ обостренныхъ на этой почвѣ отношеніяхъ: недаромъ, какъ говорятъ, у Дутова „разболѣлась голова" отъ красной гвоздики при открытіи Собранія. Комучъ желалъ видѣть Совѣщаніе въ Самарѣ не только въ цѣляхъ воздѣйствія на общественное мнѣніе. Его лидеры избѣгали Челябинска не только изъ-за опасенія какого либо неправомѣрнаго дѣйствія со стороны болѣе мощнаго Сибирскаго правительства, — они не довѣряли собственнымъ военнымъ силамъ. Эс-эры боялись заговора по иниціативѣ своего военнаго министра Галкина *). Мы знаемъ, что энергичный Лебедевъ посылается въ Уфу съ „диктаторскими" полномочіями для охраны Совѣщанія на случай заговора. Трудно пока выяснить, какую роль во всѣхъ этихъ предположеніяхъ играло самовнушеніе и болѣзненная подозрительность, заставлявшая вѣрить всѣмъ фантастическимъ слухамъ и сплетнямъ. Настроенія войсковыхъ частей въ Уфѣ дѣйствительно были агрессивны по отношенію къ самарскому правительству. Но вѣдь это далеко еще отъ „заговора". Утгофъ увидѣлъ „заговоръ" въ собраніи офицеровъ по иниціативѣ подп. Солодовникова (нач. контръ-развѣдки уфимскаго штаба Нар. Арміи), заявившихъ, что они будутъ подчиняться штабу Сибирской арміи и надѣвшихъ вмѣсто георгіевской кокарды Комуча

*) Секретарь комитета членовъ У. С. Николаевъ увѣряетъ, что въ августѣ полк. Каппель будто бы вызывался въ Челябинскъ на особое военное совѣщаніе по свержению Комуча. Но Каппель былъ лояленъ („В. Р.", X. 126).

бѣлозеленую сибирскую. Эс-эровскіе политики, повидимому, серьезно реагировали на „заговоръ“ — по крайней мѣрѣ. Утгофъ полагалъ, что можно было бы арестовать и разстрѣлять (!!) Галкина, опираясь на инструкторскія роты и на чеховъ, будто бы готовыхъ оказать помощь, но только на это не шелъ Вольскій (34—35), Если таковы были настроенія Комуча, то его политическіе противники аналогичныхъ выступленій ждали отъ Самары. „Въ дни напряженной борьбы — разсказываетъ сибирскій делегатъ Серебренниковъ — мои сотрудники иногда начинали пугаться создавшейся обстановки. Я помню, какъ ген. Бобрикъ однажды сказалъ мнѣ: „Знаете, я боюсь, какъ бы эс-эры не вздумали задержать насъ здѣсь. Не затребовать ли намъ изъ Челябинска свои паровозы на всякій случай“ („Сиб. Арх.“ I, 9).

Вся эта атмосфера, по мнѣнію Болдырева, не оставалась безъ вліянія на ходъ работъ согласительной комиссіи: „она нервничала и путалась въ противорѣчіяхъ“. Я не знаю, что именно конкретно имѣлъ въ виду Болдыревъ, говоря о „противорѣчіяхъ“. Несомнѣнно атмосфера враждебности мѣшала открыто итти на необходимыя уступки. Два лагеря образовались и здѣсь: Комучъ, позицію котораго поддерживали мусульманскія правительства, и... всѣ остальные. Среди этихъ остальныхъ наблюдались разные оттѣнки, но всѣ они такъ или иначе находили общую линію, коренным образомъ расходившуюся съ линіей, которую пытались на Совѣщаніи вначалѣ вести довольно изолированно малоуступчивые представители Комуча.

* * *

Далеко не однородна была въ то время позиція количественно главенствовавшей на Совѣщаніи партіи соц.-революціонеровъ. Совершенно правильно отмѣчаетъ Болдыревъ: „У нихъ (т. е. у Комуча) были весьма сложныя внутреннія расхожденія... Лѣвое крыло Комуча считало всякія уступки гибельными, указывало на реакціонность кадетъ и правыхъ группировокъ Совѣщанія, но, въ концѣ-концовъ, въ силу партійной дисциплины, и лѣвое крыло,

за исключеніемъ непримиримыхъ Коганъ-Бернштейна и Чайкина, пошло за умѣреннымъ большинствомъ, руководимымъ Авксентьевымъ, Зензиновымъ, Роговскимъ и Гендельманомъ" (45). „Непримиримые" не исчислялись двумя указанными лицами — мы съ ними встрѣтимся позже. Ихъ не такъ мало, но они не оставили открытаго слѣда въ дѣятельности Совѣщанія, относясь къ нему по существу отрицательно*).

Какъ то незамѣтной оказалась и роль „правыхъ" въ эс-эровской группѣ — дѣйствующимъ лицомъ является среди нихъ одинъ только Авксентьевъ, и то больше въ роли предсѣдателя Совѣщанія. Ему болѣе чѣмъ кому-либо принадлежитъ честь того, что Уф. Совѣщаніе пришло къ опредѣленнымъ результатамъ. На пользу ли общаго дѣла? Это вопросъ уже другой. Но не авксентьевская точка зрѣнія побѣдила на Совѣщаніи; не за нимъ „въ силу партійной дисциплины" пошла главная масса эс-эровскаго центра. Выразителемъ мнѣнія большинства явился Гендельманъ. Онъ олицетворяетъ собою какъ бы центръ, у котораго былъ свой правый уклонъ (Архангельскій) и лѣвый (Миноръ). Этотъ центръ занималъ колеблющуюся позицію. Ее Утгофъ опредѣляетъ такъ: „нельзя не признать, но нельзя и не сознаться". Правая группа с.-р. (Розенблюмъ, Павловъ, Аргуновъ, Лазаревъ, Подвицкій, Лотошниковъ, Кутузовъ, Брешко-Брешковская) безотговорочно шла на соглашеніе съ „буржуазіей" и учитывала одіозность, которая была разлита

*) Чернова, пріѣхавшаго 19 сентября въ Самару, на всякій случай держали „подъ спудомъ", „не допуская его въ Уфу"— изъ письма Авксентьева партійнымъ единомышленникамъ („Пр. Рев." № 1).

„Непоявленіе лидера п. эс-эровъ, на территоріи Комитета—поясняетъ Майскій—объяснялось специфическими причинами. Руководители Комитета считали Чернова слишкомъ „лѣвымъ" и черезчуръ „одіознымъ" для буржуазно-офицерскихъ элементовъ Поволожья и потому подъ разными предлогами задерживали его прибытіе въ Самару. Дѣйствительно, Черновъ попалъ на Волгу уже къ шапочному разбору. Но зато на недостатокъ внѣшнихъ знаковъ почета ему жаловаться не приходилось: „предсѣдателя Учредительнаго Собранія" поселили въ лучшемъ номерѣ гостиницы „Національ", передъ дверью поставили вооруженный караулъ, устроили торжественный банкетъ съ рѣчами и иностранцами въ ознаменованіе его прибытія и, наконецъ, заставили всѣхъ управляющихъ вѣдомствами явиться къ нему для „всеподданнѣйшаго доклада" каждому по работамъ своего министерства" (66). Ср. у Аргунова.

вокругъ въ отношеніи партіи. Правымъ, по характеристикѣ Утгофа, казалось, что „вся бѣда въ томъ, что эс-эры не способны на государственный разумный компромиссъ“ (Лазаревъ предостерегалъ даже отъ выдвиженія партійныхъ кандидатуръ) (35).

Сдѣланныя поясненія и оговорки необходимы, ибо формально Комитетъ членовъ У. С. на Совѣщаніи выступалъ однородно, до крайности авторитарно, что раздражающимъ образомъ дѣйствовало на другихъ участниковъ Совѣщанія. Въ заявленіяхъ Гендельмана отъ имени партіи слишкомъ часто звучали слова: „наша воля такова“ — слова, которыя мало соотвѣтствовали реальному соотношенію силъ и фактической обстановкѣ того времени. Ни у Комуча, ни у партіи с.-р., какъ таковой, своихъ силъ не было.

* * *

Уфимское Совѣщаніе по своему составу было достаточно демократично — на самомъ „правомъ флангѣ“, по мнѣнію Майскаго, стояла партія народной свободы (227). Отсутствующія группы подлинно реставраціоннаго характера вліяли на Совѣщаніе яко-бы черезъ казаковъ: „казаки во главѣ съ Березовскимъ*) были ударной группой праваго крыла“ — говоритъ Болдыревъ (45). Подобное обобщеніе грѣшитъ противъ дѣйствительности. Въ казачествѣ вообще нѣсколько причудливо соединялись разнородные политическіе элементы, и политическій консерватизмъ уживался съ яркимъ бытовымъ демократизмомъ. Среди казаковъ на Совѣщаніи были подлинно демократически настроенныя группы — напр., уральское казачество, однимъ изъ видныхъ делегатовъ котораго былъ нар. соц. Михѣевъ. Это уже опредѣляло политическую физіономію делегаціи.

До Уфимскаго Совѣщанія неоспоримо многіе склонялись къ признанію необходимости диктатуры. Не такъ уже далекъ былъ отъ истины Бѣлоруссовъ, утверждавшій въ болѣе позднемъ своемъ докладѣ въ Екатеринбургѣ „Идея

*) Повидимому въ то время оффиціальный кадетъ.

диктатуры", что „мысль всей націоналистической части русской общественности склонилась въ 1918 году къ диктатурѣ"*). Но передъ Уфимскимъ Совѣщаніемъ во имя соглашенія этотъ вопросъ былъ снятъ съ очереди, и никто въ сущности идеи диктатуры на Совѣщаніи не отстаивалъ. Призывъ къ диктатурѣ раздался за стѣнами Совѣщанія въ средѣ промышленниковъ, не допущенныхъ на него**) и собравшихся въ это время на съѣздъ. Застрѣльщикомъ у промышленниковъ выступилъ получившій столь печальную извѣстность въ августовскіе корниловскіе дни Львовъ, пытавшійся еще въ Самарѣ доказывать Болдыреву „гибельность всякой коалиціи". „Государственная мудрость" — въ данномъ случаѣ торгово-промышленниковъ, должна сказать соціалистамъ, ищущимъ коалиціи: „освободите ваши мѣста, мы справимся и безъ васъ". Такова была рѣчь б. министра исповѣданій, сдѣлавшагося при Колчакѣ оппозиціонеромъ и облекшагося въ „демократическую тогу" ***). „Необходима твердая единая власть. Такой властью можетъ быть только военная диктатура"... и съѣздъ вынесъ резолюцію: „Во имя спасенія Россіи, возстановленія ея чести, единства и возрожденія ея экономическаго благополучія все военное и гражданское управленіе должно быть объединено въ лицѣ верховнаго главнокомандующаго, обладающаго полнотой власти и отвѣтственнаго только передъ будущимъ У. С. новаго созыва, которое должно быть созвано не позднѣе одного года со дня заключенія всеобщаго мира".

„Диктатура" была упомянута на Совѣщаніи только въ рѣчи лѣваго к.-д. Кроля — и то какъ принципъ, не примѣнимый въ данной дѣйствительности. Могутъ сказать, что сторонники диктатуры до времени скрывали свои désiderata. Но вѣдь въ этомъ и сущность всякаго политическаго компромисса. Дѣло въ томъ, насколько искренно

*) О позиціи партіи к.-д. въ разные моменты см. мою брошюру „П. Н. Милюковъ, какъ историкъ гражданской войны".

**) Представительство торгово-премышленниковъ было отвергнуто въ мандатной комиссіи 9 голосами противъ 8 при одномъ воздержавшемся. Мотивъ — недопущеніе классоваго принципа въ представительствѣ съѣзда.

***) Всѣмъ извѣстно, что позже, въ эмиграціи, онъ эту тогу промѣнялъ на совѣтскую.

идетъ та или иная группа на соглашеніе, идетъ добровольно или вынужденно, держа камень за пазухой. Оффиціальный отчетъ объ Уфимскомъ Совѣщаніи свидѣтельствуетъ о стремленіи всѣхъ группъ (о специфичности положенія Сибирскаго правительства скажемъ особо) найти необходимый компромиссъ. Съ наименьшей охотой шла на него партія с.-р., посколько на совѣщаніи выражались ея оффиціальныя мнѣнія.

3. КОАЛИЦІОННЫЙ СГОВОРЪ.

На Уфимскомъ Совѣщаніи почти не спорили о формахъ власти. Весь словесный бой сосредоточился на вопросѣ: передъ кѣмъ должна быть отвѣтственна будущая всероссійская власть.

Вслушаемся въ тѣ оффиціальныя декларацiи, которыя были оглашены на Совѣщаніи. Ихъ было цѣлыхъ 23! Съ этихъ декларацій началась согласительная работа общихъ собраній, перенесенная потомъ въ комиссію, гдѣ надлежало достигнуть единогласнаго рѣшенія.

Если въ первой рѣчи Вольскаго лишь въ общихъ чертахъ говорилось о народовластіи и объ Учредительномъ Собраніи (17), то скрытый смыслъ ея былъ расшифрованъ въ декларацiи Сиболдумы. Вольскій, встрѣченный „бурными и продолжительными аплодисментами“ (всѣ встаютъ—очевидно этотъ знакъ вниманія относился къ главѣ антибольшевицкаго самарскаго правительства, а не къ Комучу, какъ къ таковому) началъ свою рѣчь словами: „Граждане, ваше привѣтствіе — это привѣтствіе тому У. С., которое будетъ созвано усиліями Комитета членовъ У. С. Затѣмъ кафедру занимаетъ представитель Сибирской Областной Думы Карповъ, который выражаетъ увѣренность, что члены Собранія, сумѣютъ, отбросивъ все раздѣляющее ихъ индивидуальное, мѣстное, достигнуть соглашенія „на основѣ сохраненія завоеваній февральской революціи, и отвѣтственности, создавшейся временной россійской власти передъ Учредительнымъ Собраніемъ настоящаго созыва“...

Въ привѣтствіи отъ имени Сибири была начертана цѣлая политическая платформа*), — именно этого и хотѣло избѣжать Сибирское правительство, возражая противъ посылки делегаціи отъ Сиболдумы**). Сразу появилась трещина. Сиболдума говорила одно, а омское правительство, представители котораго еще не появились на Совѣщаніи, стояло совѣмъ на иной позиціи. Сиболдума присоединялась къ позиціи Комуча; омское правительство фактически отстаивало позицію московскаго соглашенія, можетъ быть, и не зная въ точности объ этомъ соглашеніи. Инструкція, данная правительствомъ делегаціи, между прочимъ, гласила: (п. 5) „верховная власть создается по типу директоріи, какъ верховной власти"; (п. 7) „до открытія Вс. У. С., вновь избраннаго, никакихъ общероссійскихъ представительныхъ учрежденій не должно быть, а У. С. 1917 г. немедленно распускается" („Хроника". Прил. 103). Въ духѣ инструкціи и была оглашена проф. Сапожниковымъ на третьемъ засѣданіи Совѣщанія 12 сентября соотвѣтствующая декларація***).

По порядку произнесенія, изъ наиболѣе важныхъ выступленій, слѣдовала рѣчь представителя чеховъ д-ра Павлу.

„Мы, чехо-словаки, отъ души желаемъ Вамъ успѣха въ предстоящей отвѣтственной задачѣ и вѣримъ, и надѣемся, что вамъ удастся создать на этомъ государственномъ Совѣщаніи всероссійскую власть, опирающуюся дѣйствительно на всѣ слои русскаго народа. Мы вѣримъ и надѣемся, что Вы всѣ, здѣсь присутствующіе представители Россіи, най-

*) Декларація между прочимъ отмѣчала, что въ основу дѣятельности будущаго правительства должны лечь постановленія У. С. „о передачѣ земли народу" (68—70).

**) Делегація фактически нарушала соглашеніе, по которому она должна была ограничиться строго привѣтствіемъ Совѣщанію; противъ посылки делегаціи возражало не только правительство, но и фракція областниковъ въ самой Думѣ (см. позднѣйшую „объяснительную записку" областниковъ (Сиб. Вѣст. № 13).

***) Въ согласительную Комиссію делегація Сиболдумы не была допущена въ силу категорическаго заявленія предсѣдателя правительственной делегаціи, что въ такомъ случаѣ представители правительства немедленно покинутъ совѣщаніе („Сиб. Ар.", 12). Между прочимъ, редакторъ текста въ „Архивѣ" А. Ф. Изюмовъ ошибочно отожествляетъ ген. Катанаева, члена сибирской делегаціи, съ будущимъ участникомъ омскаго переворота 18 ноября.

дете тотъ общій языкъ, который объединитъ всѣхъ въ общемъ стремленіи послужить родинѣ. Мы вѣримъ и надѣемся, что русскій народъ, который 300 лѣтъ тому назадъ въ Нижнемъ сумѣлъ встать на защиту своей свободы и единства, найдетъ и въ настоящее смутное время и на Уфимскомъ Государственномъ Совѣщаніи своихъ Мининыхъ и Пожарскихъ, которые крѣпкою рукою поведутъ Россію на путь славы и мира. Мы вѣримъ въ это тѣмъ болѣе, что всѣ мы, какъ и Вы, чувствуемъ тяжесть момента, когда намъ всѣмъ были даны два предостереженія. Первое—прорывомъ сѣвернѣе Уфы, въ дѣйствительности не ликвидированномъ, и второе — паденіемъ Казани. Господа, мы всѣ должны объединиться для того, чтобы не ожидать третьяго предостереженія" (84).

Затѣмъ шла рѣчь члена „Единства" Фомина. Нельзя не отмѣтить, что наиболѣе твердую и послѣдовательную позицію въ теченіе всѣхъ перипетій Совѣщанія занимало именно „Единство":

„Мы находимъ, что верховная власть должна руководствоваться слѣдующими полномочіями: первое, — вести войну совмѣстно съ союзниками противъ Германіи и странъ, ее поддерживающахъ, до побѣды надъ поработителемъ народовъ — германскимъ имперіализмомъ, второе, — вести войну за самостоятельность и независимость единой, нераздѣльной Россіи, третье, — содѣйствовать развитію матеріальныхъ производительныхъ силъ страны и четвертое — укрѣплять завоеванія февральской революціи.

„Какъ только общественная жизнь дастъ возможность населенію проявить нормально политическую избирательную дѣятельность, власть безотлагательно должна приступить къ организаціи выборовъ въ будущее Учредительное Собраніе...

„Считаясь съ наличными соотношеніями взглядовъ, представленныхъ на Совѣщаніи, мы допускаемъ возможность образованія параллельно съ будущей коллективной властью, политическаго правительственнаго органа, который въ случаяхъ, если бы власть видимо уклонилась отъ пути, намѣченнаго ей Государственнымъ Совѣщаніемъ,

имѣлъ бы право интерпеляціи. Такой лишь въ случаяхъ надобности, по требованію большинства своего собирающійся органъ, ни въ чемъ не тормозя дѣятельности правительства, никакъ не стѣсняя его и не мѣшая ему и ничего ему не навязывая, могъ бы служить связующимъ звеномъ между правительствомъ и населеніемъ, сближая между собою ихъ и укрѣпляя у послѣдняго довѣріе къ первому"...

Народный соціалистъ Чембуловъ, отмѣчая заслуги Комитета У. С., взявшаго на себя „починъ" (?) — возсозданіе нашей разсыпанной государственности", и невозможность имѣть полноправное Учр. Собр., признавалъ, что только настоящее Государственное Совѣщаніе „при обстоятельствахъ переживаемаго времени" должно быть признано единственнымъ органомъ государственнаго властвованія...

„Трудовая народная соціалистическая партія не мыслитъ себѣ подвижного немногочисленнаго по составу правительственнаго органа, не отвѣтственнаго ни передъ кѣмъ или теоретически отвѣтственнаго передъ мыслимымъ будущимъ органомъ. Ибо при такомъ положеніи первоисточникомъ государственнаго властвованія сдѣлается коллегія лицъ, которая легко можетъ подпасть подъ вліяніе группъ и классовъ и, кромѣ того, не всегда сможетъ воплотить и отразить всю многогранность и многообразіе нашей огромной отчизны...

Конструкція Государственнаго Совѣщанія, созываемаго періодически для непродолжительныхъ сессій, должна быть теперь создана настоящимъ составомъ Совѣщанія, дабы при расширеніи территоріи, освобождаемой отъ большевиковъ, при слѣдующей сессіи пополненное Государственное Совѣ-щаніе явилось бы выразителемъ воли всей свободной Россіи.

Когда условія государственной жизни допустятъ произвести выборы въ новое Учредительное Собраніе, оно одно явится верховнымъ властителемъ, истиннымъ выразителемъ воли народной и создастъ основные законы Государства Россійскаго"*) (91—94).

*) Чембуловъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ о признаніи принятыхъ старымъ Учр. Собр. законовъ. Нар.-соц. мудро указывали на необходи-

Представитель Уральскаго Правит. Кощеевъ, подчеркивая важность коалиціонной власти, признавалъ также необходимость контрольнаго органа изъ представителей всѣхъ направленій и группъ, участвовавшихъ въ Совѣщаніи, „въ цѣляхъ созданія гарантій, что центральная власть не отклонится отъ намѣченной Государственнымъ Совѣщаніемъ программы".

„Созданное такимъ образомъ Центральное Всероссійское Правительство имѣетъ временный характеръ, будучи обязано при наступленіи соотвѣтствующихъ условій, гарантирующихъ возможность производство правильныхъ выборовъ, созвать въ срокъ, опредѣляемый по соглашенію съ контрольнымъ органомъ, Учредительное Собраніе новаго состава и сложить свои полномочія" (97).

Уже рѣзкимъ диссонансомъ съ предшествующими деклараціями звучитъ рѣчь Букейханова отъ прав. автон. областей Туркестана: „Мы считаемъ, что верховная власть въ Россіи должна принадлежать У. С. этого созыва. Пока У. С. это не созвано, верховная власть, по нашему мнѣнію, должна принадлежать наличному составу съѣзда членовъ У. С. вмѣстѣ съ коллегіей, которая создается въ этомъ нашемъ совѣщаніи..." Намѣчая правительство изъ 7 лицъ автономныя области Туркестана дѣлали его „отвѣтственнымъ" передъ Съѣздомъ У. С.*) (99).

Нѣсколько двойственной оказалась позиція партіи нар. свободы, вызсказанная Л. А. Кролемъ, членомъ Союза Возрожденія, хорошо освѣдомленнымъ о московскомъ договорѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ объясняетъ эту двойственность такъ:

„Я былъ въ Уфѣ единственнымъ человѣкомъ, который могъ взять на себя представительство нашего Ц. К. Ходатайства областныхъ комитетовъ разныхъ партій о допущеніи ихъ делегатовъ на Государ. Совѣщ. были отклонены: допускались исключительно представители центральныхъ комитетовъ. Отказъ мой отъ представи-

мость членамъ Вр. Пр „на время своей службы въ ономъ" выйти изъ состава своихъ партій.

*) Представители Башкиріи въ противоположность этому заявляли о безотвѣтственности правительства передъ старымъ Учр. С.

тельства Ц. К. означалъ бы уклоненіе партіи Народной Своб. отъ участія въ созданіи всероссійской власти. Съ другой стороны, директивы Ц. К., привезеныя Пепеляевымъ изъ Москвы, были для меня непріемлемы. Не даромъ я участвовалъ только въ Союзѣ Возрожденія. Въ спасительность диктатуры я не только не вѣрилъ, но и считалъ ее гибельной для дѣла. Между тѣмъ директива, привезенная Пепеляевымъ, была весьма краткой: диктатура! Къ тому, что я не вѣрилъ въ цѣлесообразность диктатуры, прибавлялось и то, что практически, при сложившейся обстановкѣ, предлагать Государственному Совѣщанію диктатуру, какъ форму правленія, было безнадежно. Выступать съ такой формулой значило безцѣльно повредить своей политической репутаціи и уменьшить возможное свое вліяніе налѣво.

Какъ быть? Отказаться отъ участія партіи въ созданіи власти во имя спасенія своего реноме я не считалъ допустимымъ. Я рѣшилъ поэтому принять такую позицію: вотъ какова принципіальная точка зрѣнія Ц. К. на необходимую форму власти, а вотъ что приходится дѣлать сейчасъ принимая во вниманіе конкретную обстановку“ *) (97).

Надо сказать, однако, что въ своей рѣчи Кроль довольно образно изобразилъ значеніе и преимущества диктатуры, почему Болдыревъ записалъ въ дневникъ „наиболѣе откровенно за диктатуру высказался Кроль“.

„...Къ несчастью, — говорилъ Кроль — у насъ еще народъ не свыкся со свободой, къ несчастью свободу у насъ еще смѣшиваютъ съ разнузданностью, и настоящая власть должна поставить настоящее дѣло такъ, чтобы свобода не мѣшала порядку, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что все это будетъ требовать очень сильной власти... Комитетъ партіи Н. С. считаетъ, что наилучшей формой для осуществленія такой власти было бы созданіе временной единоличной Верховной власти. Къ великому несчастью для Россіи, если наша революція выдвинула титановъ разрушенія, анархіи и безпорядка, то, къ сожалѣнію, на фонѣ нашей революціи не явилось ни одного человѣка, которому вся нація, вся страна могла бы довѣрить такую власть и на котораго могла бы расчитывать, что онъ

*) Попеляевъ въ Уфу не поѣхалъ. Очевидно, онъ получилъ оскомину еще отъ Челябинска. Кроль видитъ въ этомъ „дипломатическую болѣзнь“.

доведетъ страну до Учредительнаго Собранія, поэтому приходится поневолѣ мириться съ менѣе совершенной формой въ видѣ директоріи. Но эту директорію мы мыслимъ, какъ Верховную власть, дѣйствующую черезъ посредство Министровъ, отвѣтственныхъ передъ этой Верх. властью, при чемъ эта директорія — эта Верх. власть ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ, объемъ ея правъ — вся полнота власти. Она, ограничивается только въ томъ, что передъ Директоріей ставится задача довести страну до Учредит. Собранія и уже сама Директорія должна понимать, что подлежитъ рѣшенію Учредительн. Собранія" (100—101).

Противоположную Кролю точку зрѣнія развиваетъ Вольскій. Чрезвычайно характерно для соц.-рев. тотъ историческій экскурсъ, который онъ дѣлаетъ для формальнаго оправданія своей позиціи. Онъ, подобно „буржуазнымъ" государствовѣдамъ, ищетъ прежде всего юридической преемственности власти, которую видитъ въ формальномъ актѣ отреченія отъ престола в. кн. Михаила Александровича, предшествующемъ акту о созывѣ Всерос. Учред. Собр..

„Ясно, что и той власти, которая должна создаваться теперь, должна предшествовать государственная преемственность... Поэтому для насъ является первымъ основнымъ, совершенно непреложнымъ положеніе, что верховная власть въ Россіи для устроенія государства въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ Россія теперь находится, можетъ принадлежать только тому Учред. Собранію, которое существуетъ... Мы считаемъ, что Съѣздъ членовъ Учр. Соб. долженъ быть тѣмъ органомъ, который дастъ санкцію той государственной власти, которая будетъ здѣсь образована" (107—8).

Въ сущности, казаки первые осуществили въ Совѣщаніи принципъ дѣлового объединенія. Ихъ декларація была оглашена ген. Хорошкинымъ отъ имени всѣхъ уже казачьихъ войскъ. Принципіальная позиція ихъ опредѣлялась двумя положеніями:

(4) „Всерос. верховная власть дѣйствуетъ въ обстановкѣ полной дѣловой самостоятельности и независимости и отвѣтственности передъ Всерос. Учред. Соб. новаго созыва.

(5) „При рѣшеніи вопросовъ общегосударственнаго значенія, связанныхъ съ существованіемъ и самостоятельностью государства Россійскаго, каковыми являются вопросы войны и мира, Всерос. верховная власть должна созывать Государственное Совѣщаніе, рѣшенія котораго для нея обязательны“ (171—18).

Наибольшее значеніе должна была представить слѣдовавшая затѣмъ рѣчь ген. Болдырева, выступившаго отъ имени „Союза Возр.“ Въ сущности, Б. говорилъ не только отъ Союза — въ Москвѣ соглашеніе было достигнуто болѣе широкое. Приходится сказать, что рѣчь Болдырева сильно разочаровываетъ. Онъ давалъ реальный поводъ впослѣдствіи Гинсу говорить о недостаточно ясной позиціи „С. Возр.“ (I, 209). Нѣсколько неожиданно Болдыревъ заявилъ:

„Исходя изъ отмѣченнаго признака общаго довѣрія, власть эта отнюдь не должна быть стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ какимъ либо параллельно съ ней существующимъ контрольнымъ аппаратомъ и, какъ власть, создаваемая на основаніи принципа народовластія, отвѣтственная передъ Всероссійскимъ Учредит. Собраніемъ въ его законномъ составѣ, собравшемся къ опредѣленному сроку“ (20).

Болдыревъ склонился на сторону поддержавшихъ У. С. 1917 г. или вѣрнѣе намѣтилъ тотъ компромиссъ, который, въ концѣ концовъ, и принятъ былъ Совѣщаніемъ. Такая позиція нарушала принципъ московскаго соглашенія, которое Б. обязанъ былъ проводитъ отъ имени „С. В.“ на Совѣщаніи. По этому поводу въ согласительной комиссіи Болдыревъ пояснилъ: „Союзъ Возр. до освобожденія Поволжья отъ власти большевиковъ стоялъ на точкѣ зрѣнія непризнанія У. С. настоящаго созыва. Но группѣ членовъ У. С. удалось возглавить особое движеніе, изыскивающее способы возрожденія Россіи“... Но какъ связать наличный составъ членовъ У. С. новой властью? Выходъ одинъ, — по мнѣнію Б., — нужно добиться кворума У. С. и признать отвѣтственность передъ нимъ“ (130). Кто въ сущности уполномочилъ Болдырева итти на такой компромиссъ отъ имени коалиціонной группировки? Болдыревъ, въ воспоми-

наніяхъ выставляющій себя (не совсѣмъ основательно) „до извѣстной степени“ иниціаторомъ „С. В.“, повидимому, такую самостоятельную позицію могъ занять только потому, что между членами „С. В.“ не было достаточной связи. Выдвинутый компромиссъ намѣтился уже очевидно въ дни Уфимскаго Совѣщанія. По крайней мѣрѣ въ интервью, напечатаномъ въ „Сиб. Вѣст.“ (№ 2). Н. Д. Авксентьевъ такъ опредѣленно говорилъ: „если дѣйствительно члены Самарскаго Комитета полагаютъ, что собраніе 30 или даже 150 членовъ, почти исключительно принадлежащихъ къ эс-эрамъ, можетъ и должно явиться законодательнымъ органомъ, который построитъ коалиціонную власть, то это политически явно несостоятельно“. Авксентьевъ указывалъ, что никто не пойдетъ на такую коалиціонную власть и что населеніе такое собраніе не будетъ считать авторитетнымъ.

Подобная точка зрѣнія не являлась какимъ то исключеніемъ въ средѣ демократіи. Нѣчто аналогичное развивалъ въ челябинской газетѣ „Власть Народа“ столь трагично потомъ погибшій въ Омскѣ с.-д. Маевскій — онъ ожидалъ многихъ бѣдъ, если будетъ принята отвѣтственность власти передъ старымъ У. С. (цитирую по „Сиб. Вѣст“ № 29).

Но оффиціальная точка зрѣнія мѣстнаго с.-д. комитета была иная. Она была развита на Совѣщаніи въ декларації Майскаго въ свою очередь, въ то время рѣзко расходившагося со своимъ Цека:

... „Мы полагаемъ, что въ интересахъ укрѣпленія внутренняго единства страны, въ интересахъ введенія до крайности обостреннаго классоваго озлобленія въ рамки нормальной классовой борьбы, желательно образованіе Всерос. власти на началахъ коалиціи демократическихъ и цензовыхъ элементовъ, обединенныхъ на опредѣленной политической программѣ. Однако, не менѣе рѣшительно, чѣмъ военную диктатуру, мы отвергаемъ и сосредоточеніе всей верховной власти въ рукахъ одного безконтрольнаго органа — будь то Директорія изъ нѣсколькихъ лицъ или власть полномочнаго премьера, формирующаго правительство по своему усмотрѣнію...

„Нѣтъ, только та власть окажется въ силахъ спра-

виться съ стоящими передъ ней исполинскими задачами, которая будетъ опираться въ своей работѣ на постоянно дѣйствующій представительный органъ, выражающій волю, желанія и стремленія всего населенія страны.

„Такимъ органомъ можетъ быть только тотъ органъ, вокругъ котораго въ настоящее время концентрируются силы демократіи, во имя котораго велась борьба съ большевицкой диктатурой за народовластіе.

„Это Учред. Собр. перваго созыва и дѣйствующій отъ его имени наличный составъ членовъ Учред. Собр.

„Мы не закрываемъ глаза на то, что со времени выборовъ въ Учред. Собраніе произошелъ значительный сдвигъ въ общественныхъ настроеніяхъ, поэтому мы считаемъ крайне необходимымъ назначеніе въ кратчайшій срокъ перевыборовъ въ Учред. Собраніе, однако мы признаемъ, что впредь до созыва новаго Учред. Собр.—нынѣшнее Учред. Собр. является наиболѣе полнымъ и законнымъ представителемъ всей страны. Одно лишь ограниченіе представляется намъ желательнымъ: памятуя о перемѣнахъ, происшедшихъ въ настроеніи избирателей съ ноября 1917 года, Учред. Собр. настоящаго состава должно изъять изъ сферы своей компетенціи изданіе основныхъ законовъ Государства Россійскаго". (124—5).

* * *

Что общаго имѣли между собой оглашенныя декларації и чѣмъ онѣ разнились? Никто не выдвигалъ на Совѣщаніи идеи диктатуры; никто не отрицалъ созыва У. С., которое должно быть подлиннымъ „хозяиномъ земли русской". Большинство стремилось къ твердой, независимой отъ партійныхъ рѣшеній власти. Уже въ силу этого отвергалось возобновленіе стараго У. С. „Сибиряки — резюмируетъ Серебренниковъ позицію своей делегаціи — хотятъ отвѣтственности передъ новымъ У. С., а не передъ соціалистами-революціонерами". Невозможность такой отвѣтственности вначалѣ признавалъ и самъ Авксентьевъ. Подводя итоги преній въ согласительной комиссіи, онъ говорилъ: „Настоящее Учред. Собр. и съѣздъ членовъ Учред. Собр. являются, по существу, представителями партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Они всѣ проникнуты идеей общенаціональнаго блага. Данное Учред. Собр. вошло кли-

номъ. Составъ его чисто партійный — тамъ одни с.-р., и представить себѣ отвѣтственность власти передъ нимъ невозможно. Если-бы былъ другой органъ, составленный болѣе пропорціонально, былъ ли бы предметъ спора? Конечно, нѣтъ. Если-бы такой органъ былъ, то отъ отвѣтственности передъ этимъ органомъ мы бы не отказались" (131).

„Учредительное Собраніе этого созыва готово итти на самоограниченіе" — утверждалъ въ согласительной комиссіи с.-р. Кругляковъ (132). Однако, какъ видно изъ заявленія Зензинова въ той же комиссіи отъ имени Комитета У. С., Ц. К. партіи с.-р., Ц. К. партіи с.-д. и 4 представителей мусульманскихъ правительствъ, „самоограниченіе" было весьма относительно: „Эти группы считаютъ незыблемымъ признаніе правъ У. С. даннаго созыва. Власть должна сложить полномочія передъ У. С., созданнымъ въ срокъ, установленный наличнымъ составомъ членовъ У. С., участвующихъ въ Гос. Сов." (133).

Эс-эры выступали уже объединенно. Противоположную точку зрѣнія отъ другого объединенія въ комиссіи развилъ проф. Сапожниковъ:

> „Въ объединенномъ фракціонномъ засѣданіи представителей партіи Нар. Своб., Союза Возрожденія Россіи, Сибирскаго Правит., казачьихъ войскъ и организаціи „Единство" пришли къ слѣдующему: власть должна быть отвѣтственной. Органомъ, избрающимъ власть, является не учред. Собр., а настоящее Государственное Совѣщаніе. Слѣдовательно и отвѣтственность должна быть передъ Госуд. Совѣщаніемъ. Это Госуд. Совѣщаніе можетъ быть пополнено членами Учред. Собранія настоящаго созыва, причемъ директорія дѣйствуетъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ безотвѣтственно, потомъ отчитывается передъ Гос. Совѣщаніемъ" (133).

Одна нар.-соц. фракція неожиданно оказалась ни въ томъ, ни въ другомъ легерѣ. Это такъ не соотвѣтствовало опредѣленной позиціи партіи! Однако, устами И. Е. Маркова, виднаго самарскаго общественнаго дѣятеля, позже разстрѣляннаго большевиками, нар.-соціалисты поддержали фактически позицію второго объединенія:

„Указавъ, что искалѣченное Учред. Собр. хотятъ оживить, ораторъ говорилъ: Мы не протестуемъ противъ оживленія Учред. Собранія, но не нужно мѣшать работѣ Правительства. Разговоры носятъ академическій характеръ, но мы вѣримъ въ государственный разумъ Совѣщанія и увѣрены, что будетъ сказано: работать Правительству съ Учред. Собраніемъ нельзя. Повторять опыты съ Уред. Собраніемъ значитъ унижать идею Учред. Собранія“ (176).

Совѣщаніе, или точнѣе его „согласительная“ комиссія, блуждало среди трехъ сосенъ — примирить непримиримое нельзя было. И тщетны были призывы И. Е. Маркова къ „разуму“, попытка его убѣдить эс-эровъ отказаться отъ контроля власти (128). Характерны были аргументы, которые иногда въ отвѣтъ выдвигали эс-эровскіе лидеры. Напримѣръ, Гендельманъ прибѣгъ къ такому демагогическому софизму: соц.-рев. не будутъ принимать участія въ организаціи власти, которая можетъ посягнуть на У. С.; „мы (т. е. совѣщаніе) установили, что никакіе большевицкіе законодательные акты не имѣютъ послѣдствій. Я желаю слышать подтвержденіе, что всѣ большевицкіе декреты и посягательства на У. С. тоже не имѣютъ никакихъ послѣдствій. Хотя на У. С. насильственно посягнули большевики, но оно не умерло“ (160).

На этотъ софизмъ прекрасно отвѣтилъ членъ „Единства“ Ѳоминъ:

„Я, какъ соц.-демократъ, разумѣется, не меньше другихъ цѣню идею Учред. Собр. И когда созовется настоящее Учред. Собр., которое явится выразителемъ воли всего русскаго народа, то передъ нимъ, конечно, будущее правительство должно сложить свои полномочія, это ясно. Учред. Собр. есть хозяинъ земли русской, и ему все будетъ подчинено... Но не о такомъ Учред. Собраніи идетъ здѣсь рѣчь у гражданъ Гендельмана, Зензинова и ихъ единомышленниковъ изъ объединенной соц.-демократической партіи... рѣчь идетъ не объ Учред. Собр., а о квази Учред. Собранія, о пародіи на Учред. Собр. Это фактъ и этотъ фактъ я констатирую. Представители партіи соц.-рев. все боятся, какъ бы здѣсь не умалили значеніе Учред. Собр. Они сами, какъ видите,

умаляютъ его значеніе, замѣняя Учред. Собр. группой членовъ его" (160—61).

Зензиновъ безнадежно пытается доказать, что и „юридически" У. С. „продолжаетъ существовать", ибо члены У. С. „своихъ полномочій не сложили" (163). Противники стараго У. С. въ отвѣтъ на указанія, что безконтрольная власть легко превратится въ диктатуру, при которой Россіи грозятъ ужасы, вплоть до вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія дѣла, рѣшительно отметали недопустимые пріемы „запугиванія" и предлагали (Өоминъ) вообще устранить неумѣстные эпитеты „правыхъ" и „лѣвыхъ", которыми злоупотребляли считавшіе себя представителями организованной революціонной демократіей (136).

Волынка тянулась бы безконечно при нѣкоторомъ внѣшнемъ оптимизмѣ предсѣдателя, говорившаго: „отчаяваться не надо" и надо „представить себѣ картину расхожденій и соглашеній" (146)... „Правая", объединеная группа Совѣщанія въ цѣляхъ достиженія соглашенія пошла на новыя уступки и присоединилась къ тому компромиссу, который выдвигала болдыревская декларація. Отъ ея имени 18 сентября Кроль сдѣлалъ заявленіе о необходимости „искать общаго согласія и отбросить теорію"... Эта группа соглашалась на созывъ стараго У. С. при кворумѣ въ 250 человѣкъ и при срокѣ его созыва 1 февраля, дабы на первыхъ порахъ не мѣшать работѣ власти. Представители Сибирскаго Правительства, входившіе въ это объединеніе, но связанные опредѣленной инструкціей, сочли однако необходимымъ запросить свой центръ.

Выжидательная позиція Сибирскаго Правительства много разъ впослѣдствіи вызывала нареканія въ неискренности. Неоспоримо, у Сибирскаго Прав. были колебанія. Вопросъ о всероссійской власти разрабатывался въ такой ненормальной обстановкѣ, что у Вологодскаго могла явиться мысль поставить согласіе Сибирскаго правительства въ зависимость отъ переговоровъ его на Д. Востокѣ. Если бы союзники признали Сибирское правительство, вѣроятно, и позиція послѣдняго на Совѣщаніи сдѣлалась бы иной. Все это только предположенія. Объяснять подобную психологію,

если она была, только честолюбіемъ и какой то присущей Сиб. правительству правизной, едва-ли возможно. Надо, очевидно, признать, что сибирская власть при нѣкоторыхъ условіяхъ могла бы для Россіи сдѣлать значительно больше, нежели всероссійская власть, рожденная въ атмосферѣ недовѣрія и вражды. Можно было ожидать, что новая всероссійская власть получитъ партійный налетъ съ непріятнымъ привѣскомъ въ видѣ мертворожденнаго У. С. Члены Сибирской делегаціи тогда уже знали, что Авксентьевъ и его политическіе единомышлпнники довольно отрицательно относились къ сохраненію сибирскаго правительственнаго аппарата, на чемъ настаивали въ частныхъ бесѣдахъ Серебренниковъ и Старынкевичъ*). Приходилось настораживаться. Но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ слова Аргунова, что будто бы „за подписью то Михайлова, то Вологодскаго, то отъ нихъ обоихъ въ Уфу на имя сибирской делегаціи летѣли телеграммы, въ которыхъ рекомендовалось делегатамъ держать твердо „правую“ позицію и не итти на уступки, въ виду, того, что сибирское правительство наканунѣ признанія его союзниками; въ одной изъ послѣднихъ телеграммъ... рекомендовалось прямо идти даже „на разрывъ“ Уф. Сов. и указывалось при этомъ, что это необходимо сдѣлать въ виду того. что лѣвое крыло, (т. е. эс-эры) Уф. Сов. ослаблено взятіемъ большевиками Казани, Симбирска и угрожающимъ положеніемъ Самары“ (31). Серебренниковъ не отрицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ того факта, что онъ сносился съ Омскомъ по прямому проводу въ теченіе всего хода работъ Совѣщанія:

„Отъ Вологодскаго я однажды получилъ неопредѣленныя указанія на то, что делегаціи не слѣдуетъ особенно торопиться съ организаціей власти и, кажется, одинъ разъ отъ И. А. Михайлова мнѣ послѣдовало предложеніе прекратить переговоры въ Уфѣ**). Но все это были только совѣты, это не были строгія директивы, коимъ я долженъ былъ бы немедленно и безусловно подчиниться. Этихъ

*) См. Кроль 124.

**) Телеграмма И. Михайлова 12 сентября гласила: Административный Совѣтъ вчера засѣданіи постановилъ никакихъ уступокъ совѣщанія Уфѣ, даже условія разрыва“. („Хр.“ Прил. 107).

директивъ никто и не могъ мнѣ давать, ибо въ Омскѣ не было къ тому времени соотвѣтствующаго компетентнаго органа власти.

Я и вся моя делегація были предоставлены самимъ себѣ и должны были руководиться собственнымъ разумѣніемъ и опытомъ". („Сиб. Ар." II).

Въ Совѣщаніи делегація неизбѣжно шла дальше, чѣмъ теоретически предполагало это правительство въ Омскѣ. Оно, вѣроятно, не разъ испытывало то чувство, которое отъ имени сибирскихъ казаковъ передавалъ Березовскій:

„Чтобы притти на помощь нашимъ братьямъ Оренбургскому и Уральскому казачеству, я рѣшилъ быть вмѣстѣ съ ними и пошелъ на уступки. Я не остановился даже передъ расхожденіемъ во взглядахъ съ Сибирскимъ Правительствомъ, которое осталось на своихъ позиціяхъ, а я въ своихъ уступкахъ пошелъ дальше.

Дѣлаю такъ единственно изъ искренняго желанія достигнуть соглашенія, чтобы скорѣе создать необходимую въ настоящихъ условіяхъ единую Центральную власть" (178).

Сибиряки присоединились, въ концѣ концовъ, къ линіи, намѣтившейся у большинства. Мнѣ кажется, она можетъ быть ясно передана заявленіемъ Войтова отъ правительства Урала:

„Областное Правительство Урала, хотя и считаетъ занятую здѣсь по отношенію къ Учред. Собранію настоящаго созыва позицію непріемлемой, но, принимая во вниманіе настроеніе большинства членовъ Совѣщанія и ради спасенія Россіи, заявляетъ, что оно будетъ признавать ту власть, которая будетъ образована здѣсь, на Госуд. Совѣщаніи и будетъ ей подчиняться". (192).

Уступчивость Сибирскаго правительства въ значительной степени объясняется омскими событіями 21 сентября: „это подрывало моральный авторитетъ Сиб. прав. и колебало устойчивость позицій его представителей на Уф. Гос. Совѣщаніи" — говоритъ Серебренниковъ (14)*). Вмѣстѣ съ

*) Аргуновъ же въ этомъ совпаденіи видитъ „новыя махинаціи" Сиб. правительства.

тѣмъ внѣшнія событія давили и на представителей Комуча: рѣшающее вліяніе на уступки, по словамъ Буревого, имѣло паденіе Симбирска и Казани („Распадъ". 27) *). Вынужденные итти на уступки **), оффиціальные ораторы Комуча и партіи с.-р., облекли эти уступки въ торжественныя формы декларативнаго характера.

Участники Совѣщанія, шедшіе на очень большіе для себя компромиссы признаніемъ правъ стараго У. С., естественно хотѣли обезпечить, по крайней мѣрѣ, то, чтобы собравшіеся остатки У. С. были внушительны по числу народныхъ избранниковъ, и хотѣли опредѣленныхъ гарантій въ этомъ отношеніи. Въ отвѣтъ они получили, быть можетъ, принципіально правильную, но схоластическую реплику Гендельмана: „отъ имени У. С. никто не имѣетъ права говорить, оно одно опредѣляетъ и кворумъ и срокъ". Впрочемъ, эс-эры дѣлали уступки, мотивируя ихъ устами Гендельмана... „гибель У. С. есть гибель Россіи. Вопросъ поставили такимъ образомъ, что установленіе опредѣленнаго кворума и опредѣленнаго срока для возобновленія работы У. С. дѣлается условіемъ соглашенія. Итакъ, передъ нами опасность дальнѣйшаго безвластія, если это условіе не будетъ принято... въ виду тяжкой отвѣтственности, лежащей на насъ, отъ имени партіи соц.-рев. я заявляю, что члены У. С., принадлежащіе къ нашей партіи б у д у т ъ настаивать на признаніи кворума въ 250 чел. и на срокъ созыва 1 января

*) „Всѣ ждутъ результатовъ работъ Гос. Сов." — говорилъ 18 сентября Ѳоминъ. „Изъ Самары бѣгутъ, кажется, не столько потому, что близки большевики, сколько вслѣдствіе паники, порожденной тѣмъ, что властъ не можетъ создаться, что странѣ грозитъ хаосъ". (216).

**) Милюковъ говоритъ о давленіи, оказанномъ чехами: „споръ былъ п р е р в а н ъ чехо-словацкимъ Совѣтомъ, который вынесъ постановленіе, что „настоящее политическое положеніе власти требуетъ немедленнаго созданія центр. всерос. пр." (I, 17). Авторъ первой исторіи гражданской войны фактически рѣдко ссылается на источники, откуда онъ черпаетъ свои свѣдѣнія. Надо думать, что здѣсь имѣется въ виду вышецитированная резолюція Нац. Совѣта, вынесенная до возникновенія самихъ споровъ на совѣщаніи. (Повидимому, свѣдѣнія объ „ультиматумѣ" Сырового на Уф. Сов. авторъ заимствовалъ отъ Гутмана—стр. 283). Косвенное давленіе чехи оказывали на Совѣщаніе, вѣрнѣе на эс-эровъ. Чехи — разсказываетъ Серебренниковъ — „сторонились насъ, представителей Сиб. пр., избѣгали всякаго контакта съ нами и въ то же время находились въ постоянномъ контактѣ съ эс-эрами. Въ теченіе моего 12-дневнаго пребыванія въ Уфѣ, я не имѣлъ ни одной бесѣды съ чехословаками" (11).

1919“ (178). Далѣе Гендельманъ пояснялъ, что 1 февраля Уч. Собр. возобновитъ свою дѣятельность при всякомъ кворумѣ*) и „можетъ быть, ограничится однимъ назначеніемъ перевыборовъ“ (186). Логически это будетъ вытекать изъ позиціи партіи, но „формально я объ этомъ не уполномоченъ заявить“—добавлялъ Гендельманъ. Такъ осторожно говорили лидеры партіи о возможности ограниченія функцій будущаго У. С.

Пренія по вопросу о кворумѣ и срокѣ созыва У. С. чрезвычайно показательны. Изъ нихъ видно, какъ у лидеровъ Комуча почти насильно вытягиваются тѣ или иныя уступки и какъ эти лидеры до послѣдняго момента оставляютъ за собой „свободу дѣйствій“. Такая постановка не удовлетворяла Собранія. Кроль негодуетъ: „обязательство выходитъ одностороннее“ (214). Вслѣдъ за нимъ протестуетъ представитель уральскаго казачества Шендриковъ. Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что, признавъ старое У. С., казаки вышли за предѣлы своихъ полномочій и что отовсюду „уже послѣдовали протесты“ (219). Немедленно должно быть опубликовано все соглашеніе цѣликомъ. Этого именно не хотѣли представители партіи эс-эръ. По ихъ мнѣнію, Совѣщаніе не могло вообще обсуждать вопросовъ, связанныхъ съ У. С. Тутъ правомоченъ только съѣздъ членовъ У. С. Для Совѣщанія гарантіей служитъ заявленіе Ц. К.**). Ясно, что эс-эры не хотѣли давать опредѣленнаго и окончательнаго отвѣта до выясненія состава правительства. Гендельманъ такъ и заявилъ: „Наша воля такова. Когда создастся правительство, тогда и скажемъ о срокахъ.. Обязательствъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ соглашенія въ цѣломъ“ (214).

Я характеризую Совѣщаніе грубыми мазками. Мелкія детали иногда вскрываютъ подоплеку гораздо лучше, чѣмъ какіе либо принципіальные споры. Съ мучительной медленностью рождались рѣшенія. Подъ натискомъ казаковъ эс-эры

*) Партія соглашалась въ дальнѣйшемъ установить кворумъ и для февраля — 170 человѣкъ.

**) Позже эс-эры большинства заявляли, что имъ не были извѣстны уступки, сдѣланныя отъ имени партіи въ согласительной комиссіи.

согласились созвать немедленно Съѣздъ наличныхъ членовъ У. С. и внести соотвѣтствующую намѣтившимся рѣшеніямъ Совѣщанія резолюцію.

Съѣздъ вынесъ требуемое постановленіе. И понятно, это были тѣ же лица въ другомъ одѣяніи. Такъ люди въ отвѣтственный моментъ играли фикціями.

Въ связи съ вопросомъ о возобновленіи дѣятельности У. С. было предъявлено еще одно требованіе, оказавшееся въ самомъ ближайшемъ будущемъ чреватымъ послѣдствіями: все дѣло подготовки У. С. къ 1 января должно было находиться въ рукахъ самого У. С., т. е. въ рукахъ существующаго Съѣзда членовъ У. С. Этотъ Съѣздъ долженъ функціонировать, какъ „государственно-правовой органъ“ и правительство, „всемѣрно содѣйствуя“ ему, не должно вмѣшиваться въ его работу. Такая формулировка вызвала недоумѣніе и у Кроля, и у Ѳомина, и у другихъ (179 — 182). Авксентьевъ пытался убѣдить опонентовъ, что здѣсь нѣтъ ничего страшнаго: „это будетъ оффиціальный органъ постольку, поскольку правительство ему будетъ помогать“. Авксентьевъ не могъ тогда учитывать содержанія, которое вкладывали творцы этой идеи въ формулу съѣзда, какъ „государственно-правового“ органа. Тутъ не было рѣчи объ авксентьевскомъ „постольку, поскольку“. Гендельманъ довольно высокомѣрно обрываетъ споръ: „Меня удивляетъ этотъ долгій споръ, когда все сказано. Мы сошлись здѣсь не убѣждать третьихъ лицъ, а узнавать волю другъ друга. Нами все сказано. Ни измѣнить, ни прибавить намъ нечего.“... „Если созывъ У. С. будетъ порученъ другому органу — заявляетъ онъ ультимативно — это для насъ непріемлемо“ (183—4).

Комиссія вновь уступаетъ требованіямъ эс-эровъ*), и тогда фракція партіи с. р. „для того, чтобы облегчить соглашеніе“ „признала возможнымъ отказаться отъ контрольнаго органа на время до возобновленія работъ У. С. „Это уступка была сдѣлана въ отвѣтъ на категорическое за-

*) Кроль счелъ необходимымъ оговорить въ протоколѣ, что этотъ пунктъ считаетъ вреднымъ, могущимъ имѣть большія послѣдствія. Онъ пророчески оказался правъ.

явленіе Сибирскаго правительства, что оно „никакихъ контрольныхъ органовъ не допускаетъ“...

Обсуждалась на Совѣщаніи и дѣловая программа Временнаго Правительства. П. Н. Милюковъ называетъ ее „довольно умѣренной“. Въ сущности почти безъ измѣненій былъ принятъ проектъ, предложенный эс-эровской фракціей. Были внесены нѣкоторыя смягченія въ вопросѣ о федераціи и главнымъ образомъ о земельномъ законѣ. Въ эс-эровскомъ проектѣ стояло: „въ области земельной политики Пр. руководствуется основными положеніями закона о землѣ, принятыми У. С. 5 января, принимая мѣры къ немедленному возобновленію работъ земельныхъ учрежденій, которыя должны до созыва У. С. регулировать трудовое землепользованіе на началахъ максимальнаго использованія земельной площади и уравнительности, примѣняясь къ бытовымъ и областнымъ особенностямъ отдѣльныхъ мѣстностей“ (156). Ѳоминъ („Единство“) заявляетъ, что онъ „принципіально не раздѣляетъ положенія о землѣ, принятаго на засѣданіи У. С. 5 января“... „Чтобы этотъ пунктъ не вызвалъ здѣсь разногласія“ предлагаетъ опустить ссылку на законъ. То же самое „ультимативно“ ставитъ Кроль, ибо при сохраненіи этого пункта „ни одинъ кадетъ не будетъ въ состояніи вступить въ правительство“ (204). Гендельманъ указываетъ, что „это можно истолковать опредѣленно, что частная собственность отмѣнена, а земля все же до рѣшенія въ У. С. должна оставаться въ рукахъ фактическихъ владѣльцевъ“. Принимается этотъ пунктъ въ такой формулировкѣ: земля остается въ рукахъ ея фактическихъ пользователей и принимаются мѣры... къ расширенію трудового землепользованія.

Слѣдовательно, за закономъ 5 января и эс-эры согласились признать лишь характеръ деклараціи.

Аналогичныя пренія возникли и о федераціи. 5 января также принятъ былъ законъ, объявляющій Россію федеративной демократической республикой. Представитель соц.-демократіи Кибрикъ заявляетъ о непризнаніи его партіей федераціи. Кроль также противъ федераціи, но предполагаетъ, что Украина врядъ ли присоединится иначе, какъ

при федераціи. Этотъ пунктъ въ измѣненіе закона 5 января былъ принятъ въ видѣ предположенія, что У. С. дастъ окончательное установленіе государственной организаціи на федеративныхъ началахъ. Здѣсь эс-эры оказались гораздо болѣе уступчивы, чѣмъ въ вопросахъ объ организаціи власти.

* * *

Наконецъ, Совѣщаніе остановилось на персональномъ составѣ будущаго правительства. При намѣчаніи кандидатовъ произошелъ довольно большой разбродъ. Его легко было бы избѣжать, если бы члены „Союза Возрожденія" болѣе опредѣленно проводили на Совѣщаніи установленную въ Москвѣ линію. Всѣ группы однако назвали коалиціонный составъ правительства, за исключеніемъ эс-эровъ, которые выдвинули только партійныхъ кандидатовъ *).

Какъ и въ другихъ случаяхъ, основныя группы договорились, и 21 сентября ген. Болдыревъ отъ имени делегаціи „С. В.", Сибирскаго правительства, казачьихъ организацій и др., выдвинулъ списокъ, совпадавшій съ московскимъ. Онъ дополнялся лишь Вологодскимъ **). Этотъ списокъ въ концѣ концовъ и былъ принятъ. Къ членамъ правительства были намѣчены персональные замѣстители: къ Авксентьеву — Аргуновъ, къ Астрову — Виноградовъ (к.-д.), къ Болдыреву — Алексѣевъ, къ Вологодскому — Сапожниковъ, къ Чайковскому — Зензиновъ. Каждому члену правительства выбирался свой замѣститель: къ нар. соц. Чайковскому замѣстителемъ попалъ соц.-рев. Зензиновъ. Это сразу нарушило равновѣсіе силъ въ коалиціонной Директоріи, такъ, по крайней мѣрѣ, воспринято было

---

*) Соціалъ-демократы въ виду „принципіально отрицательнаго отношенія къ Директоріи" воздержались отъ участія въ обсужденіи вопроса о конструкціи и персональномъ составѣ Вр. Пр.

**) По отчету невозможно себѣ представить, какъ реагировалъ „лѣвый" секторъ на этотъ списокъ. По словамъ Майскаго, ему былъ противопоставленъ другой, гдѣ не было Авксентьева и Чайковскаго, замѣненныхъ Тимофѣевымъ и Зензиновымъ. Мы за этимъ „торгомъ" слѣдить не будемъ. Перепитіи его не достаточно ясны. Пожалуй, онъ имѣетъ второстепенное значеніе.

это широкимъ общественнымъ мнѣніемъ*). Такъ расцѣнивали кандидатуру Зензинова и многіе въ „лѣвомъ секторѣ": „эс-эрамъ... удалось... проскочить сквозь игольное ушко и провести одного изъ своихъ партійныхъ людей въ составъ кандидатовъ. Но это была все таки очень слабая компенсація за то огромное пораженіе, которое они понесли въ Уфѣ" (Майскій. 245). Чайковскій былъ въ отсутствіи. Членомъ Директоріи становился Зензиновъ.

Соглашеніе всетаки состоялось, 23 сентября Совѣщаніе „одобрило актъ объ образованіи всероссійской верховной власти"**). Члены Директоріи принесли „торжественное обѣщаніе".

* * *

Уфимское Совѣщаніе, несмотря на всю свою торжественность, было въ дѣйствительности довольно обыденной прозой. Отчетъ, рисующій обликъ русской общественности — и въ особенности ея „лѣваго" сектора, производитъ мѣстами гнетущее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, ничего радостнаго въ немъ нѣтъ. Вы не ощущаете въ немъ того подъема, который необходимъ людямъ для того чтобы творить государственное дѣло. Но, можетъ быть, въ жизни надо, чтобы проза облекалась въ лирическія и патетическія формы.

23 сентября залъ „Сибирской гостинницы" былъ переполненъ, вездѣ сіяли огни. Въ соотвѣтствіи съ обстановкой говорилась и заключительная рѣчь предсѣдателя Совѣщанія, избраннаго и временнымъ предсѣдателемъ новаго временнаго Всероссійскаго правительства:

> ...Если на ряду съ твердостью, единой волей правительства, будетъ твердость и единая воля страны, если мы поймемъ всѣ, что большое и высшее право, которое

*) Изъ пяти членовъ правительства — три эс-эра, таково было мнѣніе не только правыхъ, но нѣкоторыхъ военныхъ круговъ, которые и Вологодскаго причисляли къ „агентамъ партіи". См. напр., рукописныя воспоминанія ген. Рябикова въ „Рус. Ист. Загр. Архивѣ" (Прага).

**) „Актъ" напечатанъ, между прочимъ, и въ „Архивѣ" І. В. Гессена (т. XII). Въ актъ включена цѣликомъ и программа, принятая для Директоріи.

теперь есть у Русскаго человѣка, это есть право пожертвовать собой, пожертвовать всѣмъ во имя того великаго, единаго, цѣлаго, которое мы именуемъ нашей свободной родиной, мы, Врем. Прав. Россіи, и Вы, избравшіе насъ и представляющіе всенародныя массы, мы должны сейчасъ дать великую, единую клятву: клянемся, братья, клянемся тѣмъ, что мы въ этихъ жертвахъ и въ этомъ единеніи, въ одной волѣ, въ одной стальной волѣ не остановимся ни передъ чѣмъ. И если эту великую клятву мы здѣсь дадимъ, и если этотъ великій актъ заключили здѣсь, то, я глубоко убѣжденъ, что Россія — наша Россія — будетъ спасена" (255).

Слѣдуетъ запомнить и рѣчь тов. предс. Чехословацкаго Нац. Совѣта д-ра Павлу, котораго Совѣщаніе привѣтствовало стоя. Онъ закончилъ словами:

„...Если мы имѣемъ нѣкоторую заслугу и созданіе настоящаго момента, если мы тоже что-то создали для Великой Единой Россіи — это не случайно; это потому, что въ каждомъ изъ насъ имѣется ясное сознаніе, что наша судьба и Ваша судьба — судьба общая, потому что мы, какъ и Вы, боремся за свободу, потому что мы, какъ и Вы, боремся за единство. Мы вѣримъ, и потому боремся, что безъ единой и свободной Россіи не будетъ единой и свободной Польши, не будетъ единой и свободной Румыніи, не будетъ единой и свободной Юго-Славіи. И потому мы здѣсь всѣ угнетенные народы Средней Европы собрались и собираемся для того, чтобы съ Вами дальше бороться до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлена свобода нашей родины" (213).

Но все это декорумъ. Очень мало подходили эти рѣчи къ той дѣйствительности, которая была на-лицо. „Вечерній горячій призывъ къ единенію разсѣялся въ предразсвѣтномъ туманѣ. Вражда и рознь открыто ползли изъ всѣхъ щелей. Такъ начинался первый день Вр. Вс. Правительства-Директоріи" — этими словами закончилъ главу „Образованіе Директоріи" въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ творцовъ уфимскаго компромисса ген. Болдыревъ (53). Что лучше: худой миръ или добрая ссора? Нѣтъ на это общаго отвѣта. Уфимскій компромиссъ не могъ быть искреннимъ — претенціозны были требованія „лѣваго" сектора и слишкомъ много уступокъ пришлось сдѣлать другому

лагерю. „Это соглашеніе — подводитъ итоги Серебренниковъ — не родилось въ атмосферѣ энтузіазма — оно было вынужденнымъ и поэтому неискреннимъ и таило въ себѣ зародышъ будущей борьбы, столкновеній и распри“ („Сиб. Арх.“ 13). Создавалась какая то фикція, которая дѣйствительно запутывала еще болѣе сложную политическую обстановку и дѣлала еще болѣзненнѣе разрѣшеніе назрѣвшихъ конфликтовъ...

Возражая Кролю, Н. Д. Авксентьевъ обмолвился: „нужно думать, что будетъ съ Россіей въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ“ (189). Роковая ошибка. Черезъ три мѣсяца уже не было Директоріи.

4. НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

Только казалось „въ послѣдніе часы совѣщанія“, что рѣшеніе въ Уфѣ найдено, что „демократія можетъ объединиться въ единую силу, что духъ борьбы и недовѣрія отлетѣлъ, унесенный пережитымъ и осознаннымъ общимъ горемъ, горемъ страны и что мы способны къ работѣ возрожденія“ (Аргуновъ, 20). Рѣшенія въ Уфѣ не было найдено.

Внѣшне побѣдила тактика Авксентьева*) и „умная діалектика“ Гендельмана. Побѣдили эс-эры — утверждаетъ Серебренниковъ въ противоположность Майскому: „Сибиряки и примыкающія къ нимъ группы пошли на большой принципіальный компромиссъ, вырвавъ у противниковъ нѣкоторыя уступки непринципіальнаго свойства“ (13). 28 сентября на Съѣздѣ членовъ У. С. Гендельманъ говорилъ: „Для нашей партіи сегодняшній день — великая награда за борьбу въ дѣлѣ освобожденія Россіи... Сегодня передъ нами разгорается заря, когда мы увѣрены, что близокъ день возобновленія работы возрождающагося У. С. 1 января возобновится великое наше Учредительное Собраніе“ („Сибирь“ № 63). Рѣчь Авксентьева на съѣздѣ такая же

*) За что Утгофъ и назвалъ его великимъ мастеромъ на компромиссныя рѣшенія и изобрѣтателемъ „бумажныхъ гарантій“.

апологетика — это апофеозъ тому Учред. Собранію, къ ногамъ котораго сложить свои уполномочія члены правительства считаютъ своей „священной обязанностью“.

Видѣлъ „побѣду демократіи“ и Зензиновъ. Въ Уфѣ — говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ — мы сказали, что не уѣдемъ, не создавъ государственной власти. Обѣщаніе исполнили. Въ составъ Правительства намъ не удалось провести всѣхъ, кого мы считали необходимымъ имѣть для даннаго времени. Но одержали побѣду въ признаніи правъ даннаго У. С. („Сибирь“ № 64).

Въ дѣйствительности не всѣ были настроены такъ оптимистически. Не всѣ видѣли въ достиженіяхъ Уфимскаго Совѣщанія побѣду демократіи.*) Въ книгѣ Майскаго приведена лента разговора по прямому проводу автора воспоминаній съ самарскимъ министромъ ин. дѣлъ Веденяпинымъ. Разговоръ относится къ тому самому моменту, когда рождалось Всер. Вр. Пр.

Майскій. Сейчасъ только закончилось засѣданіе Совѣта Управляющихъ вѣдомствами по вопросу о сформированіи Директоріи. Совѣтъ поручилъ мнѣ передать Комитету членовъ Учредит. Собранія слѣдующее: Совѣтъ сильно разочарованъ составомъ Директоріи, однако полагаетъ, что задача демократіи — твердо отстаивать свои позиціи до послѣдней возможности. Если мы потерпѣли пораженіе въ вопросѣ о составѣ Директоріи, то должны постараться взять реваншъ на другой позиціи, именно на составѣ дѣлового кабинета...

Веденяпинъ. Думаю, что достигнуть чего-либо невозможно. Ваши пожеланія будутъ переданы и, по мѣрѣ силъ, наши товарищи будутъ ихъ отстаивать. Врем. Правит. уже существуетъ и сейчасъ приняло присягу...

Формированіе дѣлового кабинета теперь зависитъ отъ Врем. Прав. и мы можемъ вліять на его составъ только частнымъ образомъ, что мы и будемъ дѣлать.

Майскій. Итакъ, поздравляю васъ съ рожденіемъ Всер. власти. Не думалъ, что придется встрѣчать это

*) „Потерявъ голову, по волосамъ не плачутъ“ — запечатлѣлъ на листѣ уфимскихъ автографовъ с.-р. Лошмаковъ.

событіе съ такими смѣшанными чувствами. Что день грядущій намъ готовитъ?

Веденяпинъ. Извѣщаю васъ о смерти Комитета. Это наше общее настроеніе (241—43).

Пессимизмъ членовъ Комитета У. С. объясняется, конечно, отчасти подавленнымъ настроеніемъ въ связи съ событіями на волжскомъ фронтѣ: „рушилось зданіе, надъ возведеніемъ котораго соц.-рев. и меньшевики четыре мѣсяца работали съ такимъ увлеченіемъ и надеждами, и никто не могъ указать какого-нибудь средства спасенія“ (Майскій 259). Послѣ разгрома Самары у соц.-рев. явилось сожалѣніе въ „ненужной жертвѣ“ — признаетъ Авксентьевъ въ томъ письмѣ товарищамъ на югъ, которое напечатано въ „Пролет. Революціи“. На первыхъ же порахъ слѣва началось: „постолько — посколько и даже хуже“. „Слѣва“ — это то крыло партіи с. р., которое продолжало своимъ лидеромъ считать Чернова. Достаточно символическую картину какъ бы фотографируетъ письмо Авксентьева. Въ Самарѣ происходитъ концертъ-митингъ по поводу образованія демократической всероссійской власти. Всеобщее ликованіе. Весь партеръ въ театрѣ стоитъ. Сидитъ лишь одинъ. Крики: „Встать!“ Раздаются угрозы. „Съ кислой улыбкой“, „нехотя“ встаетъ прославленный бывшій — „селянскій министръ“. Онъ не сочувствуетъ Уфимскому соглашенію, потому что „сдѣлано не имъ и не для него“ (квалификація Авксентьева). Пустой инцидентъ, но дѣйствительно онъ „эмблематиченъ“! „Можно себѣ представить, каково было дѣйствіе, когда онъ оказался на самомъ съѣздѣ У. С“... Нужно запомнить хорошо эти слова Н. Д. Авксентьева: они будутъ необходимы при оцѣнкѣ послѣдующихъ событій.

Съ самаго начала Черновъ, не бывшій или не допущенный на Уфимское Совѣщаніе, „занялъ рѣзко отрицательное отношеніе къ соглашенію съ буржуазіей“, требовалъ разрыва соглашенія и объявленія Комуча всероссійской властью (Утгоф. 41). Черновъ по его собственнымъ словамъ можетъ только гордиться этимъ*) и сожалѣть, что его пре

*) Въ статьѣ „Историкъ или истерикъ“, помѣщенной въ „Волѣ

достерегающій голосъ могъ прозвучать лишь запоздалымъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Въ то время дѣло не ограничилось сожалѣніемъ, была сдѣлана попытка исправить ошибку, допущенную въ Уфѣ, и найти средство такъ или иначе аннулировать „актъ“, подъ которымъ была и подпись Цека партіи. Святицкій — единственный пока разсказавшій, что дѣлалось въ эти дни за кулисами партіи — утверждаетъ, что соглашеніе въ Уфѣ было фактически подписано отъ имени партіи меньшинствомъ Ц. К. Въ Уфѣ было 7 цекистовъ, изъ нихъ трое было противъ соглашенія, четверо за. Слѣдовательно, санкція была дана большинствомъ одного голоса, но „если къ голосамъ Уфимскихъ цекистовъ присоединить голоса цекистовъ бывшихъ въ Самарѣ,*) то соотношеніе было бы совсѣмъ иное: за соглашеніе 4, противъ 6. Уфимскіе товарищи не приняли во вниманіе голоса самарскихъ цекистовъ, и воля Ц. К. была такимъ образомъ явно извращена“ (59). Какъ только закончилось Государственное Совѣщаніе, всѣ цекисты выѣхали въ Самару, чтобы устроить пленарное засѣданіе и обсудить „создавшееся, крайне тяжелое для партіи положеніе“. На этомъ пленумѣ побѣдила, конечно, точка зрѣнія Чернова, и въ результатѣ Ц. К. 11 октября вынесъ ту самую резолюцію, которой суждено было сыграть на востокѣ большую политическую роль. „Центральный Комитетъ не могъ, разумѣется, аннулировать свои же уфимскія постановленія“ — отмѣчаетъ мотивы Святицкій. „Не могъ онъ также и не признать новообразованную Директорію, ибо такое непризнаніе post factum породило бы рѣзкій расколъ въ средѣ самой демократіи и бросило бы еще не соорганизованную лѣвую часть демократіи въ открытую борбу съ реакціей, которая къ тому же стала бы дѣйствовать подъ прикрытіемъ правыхъ демократическихъ круговъ. Поэтому Центр. Комитетъ ограничился, съ одной

Россіи“ и „представляющей собой отвѣтъ на мой фельетонъ „Кто онъ?“ (Посл. Нов.“) Черновъ самъ заявляетъ: „Я дѣйствительно, прибывъ въ Самару и узнавъ. съ кѣмъ и какого рода заключается компромиссъ — по прямому проводу заклиналъ цекистовъ, находящихся въ Уфѣ, не губить партію и демократію“.

*) Ракитниковъ, Раковъ, Черновъ.

стороны рѣзкой критикой — „невыдержанной“, „колеблющейся“ и „несоотвѣтствующей рѣшеніямъ съѣзда и Совѣта партіи“ линіи поведенія фракціи эс-эр. на Уфимскомъ Совѣщаніи, а съ другой стороны — обратился ко всей демократіи съ горячимъ призывомъ мобилизовать всѣ свои силы, чтобы отвратить грядущее нападеніе реакціи на демократію. Центральный Комитетъ не призывалъ свергать Директорію, но онъ исходилъ изъ того взгляда, что Директорія — учрежденіе мертворожденное, что событія могутъ пойти мимо нея, что вопросъ объ Учредительномъ Собр. нельзя считать разрѣшеннымъ Уфимскимъ соглашеніемъ“ (60).

Отнынѣ эс-эровская иркутская газета „Дѣло“ назоветъ Уфимское Совѣщаніе — „Вальпургіевой Ночью“... Предзнаменованіе не очень хорошее!

„Фальшивость“ уфимскаго компромисса, когда одни надѣялись, что У С. не соберется*), а другіе думали обратить въ постоянно дѣйствующій органъ Съѣздъ членовъ У. С.**), побудила многихъ представителей другой договаривавшейся стороны отвергнуть соглашеніе. Къ нимъ прежде всего принадлежалъ избранный въ число членовъ Директоріи Н. И. Астровъ. Въ екатеринодарской газетѣ „Великая Россія“ (№ 72 13/25 ноября) появилась бесѣда Астрова, въ которой членъ Директоріи заявлялъ о своемъ отказѣ вступить въ новое правительственное образованіе. Онъ отмѣчалъ прежде всего измѣненіе „московской схемы московскаго соглашенія“. Измѣненіе это онъ видѣлъ въ „попыткахъ возвращенія къ жизни стараго У. С.“

... „Отстаивая лично идею Учр. Собр., какъ верховнаго полновластнаго органа, имѣющаго въ конечномъ

---

*) „Сибиряки надѣялись — пишетъ Серебренниковъ — что нужнаго количества членовъ У. С къ 1 января не наберется и что за 5 мѣсяцевъ много можетъ утечь воды“ (13).

**) На торжественномъ засѣданіи Съѣзда 26 сентября была устроена даже своего рода демонстрація, хотя съѣздъ юридически уже не являлся органомъ законодательной власти, тѣмъ не менѣе Совѣтъ Упр. Вѣд.. рѣшилъ въ полномъ составѣ явиться на первое засѣданіе Съѣзда, желая этимъ демонстративно подчеркнуть, что онъ по прежнему считаетъ себя политически отвѣтственнымъ только передъ У. С.“ (Майскій 261).

результатѣ установить форму государственнаго устройства Россіи, я съ тѣмъ большей рѣшительностью отвергаю всякую мысль о возможности вступленія въ правительство, которое ставитъ себя въ зависимость отъ стараго, уже не существующаго Учр. Соб.

Этимъ рѣшается вопросъ о принятіи мною избранія въ составъ Врем. Правит., образованнаго Уфимскимъ Совѣщаніемъ, и заявляю, что въ составъ Директоріи, ставящей себя въ зависимость отъ стараго Учред. Соб., я не вступаю.

Не желая отрываться отъ дѣйствительности, я не могу также не признать, что въ настоящее время кореннымъ образомъ перемѣнилась вся политическая обстановка, которая не даетъ основанія считать, что уфим. образованіе можетъ почитаться всероссійской властью. При современныхъ условіяхъ это лишь одно изъ образованій на трудномъ и долгомъ пути собиранія Россіи, это лишь часть сложнаго процесса образованія общегосударственной и всероссійской власти. Въ этомъ процессѣ неизбѣжны перегруппировки, перестроеніе и даже коренныя измѣненія самыхъ основъ и конструкцій власти. Это совершенно неизбѣжно въ особенности, если принять во вниманіе что въ образованіи этой власти не участвовали области, оторванныя отъ Сѣверо-Востока".

Вмѣстѣ съ тѣмъ я со всею рѣшительностью утверждаю, что съ этимъ правительствомъ, объединившимъ Сѣверо-Восточную часть Россіи необходимо установить соглашеніе для достиженія общихъ цѣлей и задачъ, стоявшихъ передъ Россіей".

На Уфимскомъ Совѣщаніи фактически отсутствовали представители Національнаго Центра и только въ силу этого могло быть принято реально неосуществимое рѣшеніе — утверждалъ Бѣлоруссовъ въ своемъ екатеринбургскомъ докладѣ... Въ немъ подчеркивалось, что ген. Алексѣевъ, считающій необходимымъ установленіе единоличной власти, еще лѣтомъ заявилъ московскимъ общественнымъ организаціямъ, что онъ ни въ какую коллегію не войдетъ („Пріур. Вѣст."). Мы знаемъ, однако, изъ сообщенія А. И. Деникина, что Алексѣевъ готовъ былъ вступить въ Директорію при наличности опредѣленныхъ условій. Ихъ не было въ обстановкѣ, при которой родилась новая власть. Конечно, „югъ", который Болдыревъ обвиняетъ въ излишнихъ „пре-

тензіяхъ" (30), встрѣтилъ Директорію „безъ энтузіазма"; Деникину казалось „политически несообразнымъ" отвѣтственность коалиціоннаго правительства передъ „эс-эровскимъ собраніемъ". И не могла южанъ удовлетворить позиція, которая развивалась въ полученномъ Алексѣевымъ отъ Болдырева письмѣ (30 сентября): „Мы исходили изъ того убѣжденія: если новая власть укрѣпится за періодъ безотвѣтственной работы, едва ли тогда явится у кого-либо желаніе итти противъ такой власти. И тогда будущее покажетъ дальнѣйшій ходъ государственной жизни Россіи. Если же этой власти не удастся справиться съ тѣми исключительными по трудности условіями работы, тогда становится безразличнымъ — будетъ ли она безотвѣтственной или нѣтъ". (Деникинъ, III, 258).

Созданіе Директоріи, какъ это ни странно, возродило къ жизни и идею диктатуры, которая была противопоставлена идеѣ Учред. Собранія 1917 г. На собраніи омскихъ кадетовъ В. Н. Пепеляевъ характеризовалъ Уфимское Совѣщаніе, какъ „побѣду антигосударственныхъ элементовъ", и принятая резолюція, высказываясь за „единоличную диктатуру", выдвигала, какъ очередную задачу партіи к.-д., содѣйствіе „освобожденію страны отъ тумана неосуществимыхъ лозунговъ (завоеванія февральской революціи, вся власть У. Собр. и т. д.), каковые являются въ данныхъ условіяхъ пагубными фикціями самообманомъ и обманомъ" („Сибирь" 24 окт. № 81). Отношеніе свое къ Вр. Всерос. Пр. омскій комитетъ партіи опредѣлялъ, какъ и самарскіе эс-эры, по лозунгу „постолько-посколько"—к.-д. ставили его въ зависимость отъ „дальнѣйшаго движенія" правительства „по пути государственности". Въ Уфѣ, по иниціативѣ Бѣлоруссова и другихъ, 17 октября открылся, какъ бы филіалъ московскаго „Національнаго Центра" подъ наименованіемъ „Всероссійскаго Національнаго Союза" — въ него вошли помимо Бѣлоруссова*), Б. В. Савинковъ, нѣсколько членовъ савинковской организаціи „Союза защиты родины и свободы" и даже представители группы

*) Для Бѣлоруссова Уф. Совѣщ. было также равненіемъ налѣво („От. В.").

„Единство“. Декларація „Національнаго Союза“, позже полностью опубликованная въ „Отеч. Вѣдом.“ (№ 13), подчеркивая значеніе Добровольческой Арміи, звала къ объединенію для національнаго и государственнаго возрожденія. Признавая „нормальнымъ волеизъявленіемъ націи“ вотумъ народнаго собранія, составленнаго изъ лицъ, „обладающихъ по своему возрасту и жизненному опыту достаточными данными для участія въ государственныхъ дѣлахъ“, Декларація объявляла „диктатуру“ наиболѣе отвѣчающей въ данный моментъ „формой организаціи власти“, твердой и авторитетной, необходимой для „объединенія и упорядоченія Россіи“.

Итакъ, почти на другой день послѣ торжественнаго акта созданія всероссійскаго коалиціонной и коллегіальной власти раздались голоса, съ одной стороны, о единоличной диктатурѣ, съ другой, о разрывѣ всякихъ коалиціонныхъ соглашеній... Но это уже новая глава въ исторіи гражданской войны на восточномъ фронтѣ. Новый этапъ, выдвинувшій, въ концѣ концовъ, на авансцену адм. Колчака въ роли Верховнаго также Всероссійскаго Правителя.

5. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ САМАРЫ.

Еще нѣсколько словъ о Самарѣ, чтобы не возвращаться къ ея концу. Она переживала періодъ медленной агоніи. 14 сентября пала Казань, хотя только еще 9 сентября власть объявила, что Казань сдана не будетъ. Большевицкія войска приближались къ столицѣ Комуча. Майскій въ чрезмѣрно минорныхъ тонахъ разсказываетъ о настроеніяхъ, царившихъ среди членовъ Совѣта Упр. Вѣд., явившихся въ Самару „совершенно убитыми“. Вѣра окончательно „рухнула“. „На будущее больше никто не надѣялся. Настроеніе стало предсмертнымъ, и рѣшенія правительства все чаще и чаще начали диктоваться стремленіемъ „какъ-нибудь доиграть игру“ (263). „Нисколько не удивительно поэтому — продолжаетъ Майскій — что въ засѣданіи Совѣта Управляющихъ 29 сентября по иниціативѣ самого Вольскаго былъ

поставленъ вопросъ о ликвидаціи Комитета членовъ У. С.". Это было единогласно*) признано необходимымъ. Сохранялся только Совѣтъ Упр. Вѣдомствами, какъ органъ областной власти на территоріи Комуча. Черезъ два дня Комитетъ пошелъ дальше и послалъ Директоріи мотивированную декларацію съ предложеніемъ управленіе территоріей Комуча осуществлять непосредственно Вс. Вр. Правительствомъ черезъ назначаемое имъ особо уполномоченное лицо. „Итакъ, генералъ-губернаторъ вмѣсто демократическаго органа областной власти. Куда же дальше итти?" — восклицаетъ Майскій. Авторъ не понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ. Самороспускъ Комуча былъ простымъ тактическимъ шагомъ. Вмѣсто него выдвигался Съѣздъ членовъ У. С. со всероссійскимъ значеніемъ; областнымъ же самарскимъ правительствомъ эс-эры мало интересовались. Вольскій пробовалъ въ Уфѣ предложить Самару, какъ резиденцію Директоріи. Но это было отклонено. Самара становилась провинціей, находившейся подъ ближайшимъ ударомъ наступавшихъ большевиковъ.

1 октября началась эвакуація Самары. Какъ всегда, планъ эвакуаціи что то срываетъ. Происходятъ безобразныя сцены. Эвакуируются всѣ наличныя боевыя силы. Идетъ запись добровольцевъ. Въ кавалерійскомъ отрядѣ Фортунатова появляются двѣ амазонки изъ состава партійной боевой дружины. Въ Самарѣ остается Черновъ, рѣшающій „принять участіе въ бояхъ и уйти только съ послѣднимъ отрядомъ". (Святицкій. 40).

Описаніе послѣдняго дня Самары бывшій министръ труда Самарскаго правительства заканчиваетъ сочной картиной:

„Мы вошли въ залъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія правительства, и невольно остановились въ недоумѣніи.

По серединѣ зала стоялъ небольшой столъ. За столомъ сидѣлъ Вольскій и еще нѣсколько эс-эровъ. На столѣ стояли бутылки и рюмки, виднѣлись селедка, хлѣбъ

*) Слѣдовательно и Майскаго, который въ воспоминаніяхъ подобный шагъ считаетъ ошибкой.

и еще какія то закуски. Лица у всѣхъ были красныя и возбужденныя. При нашемъ появленіи Вольскій поднялся съ мѣста и, держа въ рукѣ наполненную рюмку, демонстративно громко крикнулъ:

— Пью за мертвую Самару! Вы развѣ не слышите, что она уже смердитъ?

Онъ залпомъ опорожнилъ рюмку, швырнулъ ее на полъ такъ, что во всѣ стороны полетѣли осколки и затѣмъ съ какимъ то надорваннымъ хохотомъ опустился на стулъ.

Намъ стало невольно не по себѣ. Мы повернулись и поспѣшили уйти, но до самаго выхода насъ преслѣдовали жутко трагическіе звуки:

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Это Вольскій смѣялся надъ гибелью комитетской Самары"... (276—77).

Психологія людская извилиста. Переживанія Вольскаго возможно понять. Для Вольскаго крушилась власть, во главѣ которой онъ стоялъ...

Совершилось, въ сущности, неизбѣжное. И это совершившееся должно было направить мысль въ другое русло. Куда? Ракитниковъ утверждалъ въ „Дѣлѣ Народа" (№ 2, 5 октября), что эс-эры „безкорыстно поддерживали Директорію". Это во всякомъ случаѣ невѣрно по отношенію къ той группѣ, мнѣніе которой представлялъ Ракитниковъ. Они не шли по пути поддержки всероссійской демократической власти. Оправившись отъ самарскаго разгрома и получивъ преобладающее вліяніе въ центральныхъ органахъ партіи, лѣвое крыло с.-р. пыталось уже не декларативно, а реально разрушить уфимское соглашеніе и захватить власть отъ имени Съѣзда членовъ У. С.

Этого имъ не удалось. Тогда единомышленники Вольскаго перешли совѣтскій Рубиконъ.

Литература

Мнѣ нѣтъ надобности давать полный перечень существующей уже литературы. Желающіе съ ней познакомиться могутъ обратиться къ спеціальному указателю, выпущенному въ 1928 г. „Сибкрайиздатомъ“ въ Новосибирскѣ: А. И. Туруновъ и В. Д. Вегманъ „Революція и гражданская война въ Сибири“ (указатель книгъ и журнальныхъ статей). Указатель включаетъ въ себѣ литературу, какъ изданную въ Россіи, такъ и зарубежную. Включена сюда и часть литературы на иностранныхъ языкахъ. Краткій перечень можно найти въ „Хроникѣ гражданской войны въ Сибири 1917—1918“, составленной Максаковымъ и Турановымъ и ранѣе выпущенной въ Москвѣ (1926 г.). Въ сущности, въ 1928—29 гг. большихъ работъ въ Россіи не появлялось. Такимъ образомъ, первый указатель для Россіи является почти исчерпывающимъ.

Я вездѣ въ текстѣ дѣлаю ссылки на источники, которыми пользовался. Разъ ссылки нѣтъ, это означаетъ, что у меня имѣется соотвѣтствующій документъ или его копія. Такъ какъ книга моя предназначается для русскаго читателя, я стараюсь дѣлать, гдѣ возможно, ссылки на русскія изданія, если они даже касаются иностраннаго источника. Равно для удобства пытаюсь я ссылаться на общія изданія, разъ ссылка моя на первоисточникъ можетъ быть провѣрена по этому общему изданію. Ниже я привожу списокъ лишь тѣхъ книгъ, на которыя мнѣ болѣе или менѣе часто приходится ссылаться, дѣлая эти ссылки сокращенно (я указываю въ текстѣ автора и соотвѣтствующую страницу). Остальная литература указана въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

I. ЗАРУБЕЖНЫЯ ИЗДАНІЯ.

а) Книги.

Деникинъ А. И. Очерки русской смуты. Томъ III—V. 1924 год.

Аргуновъ А. А. Между двумя большевизмами. Парижъ, 1919.

Гинсъ Г. К. Сибирь, союзники и Колчакъ. Т. I и II. Харбинъ, 1921.

Гутманъ А. Я. (Ганъ). Россія и большевизмъ. Ч. I. Шанхай. 1921.

Драгомирецкій В. С. Чехословаки въ Россіи 1914—1920. Прага 1928.

Зензиновъ В. М. Государственный переворотъ адм. Колчака въ Омскѣ 18 ноября 1918. Сборникъ документовъ. Парижъ, 1919.

Кроль Л. А. За три года. (Воспоминанія). Владивостокъ, 1922.

Лебедевъ В. И. Борьба русской демократіи противъ большевиковъ. Нью-Іоркъ, 1919.

Массарикъ Т. Г. Міровая революція. Воспоминанія, т. I и II. Прага, 1926.

Мельгуновъ С. П. Исторія гражданской войны въ освѣщеніи П. Н. Милюкова. Парижъ, 1929.

Мельгуновъ С. П. Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны. Парижъ, 1929.

Милюковъ П. Н. Россія на переломѣ, т. II. Антибольшевицкое движеніе. Парижъ, 1927.

Раковъ Д. Ф. Въ застѣнкахъ Колчака. Парижъ, 1920.

Сахаровъ К. В. Бѣлая Сибирь. Мюнхенъ, 1923.

Серебренниковъ И. И. Къ Исторіи Сибирскаго правительства. „Сиб. Архивъ“, т. I. Прага, 1929.

Солодовниковъ Б. Сибирскія авантюры и ген. Гайда. Прага.

б) Статьи.

Андрушкевичъ Н. А. Послѣдняя Россія. „Бѣлое Дѣло“ IV.

Архангельскій В. Г. Казань во время борьбы съ большевиками. „Воля Россіи“ 28, 1911.

Брушвитъ И. М. Какъ подготовлялось волжское возстаніе. „Воля Россіи“ 28, X.

Будбергъ А. Дневникъ. „Арх. Рус. Рев.“ тт. IX, XIII, XIV, XV.

Глосъ И. Чехословаки и Сибирская Дума. „Вольная Сибирь“ IV.

Гутманъ А. Я. (Ганъ). Два возстанія. „Бѣлое Дѣло“, кн. III.

(Занкевичъ ген.). Обстоятельства, сопровождавшія выдачу адм. Колчака. „Бѣлое Дѣло“. II.

Изюмовъ А. Ф. (ред.). Уфимское Госуд. Совѣщаніе. „Рус. Ист. Арх.“. Прага, 1929.

Кирилловъ А. А. Сибирская армія въ борьбѣ за освобожденіе. „Вольн. Сибирь“ IV.

Климушкинъ И. Д. Передъ волжскимъ возстаніемъ. „Вол. Рос.“ 28. VIII—IX.

Кроль М. А. Сибирское правительство и Сиб. Обл. Дума. „Вольн. Сиб.“ IV.

Лебедевъ В. И. Отъ Петрограда до Казани. „Вол. Рос.“ 28. VIII—IX.

Нестеровъ И. Передъ выступленіемъ на Волгѣ. „В. Р.“ 28. X.

Николаевъ С. Возникновеніе арміи Комуча. „В. Р.“ 28. VIII—IX.

Флугъ В. Е. Отчетъ о командировкѣ изъ Добров. Арміи въ Сибирь въ 1918 г. „Арх. Р. Рев.“ IX.

Чечекъ О. Отъ Пензы до Урала. „В. Р.“ 28. VIII-IX.

Штейдлеръ Ф. Выступленія чехословаковъ въ Россіи 1918. „Вольн. Сиб.“ IV.

Якушевъ И. А. Очерки областного движенія въ Сибири. „В. Сиб.“ III, V.

Якушевъ И. А. Комитетъ содѣйствія созыву Земскаго Собора. „Вольн. Сиб.“ № VI—VII. (Прил. „Соб. Арх.“ Вып. II).

II. СОВѢТСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Анишевъ А. Очерки исторіи гражданской войны. Ленинградъ, 1925.

Болдыревъ В. Г. Директорія, Колчакъ, интервенція. Воспоминанія. Примѣчанія Вегмана. Новониколаевскъ, 1925.

Борьба за Уралъ и Сибирь. (Ред. Смирновъ и др.) 1926.

Буревой К. Г. Распадъ 1918—1920 г. М. 1923.

Вегманъ В. Какъ и почему пала совѣтская власть въ Томскѣ. „Сиб. Огни“ 1923, I, II.

Владимирова В. Годъ службы „соціалистовъ“ капиталистамъ. М. 1927.

Допросъ Колчака (ред. Попова). Ленинградъ, 1925.

Ильюховъ и Титовъ. Партизанское движеніе въ Приморьѣ. 1928.

Какуринъ И. Е. Какъ сражалась революція. Т. I и II. М. 1925.

Колосовъ Е. Е. Сибирь при Колчакѣ. Ленинг. 1923*).

Левидовъ М. Къ исторіи союзной интервенціи въ Россіи, т. I. М. 1925.

Майскій И. М. Демократическая контръ-революція. М. 1923.

Максаковъ В. и Туруновъ А. Хроника гражданской войны въ Сибири 1917—1918 (Особенно приложенія). М. 1926.

N. (Яковлевъ П. Д.?) Послѣдніе дни Колчаковщины. „Сиб. Огни“. 1922. № 2.

„Партизанское движеніе въ Сибири“. Т. I. Приенисейскій край. Сборникъ. Лен. 1925.

Парфеновъ П. С. (Петръ Алтайскій). Гражданская война въ Сибири 1918—20 г. изд. 2. М. 1925.

(Пепеляевъ В. Н.) Развалъ Колчаковщины (дневникъ) „Кр. Арх.“ XXXI.

*) Къ сожалѣнію, экземпляръ книги Колосова у меня пропалъ. Мнѣ приходится ссылаться на его статьи въ „Быломъ“, „Крестьянское движеніе при Колчакѣ“ (кн. XX) и „Какъ это было“ (кн. XXI). Въ остальныхъ случаяхъ я цитирую точную копію, снятую мною съ другихъ частей работы Колосова, не имѣя возможности дѣлать указаній на страницы. Ни въ Парижѣ, ни въ пражскомъ „Русскомъ Истор. Архивѣ“ я не могъ найти книги Колосова.

Пишонъ (маіоръ). Союзная интервенція на Д. Востокѣ. М. 1925.

„Послѣдніе дни Колчаковщины". (Ред. Константинова и Ширямова). Сборникъ 1926.

Подшиваловъ. Гражданская борьба на Уралѣ 1917—18 г. М. 1925.

Ракитниковъ. Н. И. Сибирская реакція и Колчакъ. Москва. 1920.

Революція на Д. Востокѣ. (Сборникъ). Вып. I. 1923.

Субботовскій И. Союзники, русские реакціонеры и интервенція. Л. 1926.

Святицкій И. В. Къ исторіи Всерос. Учр. Собр. Съѣздъ членовъ У. С. (сентябрь—декабрь 1918). М. 1921.

Уордъ. Союзная интервенція въ Сибири 1918—1919. М. 1923.

Утгофъ В. Л. Уфимское Гос. Совѣщаніе. „Былое" 21. № 16.

Яковенко. Записки партизана. М. 1925.

III. ИНОСТРАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Grondijs L. La Guerre en Russie et en Sibérie. Paris 1922.

Dubarbier. En Sibérie aprés l'armistice. Paris 1924.

Janin M. Frangments de mon journal sibérien. „Le Monde Slave" 1924, XII; 1925, III, IV.

Lasies J. La tragédie sibérienne. Paris.

Legras J. L'agonie de la Sibérie (1918—1920). „Le Monde Slave" 28, II.

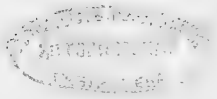
Montandon. Deux ans chez Koltchak et chez les bolcheviques. Paris 1923.

Pichon (col). Le coup d'état de l'amiral Koltchak. „M. Sl." 25, I, II.

Rouquerol. L'avanture de l'amiral Koltchak. Paris 1928.

Sadoul J. Notes sur la révolution bolchevique. Paris.

Gajda R. Moje paměti. Praha 1921.
Krejči F. U Sibiřské armady. 1922.
Kratochvil J. Česká revoluce. 1922.
Ant. Pavel. Sibirskí uvahy. I и II. (Сборник статей ред. „Чех.-Сл. Дневника“) 1925.
Přikryl B. Sibiřské drama. 1929.
Steidler F. Cechoslovenskí hnuti na Rusi. 1921.



Оглавленіе.

Стр.

Отъ автора III

Гл. I. Союзники. 1

1. Противогерманскій фронтъ. 2. Политика колебаній. 3. Военноплѣнные. 4. Выступленіе чехословаковъ.

Гл. II. Освобожденіе Сибири. 55

1. Соціалистическая власть. 2. Боевыя силы. 3. На зарѣ атаманщины. 4. Центральное правительство.

Гл. III. На фронтѣ „Комуча“ 88

1. Три версіи. 2. Въ Самарѣ. 3. Народная армія. 4. Борьба съ большевиками. 5. Политика тыла. 6. Демократія у власти.

Гл. IV. Сибирское правительство . . . 139

1. На Дальнемъ Востокѣ. 2. Начало конфликта. 3. Въ Сиболдумѣ. 4. Самара—Омскъ. 5. Адмінсовѣтъ. 6. Столкновеніе съ Думой.

Гл. V. Уфимское Совѣщаніе 193

1. Единая власть. 2. За кулисами. 3. Коалиціонный сговоръ. 4. На другой день. 5. Послѣдніе дни Самары.

Литература I

20.

K 3. 1. 35